

ВИТАЛИЙ ЕРЁМИН

18+

КРЫМСКАЯ

ЛИХОРАДКА

Виталий Ерёмин

Крымская лихорадка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67621844

SelfPub; 2022

Аннотация

Документально-художественный политический детектив. 1994-й год. Первым президентом Крыма становится бывший следователь прокуратуры Носков. Ярый сторонник возвращения полуострова в Россию. Но Москва не хочет раскрывать объятия родной Тавриде. Боится разрыва с Украиной. Зато служба безопасности Незалежной готовит Носкову одну ловушку за другой, пока не заманивает его в западню и не доводит конфликт с Россией до угрозы большой войны. Да, война могла разразиться еще тогда. Эти события просто не попали на страницы газет того времени. Но у крымского президента были еще два опасных врага. Два местных уголовника, которых он, будучи следователем, когда-то задержал за убийство. И вот они, самые большие местные «авторитеты», соревнуются друг с другом, кто первым уничтожит Носкова. Это был единственный случай, когда Большой криминал пытался войти в государственную власть путем убийства президента.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	49
Глава 10	55
Глава 11	59
Глава 12	64
Глава 13	80
Глава 14	85
Глава 15	92
Глава 16	99
Глава 17	104
Глава 18	110
Глава 19	118
Глава 20	123
Глава 21	136
Глава 22	140
Глава 23	149

Глава 24	160
Глава 25	163
Глава 26	167
Глава 27	171
Глава 28	177
Глава 29	186
Глава 30	191
Глава 31	199
Глава 32	205
Глава 33	219
Глава 34	221
Глава 35	224
Глава 36	229
Глава 37	237
Глава 38	242
Глава 39	247
Глава 40	252
Глава 41	258
Глава 42	276
Глава 43	280
Глава 44	294
Глава 45	298
Глава 46	304
Глава 47	307
Глава 48	319
Глава 49	325

Глава 50	328
Глава 51	332
Глава 52	342
Глава 53	346
Глава 54	348
Глава 55	353
Глава 56	359
Глава 57	369
Глава 58	384
Глава 59	386
Глава 60	405
Глава 61	417
Глава 62	430

Виталий Ерёмин

Крымская лихорадка

Глава 1

Они сидели в кафе гостиницы “Ялта” и отмечали первую в своей молодой жизни серьезную неприятность. Максим Брагин пил водку и курил одну сигарету за другой. Женька Зуев тянул пиво и угрюмо жевал воблу. Официант едва успевал менять пепельницу и тарелку для обедков.

Было еще не поздно, около восьми вечера. Но над городом уже нависали сумерки, а на судах зажигались огни. Вид на рейд выворачивал парням душу. Не бороздить им теперь моря и океаны. Не побывать в других странах. Всем мечтам хана.

Ритка Журавская насмешливо рассматривала своих чижиков. Про себя она иначе их не называла, умудряясь спать поочередно то с одним, то с другим.

– Ну и долго еще будем киснуть?

– Мы тебя не держим, – равнодушно бросил Женька. Сегодня была не его ночь.

Ритка перевела взгляд на Брагина.

– Макс, мне что, одной ехать?

– Как знаешь, – буркнул Брагин.

Ритка нервно закурила и обиженно закусил губу. Ехать до Симферополя на троллейбусе ей никак не улыбалось.

Максим сказал приятелю:

– Ладно, Пискаля, это еще не конец света. И вообще, все, что ни делается – к лучшему.

Женька кинул в тарелку недоеденную воблу. Любит же этот Брага называть его школьным прозвищем.

– Мне отчисление – по барабану. Я вообще хочу летать, а не плавать.

Брагин фыркнул:

– Ритка, ты слышала? Пискаля хочет летать. На чем ты хочешь летать, Пискаля? На ковре-самолете?

– На вертолете, – выдавил из себя Зуев и процедил со злостью. – Кончай называть меня Пискаля! Или я буду звать тебя Брагой.

Брагин пьяно икнул:

– Зови. Я не обидчивый. А вот я, Пискаля, хочу ездить в своих “жигулях”. Хочешь, у нас будет машина? Прямо сейчас? Хочешь?

– Точно! – обрадованно воскликнула Ритка. – Давайте возьмем левака.

Зуев с готовностью поднялся. Ему давно хотелось свалить отсюда.

У входа в ресторан стояли “жигули”. За рулем сидел молодой мужик. На груди спортивный значок с перчатками – эмблемой бокса. В глазах – тоска и злость. Брагин открыл

дверцу:

– Ну, что, мастер спорта, поехали?

Инженер-электронщик Лавров всего неделю назад купил “копейку”, влез на этой почве в дикие долги и теперь подрабатывал на извозе. Вид клиентов ему не очень понравился. “Надрались, молокососы. Небось, и денег-то нет”.

– Куда вам?

– До Симферополя, – сказала Ритка.

– Деньги есть?

Ритка открыла сумочку и предъявила кошелек. Лавров высокомерным кивком головы разрешил сесть.

Горная дорога освещалась плохо. Но бомбила знал каждый метр ялтинского серпантина. Гнал на крутых поворотах под 100 километров. Ритка вжалась в переднее сидение и повизгивала от страха. Брагина и Зуева эта бешеная езда тоже раздражала, но они сидели молча, сцепив зубы.

Лавров гнал не по лихости, а по психологическим соображениям. Мало ли что на уме у этой троицы. Если что-то нехорошее, то трижды подумают. Одно неловкое движение руля – и машина в пропасти.

Бомбила все рассчитал правильно. Только не учел, что один из клиентов выпил много пива, а другой хлестал водку, не закусывая, и когда пьянел, то зверел.

– Остановись, отлить надо, – сказал Зуев.

– В Симферополе отольешь, – отозвался Лавров.

– Боишься, что ли? – спросил Брагин.

Лавров промолчал.

– Если боишься, бросай бомбить. А не боишься, останови.

Или я тебе на пол налью, – пригрозил Зуев.

– Валяй, – сказал Лавров.

– Ну, ты козел! – взорвался Брагин.

– Приедем, разберемся, кто козел, – сказал себе под нос

Лавров.

“Жигули” пошли на крутой спуск, впереди была “ловушка” – дорога с подъемом, проложенная на всякий случай для машины, у которой отказали тормоза. Сидевший позади водителя Брагин воспользовался моментом и обхватил Лаврова за шею обеими руками. Машина влетела в “ловушку” и остановилась.

– Зачем далеко ехать? Здесь разберемся, кто из нас козел, – злорадно цедил Брагин, сдавливая шею водителя.

Но Лавров резким движением освободился от хватки и выскочил из машины.

Светила полная луна.

Зуеву было не до разборки. Выйдя из “жигулей”, он торопливо расстегивал ширинку. Брагин сидел в машине, выбирая, в какую дверцу выйти, чтобы сходу не попасть под кулаки мастера спорта.

Чтобы сократить число врагов до минимума, Лавров подошел к Зуеву и отправил его в нокдаун одним ударом. Потом бросился к машине, чтобы вытащить из нее другого клиента. Но Брагин был наготове. Он толкнул обеими ногами

полуоткрытую дверцу. Лавров упал и схватился за лодыжки. Зуев очухался и пнул его в голову. Брагин вылез из машины и добавил. Они футболили Лаврова, пока их не остановила Ритка.

– Хватит, убьете!

Брагин сел на валун и трясущимися руками раскурил сигарету. Зуев снова мочился.

– Ну, вот тебе и “жигули”, – сказал ему Брагин.

– Эй! – воскликнула Ритка.

Это Лавров зашевелился и начал вставать.

Зуев подскочил и ударил его ногой в подбородок.

– Ну, козлы, вы ответите, – прощамкал Лавров разбитым ртом.

Брагин отбросил сигарету, и ударил его ногой в висок. Лавров затих.

Ритка подошла, хотела разглядеть лицо бомбилы. Но было слишком темно.

– Посветите, – сказала она.

Брагин включил фары.

– Он смотрит на меня, – завопила Ритка.

Брагин с трудом поднял небольшой валун и подошел к Лаврову. Зуев смотрел на него во все глаза, не понимая, что он задумал. Брагин выпустил из рук валун прямо на голову Лаврова.

– Идиот, ты что наделал? – заорал Зуев.

Брагин обшарил карманы убитого, вынул техпаспорт и во-

дательское удостоверение, опустошил бумажник. Денег было всего ничего.

– Идиот, – с новой силой заорал Зуев. – Ты что натворил? Ты нам всем жизнь сломал!

Глава 2

Алла была пампушка: пухленькая, с атласной кожей и прочими невыразимыми прелестями. Носков был неутомим целый вечер. А под конец вдруг расшалился, стал смеяться над какой-то своей мыслью. Спросил Аллу:

– Ты когда-нибудь видела это сладкое занятие со стороны?

– Знаешь, не приходилось.

– А я однажды видел. Смешно невероятно.

– Тебе пора домой, – сказала Алла.

Она всегда напоминала Носкову о времени, и это его злило. Хотя он знал, что Алла действительно не хочет, чтобы у него были неприятности с женой.

Алла замурлыкала себе под нос какую-то мелодию, изо всех сил делая вид, что уход Носкова ее мало трогает.

– Н-да, слух у тебя, прямо скажем, не ахти, – поддел ее Носков.

Алла рассмеялась:

– Мама часто говорила мне: если хочешь выйти замуж, до свадьбы не пой. Но я пою.

– Аллочка, а ты знаешь, что такое сатори? – неожиданно спросил Носков.

– Японцы так называют предчувствие, озарение.

– Все-то ты знаешь, – ласково проворковал Носков. – И что тебе сейчас подсказывает твое сатори?

Алла улыбнулась.

– Я уже сказала. Сейчас ты оденешься и пойдешь к себе домой.

Носкова неожиданно потянуло на воспоминания.

– Знаешь, был у меня случай. Выезжаю на убийство. Садист развесил потроха своей жертвы на светильнике. Ищем отпечатки пальцев – ни одного! И вообще никакой зацепки. Вызываю мать убитого, спрашиваю: ничего не бросается в глаза? Нет, говорит, ничего. А сама вся трясется, вот-вот упадет в обморок. Тогда я, сам не знаю почему, спрашиваю: нет ли тут чужих вещей? Нет, говорит, все вещи – сына. А меня самого уже мелкая дрожь бьет. Нюхаю вместе со старушкой нашатырный спирт и прошу: и все же еще раз внимательно посмотрите. Старушка снимает со спинки стула куртку: вот эта вещь, кажется, не сына, не его размера. И тут только до меня доходит, чего я так упорствовал. В квартире было очень жарко. Убийца не мог не снять с себя все, что можно было снять, а когда сделал свое гнусное дело, впопыхах не мог снова все на себя надеть.

Алла смотрела на Носкова влюбленными глазами. Но все же поддела:

– А может, проще это назовем? Например, интуицией.

Носков поморщился.

– Что с тобой? – спросила Алла.

– Зуб ноет.

– Жалкий трус, – сказала Алла. – Тебе надо всерьез за-

няться зубами.

– Но нет того философа на свете, который боль зубную принимал спокойно, – продекламировал Носков. Чьи слова?

Алла ответила с вздохом:

– Шекспира.

Носков потянул носом:

– Слушай, какими духами ты душишься?

– Я не душусь, а пользуюсь. Это французские духи “Клема”. Новинка. Не нравятся? – сказала Алла.

– Да нет, ничего, – пробормотал Носков. – Пылью пахнут. Зазвонил телефон, Алла сняла трубку и тут же передала ее Олегу.

– Выезжаю, – сказал Носков, выслушав сообщение.

Поправляя ему галстук, Алла спросила:

– По-моему, ты хотел сказать что-то особенное? Или сатори меня обманывает?

Носков мысленно был уже где-то там, на месте происшествия, но все же ответил, целуя женщину:

– Говорят, из любовниц получаются плохие жены. Но я последнее время все чаще думаю: а может, нам все-таки рискнуть?

Милицейская “волга” неслась по ялтинскому серпантину. Носков сидел на переднем сидении и слушал капитана Федулова. Тот говорил:

– Если меня когда-нибудь турнут из милиции, ни за что не пойду в бомбилы – все они смертники.

– Игорек, за что тебя могут турнуть, честного опера? – спросил Носков.

– Ну, мало ли? Работа-то собачья. Не тот след взял, не так залаял – пиши заявление. Да и время сейчас такое...

– Какое?

– Думаю, что-то должно измениться. Носом чую.

Они подъехали к “ловушке” и остановились. Свет фар выхватил из темноты место происшествия, где уже работали эксперты.

– Обычная история, – сказал Носкову один из них. – Они выманили его из машины. Салон чистый. Ни пятнышка.

– Странно, почему тогда не захватили машину? – спросил Носков.

Эксперт молча пожал плечами. Мол, кумекать над этим – не его дело.

Подошел Федулов:

– Все осмотрел. Никаких следов борьбы, никакой крови.

Носков хмыкнул:

– Получается, бомбила сам заехал в “ловушку” и сам вышел из машины, чтобы его тут грохнули?

– Может, вез, кого не опасался, – предположил Федулов.

Носков пошел к “жигулям” Лаврова. Сел на переднее сидение и некоторое время не двигался, тянул носом воздух. Потом вынул из машины коврик и внимательно его осмотрел. Федулов молча наблюдал за его манипуляциями.

– Утром надо под микроскопом осмотреть салон, поис-

кать женские волосы, – сказал Носков.

– Считаешь, с ними была баба? – спросил Федулов.

Носков с удовольствием объяснил:

– Водила гнал что было мочи, девка писала со страху, ножками перебирала. Видишь, вмятины в коврике от ее шпилек? А теперь засунь нос в салон, принюхайся. Французские духи “Клема”. Короче, Игорек, шерше ля фам, а какой масти мадмуазель, я думаю, мы утром определим.

– Ну, это не факт, что вмятины от ее шпилек. И духи – не факт, – осторожно возразил Федулов.

Носков ошибся. Утром он не нашел в салоне “жигулей” ни одного женского волоса. Но его разочарование было недолгим. Он обнаружил несколько микроскопических блесток, которыми молодые артистки посыпают себе волосы и лицо. С трудом ухватив блестки пинцетом, он упрятал их в пакетик, отправил на экспертизу и позвонил Федулову.

– Значит, так, Игорек. Их было трое: двое ребят и девка. Ехали, как сам понимаешь, в Симферополь, где, судя по всему, и живут. Возникает вопрос: откуда ехали? Как только ты определишь это, ты уже не капитан, а майор. Поговори с женой Лаврова. Она должна знать, где он чаще всего брал клиентов. Думаю, это какое-то питейное заведение в курортной зоне.

После этого Носков поехал в морг. Патологоанатом Цуканов, невысокий, мужичок с острыми черными глазками, был краток. Все увечья были нанесены тупым оружием, скорее

всего, ногами. Удары наносились с яростью, что указывает на физиологическое и психологическое состояние убийц. Вероятно, были пьяны и озлоблены на Лаврова.

– Не надоело вам здесь? – спросил Носков, чтобы прервать паталогоанатома, ничего нового тот не говорил.

– Надоело, – бесстрастно ответил Цуканов. – А что делать?

– Резали бы живых. Больше пользы.

Цуканов вздохнул.

– Это мне надоело еще больше.

– Хирург должен любить людей. Просто обязан, – сказал Носков.

Цуканов криво усмехнулся:

– А ваш брат?

– А наш брат заставляет себя любить людей.

– Хотите выпить? – предложил Цуканов.

– Спирт? Нет, спасибо, не пью. Не пью, не матерюсь, не бью подсудимых, не шью никому чужих преступлений. Рано или поздно это выйдет мне боком. И тогда меня привезут к вам.

– Ну, зачем так мрачно? – оживился Цуканов. – Я, знаете ли, тоже немного разбираюсь в людях. У вас совсем другое будущее. Как, впрочем, и у меня тоже. Давайте на всякий случай поддерживать отношения. Вот увидите, мы еще пригодимся друг другу.

– Сатори? – спросил Носков.

- Что? – не понял Цуканов.
- Предчувствие?
- Угу, – кивнул патологоанатом.

Глава 3

На другой день Федулов появился с хорошими новостями. Он встретился с женой Лаврова Еленой. Та сказала, что муж чаще всего мотался между Симферополем и Ялтой. Федулов побывал в Ялте и нашел официанта, который обслуживал двоих подозрительных парней и девуку. Словесные портреты готовы. С них делаются копии для раздачи всем операм, постовым и участковым.

– Не распляйся, Игорек, не теряй драгоценного времени, – посоветовал Носков. – Девка, судя по всему, с претензией. Наверняка ходит в хорошую парикмахерскую. А сколько у нас таких цирюлен? Не больше десяти. За два часа можно объехать.

– Понял! – бодро отозвался Федулов.

Буквально через час он уже звонил Носкову и захлебывался от восторга:

– Олег, я ее нашел! Эту сучку зовут Маргарита Журавская. Танцорка. В фольклорном ансамбле выступает. И кобелей ее каждая собака знает. Но их фамилии я тебе только при встрече скажу.

– Ладно, говори. Никто тебя не слушает, – сказал Носков.

– Один Брагин Максим, сын члена военного трибунала. Другой Евгений Зуев. По слухам, внебрачный сынок нашего первого секретаря обкома. Оба учились в мореходке. И оба

были вчера отчислены.

– Черт! – вырвалось у Носкова.

Он пожалел, что заставил Федулова выкладывать по телефону такую информацию.

– Девку надо брать немедленно. Выписываю ордер и выезжаю за тобой, – сказал Носков.

Они арестовали Журавскую по-тихому. Ее вызвал в свой кабинет директор дома культуры. Она пришла, а там ее уже ждали Носков и Федулов.

Было видно, что эту ночь Ритка не спала. Но все равно была хороша. Черные волосы, серые глаза, тонкие черты лица. Точеные ноги танцовщицы – глаз не оторвать. Только в ее красоте было что-то порочное. И, похоже, она отдавала себе в этом отчет. Старалась казаться мягче.

Внимательно ее рассмотрев, Носков порадовался своей наблюдательности. Журавская была усыпана блестками с ног до головы. И от нее пахло духами “Клема”. Их запах трудно было перепутать с каким-то другим. Носков попросил танцовку снять туфли и осмотрел каблук. Даже без экспертизы, на глаз было видно, что размер шпилек совпадет с размером вмятин в коврике.

– Два совпадения – уже улика, а тут – три, – сказал Носков.

Но на Журавскую не действовали никакие доводы. Носков произнес заученные слова о том, что чистосердечное признание смягчает вину. В ответ девка вообще отказалась давать показания. Но и без того было ясно, с кем именно она

была в тот вечер.

Носков помчался в прокуратуру выписывать ордера на арест Брагина и Зуева. Но убийцы Лаврова как сквозь землю провалились.

А вокруг Носкова началась странная возня. Сначала он обнаружил за собой слежку. Шпик был молодой, неопытный. Носков вычислил его сходу, зажал в укромном месте, взял на болевой прием и начал выпытывать, на кого он работает. Всей правды шпик не сказал. Намекнул только, что действует по заданию известной милицейской шишки.

– Еще раз встречу тебя, и ты выговорить не сможешь, до чего тебе нехорошо, – пообещал шпику Носков.

А на другой день к нему в кабинет неожиданно всплыла незнакомая дамочка с шикарным бюстом, на ходу рассупонивая корсет. Носков опрометью вылетел из кабинета и позвал коллег. Те засвидетельствовали провокацию, но дамочку пришлось отпустить. Прокурору позвонил замминистра внутренних дел Валебный и сказал, что это его сотрудница.

– Что, собственно, происходит? – спросил прокурор.

– Пусть твой Носков поумерит свой пыл. Это дело выеденного яйца не стоит, – посоветовал Валебный.

А в это время в кабинете Носкова сидела мать Лаврова – пожилая женщина с тонкими чертами когда-то красивого лица, одетая во все черное. И с ней была девочка лет шести.

– Нечего мне пока вам сказать, Клавдия Ивановна, – мрачно говорил Носков, глядя в стол. – И, пожалуйста, не приво-

дите больше внучку.

– Вам не жалко моего сына? – спросила Лаврова.

– Мне вас жалко, – ответил Носков. – Какого лешего он занимался извозом? Все-таки инженер-электронщик. В “почтовом ящике” работал. Неужели ему не хватало денег?

– А вам хватает? – тихо спросила Лаврова.

Носков промолчал. Он был в долгах, как в шелках.

– Мой сын был хорошим сыном и хорошим отцом, – сказала Лаврова.

Носков внимательно посмотрел на девочку.

– Как тебя зовут?

– Женя, – девочка поджала губку, чтобы не расплакаться

– Я только что была в милиции, – сказала Лаврова. – Там надо мной посмеялись. Сказали, что правда в конце концов торжествует, но это – неправда.

“Она считает всех нас последними тварями, – подумал Носков. – И в чем-то она права. Но я – не тварь. Я – не тварь”, – повторил он про себя.

– Найду я их, Клавдия Ивановна, – пообещал Носков. – Найду, даже если меня отстранят от этого дела. А если не найду – уйду из прокуратуры. Даю слово: и вам, и себе.

Позвонил областной прокурор, велел зайти и прихватить с собой следственное дело.

Начальник читал, а Носков с тоской смотрел в окно. На противоположной стороне улицы стояли милицейские “жигули” со знакомым номером. Эта машина теперь непрерывно

сопровождала все его передвижения и торчала у под окнами его квартиры.

Закончив чтение, прокурор сказал ворчливо:

– Ну и какого черта ты уперся? Сам видишь, этот Лавров характеризуется в “почтовом ящике”, как мужик вспылчивый, с гонором. Следов борьбы нет. Значит, сам заехал в тупик. Наверно, повздорил с клиентами. Решил, видно, их отметелить, все-таки мастер спорта по боксу. Но – не повезло. Получил по виску и вот – результат.

Прокурор помолчал и подвел итог:

– Корыстного умысла не видно, попытка преднамеренного убийства не просматривается. Значит, превышение самообороны. Ну и что ты предлагаешь? Ссориться с членом военного трибунала, с первым секретарем обкома партии, с замминистра внутренних дел? Нам оно надо?

Носков ответил, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Если вы не дадите мне довести это дело до конца, я подам заявление.

– Ну и куда пойдешь?

– Да хоть в загранку. Хоть с долгами рассчитаюсь.

– Кем?

– Да хоть кем. Лучше галюнь чистить, чем... – Носков не договорил. Ему хотелось сплюнуть.

– Романтик, – проворчал прокурор. – Ты, я вижу, на загранку давно уже нацелился. Ладно, я подумаю, как тут сыграть в ничью.

Носков понимающе усмехнулся: лучший способ развалить дело – передать его другому следователю.

– Не надо никакой ничьей. Считайте, что мое заявление у вас на столе.

– Считай, что я его уже подписал, – холодно ответил прокурор. – Но по закону ты должен отработать еще три месяца.

“Вот и хорошо, – подумал Носков. – Этого времени мне хватит, чтобы найти этих сволочей”.

Глава 4

Он передал дело другому следователю, но не стал скрывать, что ведет свое независимое расследование. Над ним посмеивались, его предостерегали, мол, это занятие незаконное. Носков отмахивался. Он закусил удила и не мог остановиться.

Ему удалось узнать, по какому адресу скрываются Брагин и Зуев. И в тот же день прямо перед ним на тротуар выскочила “волга”. Водитель как бы не справился с управлением.

Потом ему стало доподлинно известно, что Брагин и Зуев умотали на какую-то ударную комсомольскую стройку в Среднюю Азию. Носков без особого труда вычислил, что это может быть строящийся газопровод, и стал следить за прессой. Через два месяца его терпение было вознаграждено. На глаза попалась заметка, в которой говорилось о замечательном комсомольце Брагине, который отремонтировал списанный экскаватор, из-за чего производительность труда на строящемся участке газопровода выросла в два раза.

Соблюдая все правила конспирации, Носков встретился с Федуловым и поделился с ним своим авантюрным замыслом.

– Только имей в виду, Игорек, у меня ни оружия, ни наручников, вся надежда на тебя.

Федулов готов был отправиться с Носковым хоть к черту на рога. У него было только одно сомнение: на какие шиши

ехать?

– А кто нам командировочные оплатит?

Носков залился смехом.

– Какие командировочные? Ты героем вернешься. Из-за тебя полетят такие чины!

– Скорее, полетят наши головы, – мрачно уточнил Федулов.

Но надо отдать ему должное, все же поехал. Нашел причину, взял отпуск без содержания. И даже прихватил ствол.

– Возьми двое наручников, – попросил Носков.

– Возьму, – пообещал Федулов.

Они приехали в кишлак, где жили строители газопровода. Пустыня, мазанки, верблюды. Естественно, их никто не встречал. Подошли к Доске почета. Смотрят, а там висят фотографии Брагина и Зуева. Обрадовались. Значит, все-таки об этом Брагине писала газета. Не об однофамильце.

Неподалеку мимо проходил капитан милиции-туркмен. Носков окликнул его и жестом приказал подойти.

– Ты чего делаешь? – опасно прошептал Федулов.

– Спокойно, Игорек, – сказал Носков, – иначе нельзя.

Психология!

Голова у туркмена вместе с милицейской фуражкой повернулась медленно, как башня у танка. Навел глазки на приезжих, ощупал, подумал и все же подошел. Носков и Федулов сунули ему под нос свои корочки. А там крупными буквами – МВД СССР и Прокуратура СССР. Туркмен сразу по-

добрал живот.

Носков пояснил, за кем они приехали.

– Капитан, если поможешь нам, то ты уже не капитан. Ты уже майор. А если не поможешь, то я не ручаюсь, что ты не станешь старшим лейтенантом.

Туркмен пожевал губами.

– Давайте я лучше отведу вас к главному механику, он вам больше поможет.

Он явно хотел остаться в стороне.

Русского механика тоже не одолевала жажда помочь приедем. Причина выяснилась чуть позже. Оказывается, отремонтированный Брагиным экскаватор наполовину работал на государство, наполовину – на руководство строительства.

Механик не мог придумать, под каким предлогом вызвать парней в прорабскую.

– Скажи, что приехали из обкома комсомола, побеседовать с несознательной молодежью, задолжавшей членские взносы.

С этими словами Носков развалился за письменным столом, изображая комсомольского босса.

Механик начал куда-то звонить. А Федулов горячо зашептал на ухо Носкову:

– Какая на хрен несоюзная молодежь? Какие в ездз взносы? У нас на лбу написано, кто мы!

– Ну и что? – усмехнулся Носков. – Бежать им все равно некуда. Глянь, кругом одни барханы.

Носков думал, что у него есть время. А механик выглянул в окно и говорит:

– А вот они, идут!

Носков глянул: точно, они! И заметался по кабинету. Сплошные письменные столы, никакого простора для захвата.

Брагин и Зуев зашли спокойно, сели слегка развалясь, закурили. Брагин набычился:

– И сколько мы задолжали?

Было видно: все понял! И его, самого злобного, надо брать первым.

В ушах у Носкова появился легкий звон. В теле ощущалась особенная легкость. Он оперся одной рукой на письменный стол и, подлетев к Брагину, схватил его одной рукой за волосы, а двумя пальцами другой – за адамово яблоко. Это был излюбленный прием Носкова – “коготь орла”.

Схватив Брагина мертвой хваткой, он крикнул Федулову:
– Второй твой!

Федулов саданул из своего “макарова” в потолок – Зуев оторопел. Федулов вынул наручники и заорал: “Руки!” Зуев подставил руки.

– Вторые наручники! – крикнул Носков.

– Нет вторых.

– То есть как нет?

– Тяжело таскать, думал, не пригодятся, – оправдывался Федулов.

А Брагин хрипел:

– Отпусти, сука, больно.

Носков взял его за лицо.

– А Лаврову не было больно?

По приказу Носкова главный механик лихорадочными движениями снял с Брагина ремень. Федулов связал убийце руки.

Появился капитан-туркмен. Поделится своими наручниками. Дал узик. Поехали в Ашхабад. В пути Брагин начал сыпать угрозами. Носков долго терпел, потом велел шоферу остановить машину. Снял с Брагина наручники, открыл дверцу машины.

– Ошибка вышла. Это не ты убил Лаврова. Иди.

– Куда? – заорал Брагин, озираясь по сторонам.

– Макс, ты чего, не врубаешься? – завопил Зуев. – Он хочет пристрелить тебя за попытку к бегству.

– Вали! – орал Носков.

– Не-ет! – заблеял Брагин.

– Вали, – выталкивал его из узика Носков.

Брагин сник:

– Ладно, начальник, молчу.

Перед посадкой в самолет Носков пристегнул наручники Брагина и Зуева к своим запястьям. Федулов опустил им пониже рукава, чтобы не было видно браслетов. А когда экипаж шел в кабину, остановил второго пилота и протянул ему листок с текстом телеграммы.

– Передайте в Симферополь.

На летном поле их ждал прокурор области. Носков просил его встретить лично по причине особой важности. Но начальнику даже в голову не пришло, какой сюрприз его ждет.

Ступив вместе Брагиным и Зуевым на трап, Носков поднял руки вверх (блеснули наручники) и крикнул торжествующе:

– Вот они!

1994-й ГОД, ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ

Глава 5

Курьерша принесла почту: газеты и письмо. Яшин вскрыл конверт. В нем лежало приглашение в “Суздаль-клуб” на “круглый стол” по проблемам Крыма. Яшин позвонил и предупредил, что приедет.

В гостиницу Суздаля съезжались политики, политтехнологи, интеллектуалы и деловые люди. Одни – на специальных автобусах, другие – на своих машинах. Первым, кого Яшин увидел в вестибюле, был Аркадий Воротников. Полковник был в штатском, но прямая спина за версту выдавала его принадлежность к известному ведомству.

– Пойдем ко мне в номер, – заговорщически предложил Воротников. – Надо кое-что обсудить. Ты Шелепугина знаешь? Ну, как же? Не последний человек в администрации Ельцина.

Они едва успели выпить по рюмке коньяка, как в дверь номер постучали, и на пороге показались двое: Шелепугин и, судя по малиновому пиджаку, какой-то новый русский, как позже выяснилось, председатель правления банка “Аргонавт”.

С самого начала беседа больше напоминала закрытое служебное совещание.

– Давайте пройдемся по персоналиям. Что у нас на Кузьмина? – спросил банкир, сразу показывая, кто тут главный.

Шелепугин молчал.

Воротников начал докладывать:

– Кузьмин Федор Федорович, бывший первый секретарь обкома партии, ныне – председатель Верховного Совета Крыма. Очень опытный хозяйственник...

Толстосум перебил:

– Кто он по национальности? Как к России относится? Сейчас не поймешь: русский может носить украинскую фамилию, украинец – русскую. Украинец может быть патриотом России, а русский – болеть за незалежну Украину.

– Кузьмин, безусловно, наш. И по национальности и по нутру, – сказал Воротников.

– А характер? Не уболтает его Кравчук?

Воротников молча развел руками. За это он не ручался.

– Ладно, а что у нас на Носкова?

– Служил в погранвойсках. Имеет коричневый пояс по каратэ. 72 прыжка с парашютом. Учился на юрфаке МГУ. Работал следователем по особо важным делам в областной прокуратуре. Арестовал по обвинению в убийстве внебрачного сына Кузьмина некоего Евгения Зуева. За что и поплатился. Ушел из прокуратуры в торговый флот, ходил в заграничные плавания. Потом работал в адвокатуре. Ярый сторонник возвращения Крыма в состав России. В общем, боец. Сейчас держит голодовку с требованием проведения в Крыму президентских выборов.

– Насколько решительно может действовать против Нос-

кова Безпека?*- спросил толстосум.

Воротников ответил:

– Многие на Украине продолжают верить, что развод между Россией и Украиной – дело временное. Мол, придут на смену Ельцину и Кравчуку другие политики, и все образуется. Поэтому лично я не думаю, что против Носкова будут приняты крайние меры.

– Это не факт, – возразил банкир.

* Но мы не должны забывать, – продолжал Воротников, – что есть еще экстремисты УНСО. По нашей информации, они уже просачиваются в Крым под видом строительных рабочих и создают там военные лагеря. Угроза с их стороны – вещь вполне реальная. Это – настоящие отморозки, прошли Абхазию, воевали против нас в Чечне... Безпека* держит их под контролем. Но в случае необходимости этот контроль может быть ослаблен... – многозначительно закончил Воротников.

– А какова вероятность, что президентом будет избран Носков? Какие у него шансы против Кузьмина? – спросил толстосум.

– Шансы пока 50 на 50. Как политик Носков еще не очень хорошо раскручен.

– Ну, так раскручивайте! – воскликнул банкир.

– Для этого мы и пригласили господина Яшина, – сказал Воротников. – Андрей Васильевич – известный политтехнолог. Плюс к тому человек-рентген. Сразу определит, стоит

ли нам делать ставку на этого Носкова.

“Так вот зачем я здесь”, – подумал Яшин.

Банкир протянул ему конверт с долларами:

– Андрей Васильевич, в тратах себя не стесняйте. Если понадобится, еще пришлем. И Носкову пришлем, если, на ваш взгляд, он того стоит.

Глава 6

Сотрудники Службы Безопасности Украины входили в кабинет и рассаживались по обе стороны длинного стола. А начальник управления полковник Лисовский, сухопарый мужчина, похожий на западного бизнесмена, с тоской думал о том, что он, говорящий на трех европейских языках, не знает своего родного, украинского. Вот и предстоящее совещание будет проводить по-русски, что в очередной раз вызовет неловкость. Утешением служило только то обстоятельство, что не он один, но и другие сотрудники плохо знали ридну мову.

“Интересно, кто из них сообщит в Москву о принятом решении? – думал Лисовский, разглядывая своих сотрудников. – Для того чтобы сделать это, не обязательно нужно быть завербованным агентом. А что нужно? Не верить до *

* Служба Безопасности Украины – авт.

конца, что Россия и Украина навсегда разошлись по своим квартирам, не хотеть этого всеми фибрами или, как минимум, считать, что Москва как была, так и останется сильнее Киева, и потому работать против нее себе дороже”.

– Давайте начнем с последних новостей, – предложил Лисовский.

Его заместитель подполковник Дзюба начал было по-украински. Но тут же перешел на русский:

– Обстановка в Крыму развивается явно по московскому сценарию. Верховка Партии независимости проводит голодовку. Требует немедленных выборов президента в соответствии с недавно принятой конституцией. В противном случае грозят всенародным референдумом по вопросу выхода Крыма из состава Украины и присоединения к России. Среди голодающих Сергей Цуканов и Олег Носков. Первый метит в спикеры будущего парламента. Второй, похоже, уже видит себя в кресле президента. Называет нас оккупантами, а Крым – вулканом.

– Оккупантами? – удивленно переспросил Лисовский.

– Именно так. Могу процитировать Носкова. Не далее, как вчера, он заявил: “Мы вышвырнем украинских оккупантов с нашего русского полуострова”.

Участники совещания переглянулись.

– А сам, между прочим, по отцу украинец, – заметил Дзюба. И, холодно поглядывая на шефа, продолжал:

– По оперативной информации авантюристы из окружения Ельцина пытаются разыграть крымскую карту. Опасная может получиться игра. Адмирал Балтин, ярый русский шовинист, тоже склонен к авантюрам. Чтобы не допустить опасного развития событий, мы должны знать, что конкретно затевают москали и их ставленники в Симферополе. Для этого следует внедрить в окружение Цуканова и Носкова нашего человека.

– Как назовем операцию? – спросил Лисовский.

– “Вулкан”, – предложил Дзюба.

– Как сформулируем цель?

– Очень просто. Носков не должен стать президентом. Это

– как минимум.

– А максимум?

* Адмирал Э.Балтин в 1993–1994 г.г. – командующий Черноморским флотом – авт.

– Россия должна успокоиться и не тешить себя в отношении Крыма никакими иллюзиями, – отчеканил Дзюба.

– Это политическая формулировка, а мы должны оперировать профессиональными категориями. Нужно определиться с методами воздействия на ситуацию, – заметил Лисовский.

– Я бы не хотел вдаваться в детали. Мы приняли решение в общих чертах, и этого, пожалуй, достаточно, – дерзко ответил Дзюба, явно намекая, что опасается утечки информации.

Но Лисовский был невозмутим.

– Вношу некоторые дополнения. Опасность исходит не только от активистов Партии независимости. В Крыму к власти рвутся бандиты. Выборы в парламент еще не объявлены, а подкуп вероятных депутатов уже идет. Стоять в стороне и наблюдать мы, конечно, не будем. Но операцию “Вулкан” нужно провести очень тонко. Мало ли что взбрдет в голову авантюристам из окружения Ельцина.

– Запад не оставит нас один на один с Россией, – перебил

начальника Дзюба.

Оставив эту реплику без внимания, Лисовский придвинул к себе бумагу с распечаткой выдержек из западной прессы и прочитал:

– “Конфликт между Россией и Украиной мог бы заставить нас воспринимать события в Боснии, как пикник, организованный учениками воскресной школы”.

Лисовский закончил, отвлекаясь от текста:

– Это заявил в интервью “Нью-Йорк таймс” Ричард Никсон. И с ним трудно не согласиться. А теперь довожу до вашего сведения установку нашего президента Леонида Макаровича Кравчука. Славянскому миру достаточно югославского позора. Мы не должны оставить московским авантюристам никаких надежд и в то же время ничем не омрачить отношения между нашими народами. Вот так, панове.

Глава 7

Голодовка проходила в “Кундузе” – штаб-квартире общества воинов-афганцев, расположенного в странном здании. Чтобы войти, нужно было подниматься, как на голубятню, по наружной лестнице. А внутри все напоминало канцелярию: письменные столы, шкафы, стулья.

Носков, Цуканов и Гусев лежали на спальниках в самом большом кабинете. Было утро, в спертом воздухе трудно дышалось, но никому не хотелось встать и открыть форточку.

Гусев, с бородой, как у Карла Маркса, и толстой нижней губой, взял термометр и смерил себе температуру. Оказалось, тридцать пять и девять.

– Что-то я стал плохо слышать, – пожаловался Гусев.

– Эдик, как же мало ты знаешь, – насмешливо произнес Носков. – Голодание влияет, причем необратимо, и на слух и на зрение. Но у голодания, Эдик, есть свои плюсы. Пониженная температура омолаживает организм. Есть вообще вредно. Знаешь, чем человек копает себе могилу? Ложкой и вилок. Думай о женщинах, Эдик. Заглушай один голод другим.

Гусев ничего не ответил, и Носков начал поддевать Цуканова.

– Витя, ты часто с женой кувыркаешься? Как положено – раз в неделю? Или чаще?

– Отстань, – сказал Цуканов.

Носков заливисто рассмеялся.

– Не завидую твоим врагам, Витя. Тебя ж не возьмешь ни на каком компромате.

Он был прав. Цуканов был неправдоподобно серьезным и положительным мужчиной.

– Ты как учился, Витя? – не унимался Носков. – Сдается мне, учился ты на тройки. Надо ж быть такой закономерности: каждый второй политик – бывший троечник.

А снаружи телевизионщики настраивали у подножия лестницы камеры. Слышалась иностранная речь: английская, польская, итальянская. Начали собираться зеваки. Среди них выделялось несколько молодых парней бравого вида с характерными для западных украинцев отвислыми усами.

В сторонке сидела на лавочке Галина Носкова с дочерью Ларисой. А в небольшой группе зевак стояла Алла и рассматривала жену и дочь Носкова. У Аллы, как у всякой любовницы, было преимущество: она знала жену возлюбленного в лицо. Изредка они встречались взглядами, и Галина нутром почуяла, что эта молодая, стильно одетая женщина появилась здесь не просто так.

Наконец, в дверях нарисовались Носков, Цуканов и Гусев. По их бледным исхудалым лицам и замедленным движениям было ясно, что голодовка дается им непросто. Они медленно спустились по лестнице вниз, держась за перила. Пресс-секретарь Партии независимости быстрый остроглазый юноша

по имени Вадик вынес стулья, и они сели.

– Как вы себя чувствуете? – спросила бойкая итальянка.

Носков ответил шутливым тоном:

– Теоретически предельный срок полного голодания 70 дней. Стало быть, до конца осталось 64 дня.

Журналисты вежливо рассмеялись, но такой ответ их не удовлетворил.

– Чего вы добиваетесь? – спросил польский телевизионщик.

– Проведения президентских выборов, – ответил Цуканов.

– Но конституция Крыма не утверждена Верховной Радой, – сказал поляк. – И едва ли будет утверждена.

– Крым такая же суверенная республика, как и Украина. И поэтому может не оглядываться на Киев, – сказал Гусев. – А вот Киеву не мешало бы подумать, что может произойти здесь у нас, если нам не дадут провести выборы.

– А что может произойти? – быстро спросила итальянка.

– Мы все равно проведем выборы. Но превратим их в референдум по вопросу немедленного возвращения Крыма в состав России. Пусть в Киеве попробуют не посчитаться с волей почти трехмиллионного населения.

– У голодающих нарушается психика. Чего с них взять? – с усмешкой бросил кто-то из молодых парубков с отвислыми усами.

– А вы спросили Ельцина, захочет ли он ссориться с Крав-

чуком? – с яростью выкрикнул другой парубок.

Носков зябко поежился:

– Ну, вот видите, ребятки из УНСО** (УНСО – организация западно-украинских националистов – авт.) уже здесь. Но пока только твякают. – И продолжал, отвечая на вопрос. – Мы направили наше требование господину Кравчуку. Естественно, обозначили срок, который истекает. Леонид Макарыч должен ответить буквально с минуты на минуту. Возможно, вы все будете свидетелями этого события.

– А если не ответит? – спросила итальянка.

– Тогда мы выведем людей на улицы. За нас 80 процентов населения. Это будет впечатляющая картина. Кроме того, уверен, что нас поддержит вся Восточная Украина.

– Но это есть шантаж, – заметил англичанин.

– Это политическая борьба за свои права в рамках правил, – ответил Цуканов.

Стоя в толпе, Яшин разглядывал Носкова. На вид ему было лет пятьдесят. Густая проседь, мелкие морщины по всему лицу, крупные зубы и металлическая коронка во рту, которая предательски блестела всякий раз, когда он начинал говорить. А в целом Носков был довольно привлекательным мужчиной. Его не портил даже вызывавший определенные ассоциации зачес волос справа налево.

Из штаб-квартиры “Кундуза” спустился парень в камуфляже и с торжествующим видом вручил Носкову какую-то бумагу.

– Факс из Киева, Олег Степанович,

Носков неожиданно звонким голосом прочел телеграмму из Киева, в которой говорилось, что Верховная Рада не будет препятствовать проведению президентских выборов в Крыму, но возможные негативные последствия этой акции возлагает на Партию независимости и лично на ее председателя Олега Носкова.

– Вы прекращаете голодовку? – спросила итальянка.

– Немедленно, – отозвался Носков. – Эта голодная перистальтика у меня уже вот где, – он провел по горлу ребром ладони.

– В таком случае вот вам, – итальянка протянула яблоко.

Носков ответил взглядом, в котором читались не только благодарность, но и чисто мужской интерес к красивой женщине.

Когда журналисты разошлись, Носков, Цуканов и Гусев бросились друг другу в объятия.

– Мы победили, – сказал Цуканов.

– Еще как! – Носков заливисто рассмеялся.

– Ну, что? Теперь надо выступить с заявлением, – сказал Цуканов.

Носков покачал в сомнении головой.

– Рановато. Верховный Совет должен сначала принять решение о проведении выборов, назначить дату.

Цуканов махнул рукой:

– Процедура-дура. Нельзя ждать, когда Кузьмин созреет.

Он будет тянуть резину, советоваться то с Кравчуком, то с Ельциным. А если ты сейчас объявишь, он заторопится.

– Кузьмин не будет тянуть, – возразил Носков. – Какой смысл? Ведь он наверняка тоже будет выдвигаться.

Глава 8

Яшин подошел к Носкову, они познакомились, и через полчаса уже сидели в помещении общества афганцев втроем: Носков, Алла и Яшин.

– Публикация в российской газете – это хорошо, – сказал Носков. – Но вы ведь, Андрей Васильевич, вроде не журналист. Как, говорите, ваша профессия называется?

– Политтехнолог, – сказал Яшин. – Не извольте сомневаться. Все будет написано, как надо. Если будет рассказано, как надо.

– Расскажем, – тихо пообещал Носков, думая о чем-то своем.

– Рассказывать про свои подвиги мы страсть, как любим, – с мягкой иронией вставила Алла.

Она сидела рядом с Носковым на диване, и при этих словах взяла его за руку.

– Аллочка, ты еще здесь? – насмешливо спросил ее Носков.

– Молчу, – сникла Алла.

Носков обратился к Яшину:

– Вот вы видели интервью с журналистами. Какое у вас впечатление, как у политтехнолога?

– В таких случаях требуется предельная откровенность. Ведь вам нужна правда о себе и только правда. А мы едва

знакомы, – сказал Яшин.

Носков вынул из ящика письменного стола бутылку мадеры, разлил по двум бокалам, себе плеснул какого-то сока. И предложил:

– Давай, Андрей Васильевич, выпьем и перейдем на “ты”. Тогда тебе будет проще резать правду-матку.

Выпили, и Носков вперил в приезжего москвича вопрошающий взгляд.

– Я понимаю, – сказал Яшин, – сейчас трудное время. Многие из нас ходят в поношенных костюмах и поношенных туфлях. Но туфли должны быть начищены. Даже если на улице грязь, твой телохранитель должен постоянно иметь при себе влажную тряпку. Чтобы перед встречей с людьми ты мог вытереть себе обувь. И носки должны быть длинные, закрывающие голени. Ведь ты можешь сидеть, закинув ногу на ногу. Это – как минимум.

– А максимум? – спросил Носков.

– По максимуму кандидат в президенты должен испытывать удовольствие от своего внешнего вида.

Носков хотел что-то сказать, но промолчал.

– Дальше, – продолжал Яшин. – Ты смеешься в слишком высоком диапазоне. Точнее, не смеешься, а хихикаешь. Этого не должно быть в принципе. И еще покашливаешь. Простыл, что ли?

– У меня всегда, когда выступаю, першит в горле, – признался Носков.

– В таком случае пей перед выступлением теплый чай с лимоном.

– А если я вообще малость теряюсь перед аудиторией?

– Лучшее средство снять робость – сказать людям, что ты волнуешься. И попросить их не судить тебя слишком строго.

– Еще? – спросил Носков.

– Держи подбородок чуть приподнятым. Как Горбачев. Он это делает правильно.

– Ты ему посоветовал, что ли? – насторожился Носков.

– Горбачев – не мой уровень.

– Еще?

– На женщин не пялься, – вставила Алла.

– Отчасти это правильно, – подтвердил Яшин. – Желательно переводить взгляд с одного лица на другое, а не смотреть на кого-то одного. Каждый слушатель должен чувствовать, что ты обращаешься к нему лично.

– А можно чуть подробнее об упаковке. Какой должна быть одежда? – спросила Алла.

– Цвет костюма лучше всего серый, – сказал Яшин. – И ни в коем случае не черный. Серый цвет – означает спокойствие, доверие и успех. Светлая серая рубашка всегда лучше, чем чисто белая. К тому же она не должна быть слишком узкой. Многие предпочитают ярко-красный галстук, якобы он олицетворяет власть. Но это не так. А желтый цвет вообще, на мой взгляд, ужасная безвкусица. Лучше приглушенно-красные тона с добавлением винно-красного цвета. Бу-

лавка для галстука, как правило, выглядит старомодно.

– Вот! – наставительно произнесла Алла. Видно, Носков был большой любитель булавок.

– Ну, и последнее, – сказал Яшин. – Ты – бывший следователь. Привык скрывать свои эмоции. Отсюда мышечная невыразительность лица, особенно глаз. У нас избиратели программы не читают. Они смотрят в глаза. Надо работать перед зеркалом, ставить взгляд.

– То есть? – не понял Носков.

– Ну, как тебе сказать, – замялся Яшин. – Есть такое правило: мало быть честным, надо казаться таковым. А еще надо так выглядеть, чтобы простому избирателю захотелось выпить с тобой.

– Я не пью, – сказал Носков.

– На здоровье, не пей. Но кажись мужиком, с которым хочется выпить и поговорить за жизнь.

Носков вздохнул и покачал головой.

– Будем работать, – тоном жены пообещала Алла.

Глава 9

Носков остановил свой “запорожец” возле жэковского клуба на окраине Симферополя. У входа их поджидала Клавдия Ивановна Лаврова, миловидная, похожая на учительницу немолодая женщина. Чувствовалось, что она не просто рада встрече, а польщена знакомством с Носковым.

Они тепло поздоровались, и Лаврова повела гостей в подвальное помещение. Там было полно старух, празднично приодетых, с орденами и медалями. Некоторое время они молча разглядывали Носкова, его исхудавшее лицо. Потом заговорили все разом, выражая свое сочувствие и восхищение. Носков растроганно пожимал протянутые к нему руки.

– Скажите нам речь, – торжественно попросила бабулька, увешанная медалями и значками до самого пояса.

– Пожалейте Олега Степаныча, – воскликнула Лаврова. – Он только вышел из голодовки.

– Нет, пусть он нам что-нибудь скажет, – настаивала орденоносная бабулька.

– Скажу о своей семье, – начал Носков, – Нас трое: я, жена и взрослая дочь. У нас две маленькие комнатки на первом этаже хрущевки. Я – бывший следователь. Был вынужден уйти из прокуратуры. О причине Клавдия Ивановна вам наверняка уже рассказала. Два года был в заграничии простым матросом. Потом работал в адвокатуре.

– Кто вы по своим убеждениям? – строго спросила бабулька.

Носков подумал и ответил:

– Говорят, убеждения – это что-то врожденное. Якобы человек появляется на свет либо коммунистом, либо демократом, либо фашистом. Не знаю, может, и так. Скажу о себе. Свое главное убеждение я бы сформулировал так: власть должна перестать врать народу и пользоваться его доверчивостью и долготерпением.

Старушки слушали с отсутствующими лицами. Похоже, их волновали совсем другие вопросы.

Носков сказал:

– Вы хотите знать, удастся ли мне вернуть Крым в Россию?

Старушки загалдели. Именно этого они и ждали.

– Это не так просто сделать, как нам хотелось бы. И, прежде всего, потому, что этого не жаждет сама Россия. А точнее, ее руководство. Но я продолблю эту стену. Мы восстановим историческую справедливость.

Последние слова Носков произнес с напором, потрясая крепко сжатым кулаком. Бабульки зааплодировали.

Неожиданно послышался стариковский тенорок:

– А правда, что вы хотели вытащить Горбачева из Фороса, когда его там зажали?

Старичок был маленький, высохший, малоприметный в массе бабулек.

– Был грех, – усмехнулся Носков. – Я даже просил Кузьмина, тогда он был первым секретарем обкома, дать мне роту милиционеров.

– И правильно сделал Кузьмин, что не дал вам людей, – проскрипел старикашка. – Вы бы их всех положили. Да и кого спасать хотели? Говоруна. Пустобреха. Анафема ему!

– Конечно, анафема, – поддакнул Носков.

Старикашка продолжал:

– Вот, Клавдия Ивановна говорит, что вы однажды независимое расследование провели, когда искали убийц ее сына. Это, конечно, похвально. Но ежели так, то, выходит, не такое уж у нас было тоталитарное государство. Надо объективно оценивать вчерашний день, молодой человек. Прошлое не было абсолютным злом. А то, что пришло ему на смену, вовсе не избавление от этого зла.

Носков снисходительно прищурился.

– А что же?

– Новое зло, еще более изощренное, от которого вообще никогда не освободиться. Нет, я не про вас лично. Хотя и о вас могу сказать. Вы, я вижу, чувствуете себя избавителем. Дай вам, конечно, Бог. Как говорил Бомарше, я верю в вашу справедливость, даже если вы представитель правосудия. Но боюсь, что ничего у вас не получится.

– Почему? – добродушно воскликнул Носков.

– Потому что вы, как и все в наше время, будете играть без правил.

Носков нахмурился:

– Назовите вашу фамилию и адрес.

Старик растерялся:

– Зачем вам?

– Надо.

– Ни к чему вам моя фамилия, а тем более адрес, – сказал старикан, вжимая голову в плечи.

Носков сказал добродушно:

– Отец, ну чего ты так испугался? Я просто хотел через какое-то время встретиться с тобой и продолжить наш разговор. И заодно хотел навести маленькую справедливость. Ты знаешь, кто я. А я-то не знаю, кто меня так чихвостит. Ты меня в чем-то подозреваешь, а я понять не могу, чего ты вдруг на меня обрушился. Ты кем раньше был, кем работал?

Старик ответил неожиданно резко:

– Я был судьей. Но вы меня не знаете, потому что я вышел на пенсию, когда вы только пришли в прокуратуру. Я – Поляков из судейской династии Поляковых, которых никто, ни один человек, не может обвинить в том, что мы пресмыкались перед властью или были инструментом в ее руках. Это невероятно, но это – факт. И не потому, что мы такие принципиальные или власть была очень правильной, а потому, что власть не могла обратиться к нам с недостойным предложением. И тем более не могла нам приказывать. Мы так держались, что нас стыдились даже самые бессовестные начальники. И поэтому я могу сказать тебе как человек, ко-

торый никогда не пресмыкался перед советской властью. У нее было много пороков, даже слишком много. И с законом она часто была не в ладах. Но в одном ей трудно отказать – она умела держать порядок.

Старик перевел дыхание и продолжал, загибая пальцы:

– Власть заботилась о детях – это был порядок. Власть заботилась о стариках – это тоже был порядок. Власть следила, чтобы никто не становился слишком богатым. И не давала самым бедным и ленивым становиться нищими. Власть одной партии – это, как бы сейчас сказали, не здорово. Но и в этом заключался порядок. Партия стремилась оправдывать то, что она одна-единственная. И, наконец, был порядок в движении людей по ступенькам вверх и в наказании тех, кто был власти недостоин. А что сейчас? Вы хотели освободить говоруна из Фороса. Этим вы показали, что вы и он – люди одного сорта. Говорун разрушил основы нашего миропорядка вместо того, чтобы аккуратно их перестроить. Где гарантия, что вы не будете делать то же самое, если усядетесь в президентское кресло? Куда вы лезете, Олег Степанович? Откуда у вас эта уверенность, что у вас получится?

– Ты что, оракул? – прикрикнула на старика Клавдия Ивановна.

Старик ответил, держась одной рукой за сердце, а другой указывая пальцем на Носкова:

– Я не оракул, но я могу предсказать: то, что он будет делать, в лучшем случае понравится только вам, старым кури-

цам. Вы вообще любите любую власть.

Старушки загалдели, и старикан начал протискиваться к выходу, а самые нервные бабульки тыкали ему в спину сухими кулачками.

– Погодите! – воскликнул Носков. – Пусть договорит.

Бабульки замерли, воцарилась тишина, и старик Поляков сказал:

– Я вас чую, молодой человек. Вы по натуре соблазнитель. Причем вам все равно, кого соблазнять: молодых или старых, женщин или мужчин. Главное для вас – чтобы вас любили. А все должно быть наоборот. Это правитель должен любить людей, а люди – платить за это черной неблагодарностью. Власть в нашей стране никогда не давала житья народу. Боюсь, что и вы не дадите.

– Я делаю вам официальное предложение, – сказал Носков. – Будьте моим советником, независимо от того, стану я президентом или нет.

– И платить будете? – спросила орденосная бабулька.

– А как же?

Бабульки начали убеждать Полякова, чтобы не отказывался. Тот отбрыкивался. Потом задиристо сказал Носкову:

– Когда будет надобность, я к вам приду. И снова скажу все, что думаю. А для штатных советчиков я староват.

Глава 10

Женя сварила макароны, но не промыла их в дуршлаге прохладной водой, и они слиплись. К тому же в доме не оказалось сахара. Артем с гримасой отвращения отложил вилку.

– Гадость.

Девочка смерила его презрительным взглядом.

– Извините, сэр, но ничего другого нет. Между прочим, – добавила она, – мужчина в доме добытчик.

Артем глянул на нее с яростью подростка.

– Может, мне пойти украсть? Или кого-нибудь убить?

Женя посмотрела на него уничтожающе:

– Ну, что вы, сэр, не извольте беспокоиться.

Она поднялась из-за стола и пошла в свою комнату. Ее не было минут двадцать. За это время она наложила макияж, нацепила на себя старое платье матери, надела ее туфли. Артем с тревогой топтался в дверях. Он предчувствовал что-то недоброе. Когда Женя вышла, он обомлел: ей можно было дать все восемнадцать лет.

– Ты куда? – спросил осевшим голосом Артем.

– Отойди, ты меня достал! – сказала Женя, направляясь к выходу.

– Ты куда? – заорал Артем, загораживая собой дверь.

– Уйди с дороги. Ненавижу вас всех! – прошептала девочка.

Артем понял, куда собралась Женя. Она уже говорила ему, что лучше стать шлюхой, чем ходить полуголодной и одеваться в старье.

И у мальчика тоже началась истерика.

– Тогда я сброшусь! – закричал он.

И действительно побежал на балкон и перелез через перила.

После встречи с пенсионерами Лаврова зазвала Носкова и Яшина к себе на чай. Жила она в том же доме на шестом этаже. Войдя в квартиру, они услышали доносившийся с лоджии плачущий девчоночий голос.

– Тема, ну не сходи с ума! Дай руку. Ведь свалишься, сумасшедший. Господи, ну что мне делать? Ну, хорошо, я беру свои слова обратно. Беру!

Носков и Яшин вопросительно взглянули на Лаврову. Красивое лицо старушки стало жалким.

– Господи, за что мне это наказание, – прошептала она.

Они прошли в лоджию и обомлели. Девочка лет пятнадцати свесилась через перила, держа за запястья парнишку, который болтался за пределами лоджии, едва не стягивая ее вниз вслед за собой.

Лаврова схватилась за сердце и осела на пол. У Яшина перехватило дыхание. Еще несколько мгновений, и девочка полетела бы вниз. Носков тоже оторопел. Но в следующую секунду уже действовал. Схватив паренька за кисти мертвой хваткой, втащил его в лоджию.

Яшин знал, где старики хранят сердечные лекарства, достал из холодильника корвалол и отпоил Лаврову. Та пришла в себя и снова залилась слезами.

Потом они сидели в скромно обставленной гостиной, и Клавдия Ивановна разливала чай.

– У меня снова горе, Олег Степанович. Мать Жени и мать Артема, они подруги, год назад уехали в Италию на заработки и пропали. Ни звонка, ни письма. Вот, Артем теперь у меня и живет.

– И на что живете? – спросил Носков.

– Так, продаю кое-что. Пенсию давно уже не платят. Подрабатываю костеляншей в санатории “Россия”.

Лаврова хотела добавить, что и там уже полгода задерживают зарплату, но промолчала – гордость не позволила.

– Насчет невестки в милицию заявляли?

– Конечно. Сказали, что заявление передано в Интерпол. Но я не верю. Ни милиции, ни Интерполу.

– Фотографии приложили к заявлению?

– А как же?

– Еще какие-то фотки есть? Покажите.

Женя и Артем во все глаза смотрели на Носкова. От него исходила уверенность и сила.

Лаврова взяла из серванта альбом положила перед Носковым. Стали рассматривать. Пропавшие женщины были красивы.

– Я смогу чем-то помочь, если только меня изберут, – ко-

ротко сказал Носков.

– Благослови вас Бог, – прошептала Лаврова.

Глава 11

Через неделю Носков зазвал Яшина к себе домой. Москвич не стал отказываться. Ему хотелось увидеть Носкова в семейной обстановке.

Яшин давно не был в хрущобе. Тем сильнее было впечатление. Не квартира, а скворечник, хуже скворечника, потому что люди – не скворцы.

Не вызывала восторга и мебель. Все советское, никаких импортных гарнитуров. Странно, следователи прокуратуры получали неплохо. Еще больше денег имели те, кто ходил в заграничье, независимо от того, что делали на судне. Напрашивался вывод – квартира не была для Носкова домом, куда бы он торопился после работы. Первый признак жизни на стороне.

Но на этом странности не заканчивались, а только начинались.

Жена Носкова Галина оказалась просто красавицей. Удивительного цвета глаза, такие называют бирюзовыми, красивая, хотя и несколько полноватая фигура, пышная грудь, ровные зубы, чувственные губы – все было при ней.

– Такая жена должна быть все время рядом, – сказал Яшин.

Носков усмехнулся:

– Найдется и для нее кривой объектив.

– Вы заметили, как фотографируют Олега? – с жаром стала возмущаться Галина. – Какие снимки печатают в газетах? То он с разинутым ртом, то с искаженным лицом. Меня тоже подловят. Так что лучше я посижу дома.

Дочь Лариса, совсем молодая, лет двадцати трех, похожая на отца, но какая-то невзрачная, неудобная, не сводила с Яшина глаз, рассматривая его, как вещь. И через минуту после знакомства запросто спросила:

– Вы женаты?

– Естественно.

– У вас есть дети?

– Естественно.

– Ну, как там Москва?

– Стоит.

– Ну, ясно, что не лежит. А вообще?

Яшин молча пожал плечами.

Галина усадила Яшина на диване рядом с собой и доверительно поделилась:

– Мы Олега отговаривали, плакали. Правда, Ларисочка? Но потом поняли: не Олегу нужна политика, а он – ей.

“Интересно, как они спят? – думал Яшин, оглядывая квартиру. Неужели на одной кровати? Похоже, что на одной. Вот беда-то”.

Пришла соседка Кира Стежкина, жена морского офицера. Всю жизнь была за мужем, как за каменной стеной. Но муж отказался принимать украинскую присягу, и был уволен.

– Кирочка окончила в свое время иныз и секретарские курсы, – сообщила Галина. – Сидеть тебе, Кира, в приемной президента.

Появился Игорь Федулов. Похоже, он не бывал здесь давно. Носков стал расспрашивать, чем Игорь занимается. Тот рассказал, что по вечерам работает в ГАИ, а днем – в новом подразделении МВД, созданном для усмирения взбунтовавшихся зэков.

– Тебя из угрозыска турнули, что ли? – удивился Носков.

– Вроде того, – нехотя подтвердил Федулов. – Ты знаешь, к этому давно шло. Надоело за гроши голову подставлять. – И тут же перевел разговор на другую тему. – Вот, узнал, что выдвигаешься, пришел поддержать. Многие в МВД будут за тебя.

Носков благодарно кивал.

– Это хорошо. Это очень хорошо.

– Вот, ребята просили передать.

Федулов вынул из большого свертка легкий бронежилет. Носков с сомнением помял его в руках.

– Здесь титановые пластины, – сказал Федулов. – Видишь, вмятины. И стрелять пробовали и ножом колоть.

– А на кого надевали? – спросил Носков.

– Как на кого? Как обычно – на свинью.

Федулов был среднего роста, плотный, с длинными ресницами и щегольскими усиками. На вид – около сорока. Или даже меньше. Годы прибавляла заметная плешь, которая,

впрочем, ничуть его не портила.

Когда отсмеялись, Носков сказал:

– Знаешь, Игорь, если надо убить, убьют и в таком жилете.

Но все равно спасибо.

Через минуту Яшин расслышал, как Носков тихонько выговаривал дочери:

– Почему опять одна? Где муж? Леша где?

Лариса скривилась:

– Муж объелся груш. Приносит в дом гроши. Надоело.

– Нашла нового русского?

– Ищу, папочка.

– Я так и понял, – сказал Носков. – И мягко повоспитывал. – Запомни, доченька, теперь каждый твой шаг будет отражаться на мне. Поэтому, прежде чем что-нибудь сделать, подумай.

– Хорошо, если найду, приведу к тебе, – пообещала Лариса.

Носков огляделся, не слышит ли Яшин разговор, и возмущенно прошептал:

– Кого ты приведешь, замужняя женщина? Что у тебя с головой?

Лариса тряхнула челкой:

– Знаешь, папочка, лучше бы ты чего-то другого боялся. Извини, но у тебя штопка на одном месте. Ты считаешь, это нормально? Ты посмотри, как мы живем! Это ж просто срам. Как так можно? Неужели на тебя никто не ставит? Почему

у тебя нет спонсоров?

– Замолчи! – прошипел Носков, косясь на Яшина.

Глава 12

Диктор объявила, что произвел посадку самолет, прибывший из Вены. Кузьмин стоял в зале для VIP-персон и смотрел, как лайнер подруливает к аэропорту. Наконец, показались первые пассажиры. Но сына среди них не было. “А может, я не узнал Женьку?”, – подумал Кузьмин. Последний раз они виделись четыре года назад, когда первый секретарь Крымского обкома Кузьмин был с советской делегацией в Белграде.

Зуев вышел последним. Оглядел встречающих и начал лениво спускаться по трапу. Кузьмин пошел ему навстречу. Несколько секунд они молча рассматривали друг друга.

– Черт возьми! – негромко воскликнул Кузьмин. Он был удивлен. Сын превратился в настоящего мужчину. Глаз не оторвать.

Зуев тоже любовался отцом. Надо же, из крестьян, а как чувствуется порода. Властное лицо, бело-серебристые волосы. Что значит, всю жизнь на руководящей работе. “Как же мне его называть?”

Кузьмин словно прочел мысли сына.

– Ты такой большой. Зови меня теперь отцом.

Они обнялись. Женька ощутил запах дорогого одеколona и вспомнил, что в детстве только мечтал обняться с родителем, ощутить запах его тела. А Кузьмин подумал о том, что

сыновья, даже внебрачные, рано или поздно возвращаются к отцам.

Они вышли из аэровокзала и сели в черную “волгу”.

– Ты без телохранителя? – удивился Зуев.

Кузьмин усмехнулся.

– А кому я нужен?

– Тебе, наверно, по штату положено. Все-таки председатель Верховного Совета.

Кузьмин прокашлялся.

– Верховный Совет тоже скоро будет никому не нужен. Не власть и не должность сейчас главное, сын, а недвижимость и деньги.

– Значит, партийные деньги – не миф?

– Не миф. Но я к ним отношения не имею. Они – в руках тех, кто имел дело с зарубежными банковскими счетами. Но у нас с тобой, сын, не менее широкая перспектива. Леонид Макарович, как и Борис Николаевич, хочет показать Западу, что избавляется от излишков военной мощи. В металлолом идут ракеты, самолеты, танки. И под этот шумок некоторые адмиралы нашего доблестного флота хотели бы продать по сходным ценам топливо, суда, как списанные, так и действующие, оборудование, административные здания. Это добро все равно будет кому-нибудь продано. Но лучше, если купим мы с тобой и наши люди.

– О каких суммах может идти речь? – спросил Зуев.

– О миллионах.

– Рублей?

– Ну, что ты, сын! Естественно, долларов. Ты платишь за боевой корабль, как за металлолом и продаешь его за рубеж по мировой цене. Корабль, конечно, морально устаревший. Но какая-нибудь “держава” третьего мира с руками оторвет.

Зуев молчал. Если бы он получил подобное предложение раньше, он бы ликовал и потирал руками. Но сейчас он не чувствовал ничего, кроме скуки.

– Ты изменился, – с теплотой отметил Кузьмин. – Горжусь тобой. Ты воевал за правое дело. Что вытворяют со славянами эти американцы! Что вытворяют!

Зуев мрачно усмехнулся.

– Ни у одной расы нет такого раздрая, как у славян. Меня там уважали. Но знаешь, отец, мне всегда было стыдно, что я русский. Мы предали все, что могли: идею, армию, союзников, самих себя.

“Это у него пройдет, – думал Кузьмин. – Со всеми, кто вернулся с войны, бывает такое. Надо загрузить его делом, чтобы ему некогда было думать о чем-то другом”.

– Начнешь с малого. Отдохнешь пару деньков, придешь в себя, и поедешь в фирму “Интеро”. Осмотришь разделочный комплекс. Ну и, естественно, корабли, которые подлежат разделке. Может, какие-то можно продать целыми. Надеюсь, не все еще забыл, чему учили в мореходке.

– Я всегда хотел летать, – сказал Женька.

Кузьмин почувствовал удовлетворение. Теперь он знал,

чем взять сына и заставить его работать.

– Я куплю тебе вертолет. Не списанный, а настоящий боевой вертолет. В детстве я так редко дарил тебе подарки.

Вечером Зуев вышел прогуляться, а если повезет, снять девушку. Центральные улицы Симферополя были неузнаваемы. Яркие вывески на частных магазинах, красочная реклама. “Коммунисты были идиоты. Как можно было это запрещать? Это все равно, что не давать женщинам косметику”, – думал Зуев.

Он шел и присматривался, как одеты люди. Он не то, чтобы совсем одичал на войне, ибо война в Югославии была не совсем обычная: где бы ни шли боевые действия, отдыхала их армия в лучших гостиницах. Он просто отвык от всего русского.

На бульваре Ленина Зуев остановился перед вывеской “Фирма Венера. Массаж самых современных видов”. Это было как раз то, что ему нужно. Он открыл дверь, зазвенел колокольчик, перед ним стояла красивая молодая женщина и ощупывала его оценивающим взглядом.

– Это кооператив “Сосулька?”, – пошутил Зуев.

– У нас не кооператив, а фирма, – мягко поправила женщина.

– А вы кто?

– Диспетчер, заказы принимаю.

– Какие заказы?

– На массажи. Вы какой массаж предпочитаете?

– Традиционный. Я – сверху, она – подо мной, – с солдатским юмором ответил Зуев.

– У нас местные кадры и сезонные работницы. Выбирайте, – женщина протянула альбом с фотографиями.

– Что значит сезонные?

– Ну, как вам сказать. В общем, не профессионалки.

– Учителки, врачихи? И почему?

– 25 долларов в час. 100 – за ночь.

– А артистки есть?

– Есть, – слышался женский голос.

Из-за ширмы вышла Журавская. Она изменилась. Все потяжелело: фигура, лицо, даже взгляд. В ней всюду играли мужские гормоны. Но она по-прежнему была дьявольски красива.

– Ритка!

– Женька!

Они обнялись. Зуев ощутил знакомый, почти забытый мужской запах, с которым не могли справиться никакие духи.

– Ты изменился, – сказала Ритка, вглядываясь в Зуева. – А глаза все такие же детские. Макс знает, что ты вернулся?

– Откуда?

– Сейчас я его вызвоню.

Ритка бросилась к телефону.

Брагин появился через считанные минуты, словно стоял где-то рядом и ждал, что его позовут. Встреча старых друзей была сдержанной. Зуев сделал движение, хотел приобнять

Максима, но тот оставался неподвижным. Пожали руки, похлопали друг друга по плечам, и только.

Восемь лет назад Брагин уже был мужик, а Зуев – так себе, парнишка. Теперь Женька тоже был мужик, и еще какой, со шрамом во всю щеку. А Максим начал лысеть, отрастил брюшко. Сравнение было не в его пользу.

– Где пропадал?

Зуев сделал неопределенный жест.

– Так, болтался.

– А конкретней?

Тон у Максима был, как у следователя. Зуеву это не понравилось, но он не подал виду. Ответил с терпеливой улыбкой:

– На Балканах отирался.

– В войнушку играл, что ли?

Зуев кивнул.

– И много навоевал?

– Я – за идею.

– А чего вернулся, если не секрет?

– Ну, сколько можно? Надо отдохнуть.

– С отдыхом поможем, – сказала Ритка. – Хочешь лолитку?

Брагин холодно посмотрел на нее. Было видно, что это предложение ему совсем не понравилось. Но возражать он не стал.

Диспетчер привела Женьку в шикарно обставленную ком-

нату, с широким ложем и через минуту ввела хрупкую, но удивительно ладно сложенную девчушку.

– Как тебя зовут? – спросил Зуев.

– Женя, – ответила девочка.

Она пришла в фирму «Венера» час назад. Журавская встретила ее с удивлением. Какой фиг ее принес, дуру такую? Лолитки чаще всего предпочитали зарабатывать самостоятельно, без посредников. Ритка отметила, как она одета и отчасти поняла, что ее привело. Прояви она любопытство и спроси фамилию, наверняка удивилась бы, как тесен мир. Сначала судьба свела с отцом, потом с матерью этой девчонки, а сейчас и с ней самой. Но Ритка не предлагала новеньким заполнять листок по учету кадров. Для нее достаточно было узнать адрес и домашний телефон. И потом, даже если девочка передумает и не придет, за ней придут и приведут, и никуда она уже не денется.

Ритка дала Жене немного денег и велела идти домой. И на этом ее первый рабочий день мог бы закончиться. Но неожиданно появился Брагин, у которого, как давно отметила Ритка, на всякий свежачок был почти звериный нюх. Брагин появился, и у него тут же залоснился глаз. «Ну, уж хренушки!» – подумала Ритка. Она велела Жене подождать в приемной, и когда та вышла, сказала сожителю:

– Максик, подбери губу. Такую неваляшку мы должны приберечь для особого случая. Даже не облизывайся, ты ее не получишь.

И Брагин, как ни странно, уступил.

...Женя стояла перед Зуевым, как невольница, а он сидел в кресле, как богдыхан. И ему казалось, что он не в Крыму, а где-нибудь в Загребе или Вуковаре, где его ребята вот так же вводили албанок или хорваток, и он выбирал, какая останется у него на ночь.

Хотя случалось, что ребята приводили и сербок, и черногорок, и македонок, никаких не наложниц, а местных женщин, которые считали за счастье отдаться доблестным защитникам сербов, и кого уже отверг его придирчивый босс Аркан.

Но в том-то и дело, что Женьке все надоело: и женщины-трофеи и женщины, считавшие себя подарками. Здесь, у себя дома, в Крыму, ему хотелось совсем другого.

– Между прочим, я тоже Женька, – назвал он себя, удивляясь совпадению имен. – Садись, тетка, пожуй.

– Спасибо.

Девочка села в кресло напротив, но к угощению не приотронулась, вцепилась руками в колени, ее била мелкая дрожь.

– Говорят, ты еще девочка, это правда? – спросил Зуев.

– Да.

– Ты здесь по доброй воле?

– Да, я сама пришла.

– Интересно, зачем? Что тебя заставило?

Женя молча сглатывала слезы. Что заставило? Как это

объяснить? Можно, конечно, сказать: мол, жрать нечего, одеваться не во что. Но это не оправдание и не вся правда. Причина была в окаянном времени и одиночестве. Девчонки из ее девятого класса давно уже нашли выход – обзавелись папиками, спонсорами. И теперь не давали ей прохода: а ты, что, лучше нас? Даже темную обещали устроить: будешь, как все! А бабушка надоела со своими нравовчужениями: учись лучше, учись лучше! Зачем, если деньги идут к кому угодно, только не к образованным? Жене хотелось найти защиту. От всех и от всего: от одноклассниц, от бабушки, от одноклассников, от унижительной полунищенской жизни.

Женя достала сигарету и закурила.

– Надавать бы тебе по губам, – проворчал Зуев. – Интересно, кто твои родители? Куда они смотрят?

– Нет у меня родителей, – сказала девочка, шумно выдыхая дым.

– А куда девались?

– Отца убили. Мама поехала с подругой на заработки в Италию и пропала. Я и Артем, мы живем с бабушкой. Бабушке пенсию не платят. Нам элементарно нечего есть. Есть еще вопросы? – зло спросила Женя.

– Есть. Кто отца-то убил?

– Какие-то отморозки.

– Ну и что? Их нашли?

Ни бабушка, ни мать не посвящали Женю в подробности, а сама она не интересовалась.

– Кажется, нашли.

Зуев поднялся с кресла и заходил по комнате. Его вдруг охватило волнение. Даже дышать стало тяжело. Он открыл окно. В комнату ворвались звуки ночного города: звуки машин, голоса людей, музыка.

– Не надо меня жалеть, – неожиданно попросила Женя. – Я нормально отношусь к своему позору. Я даже рада.

Зуев обернулся к ней:

– Чему рада?

– Ну, что это будете вы.

– В смысле, первым?

– Да.

– Я тебе нравлюсь?

Девочка пожала плечами.

– Вы лучше этого, Максима Петровича.

– Он к тебе лез?

– Не успел.

«Ага, вот она чему рада!» – подумал Зуев. Он взял у Жени сигарету и притушил в пепельнице. Потом сел в кресло, и некоторое время смотрел на нее в упор. Девочка – загляде-
нье, можно смотреть не отрываясь. И будет еще лучше, ко-
гда подрастет. И характер чувствуется. Надо же, доброволь-
но пойти в бордель, чтобы помочь близким. А может, она
пришла сюда, чтобы встретиться с ним? Точно так же, как
он пришел, чтобы встретиться с ней? Зуев верил в то, что
все случайности не случайны.

– Я тоже рос без отца.

Он мог бы добавить, что и с матерью жил недолго. Мать, работавшая вместе с Федором Федоровичем, вышла замуж за другого партработника и уехала с ним в Тюменскую область. А он остался в Симферополе с бабушкой.

Зуев решительно поднялся и взял Женю за локоть.

– Пойдем отсюда.

– Куда? – удивилась девочка.

– К тебе домой.

– Зачем? Я не могу домой. Мне сказали, что мой рабочий день до утра.

– Не волнуйся, я скажу кому надо, и к тебе не будет никаких претензий. Тебя оставят в покое.

Они шли по ночному Симферополю. Зуев держал Женю за руку. Ладонка у нее была маленькая, крепкая и, как ни странно, сухая.

– Ты меня не боишься? – спросил Зуев.

Женя посмотрела на него снизу вверх. В ее глазах было что-то такое, что заставило его дрогнуть. Она ничего не ответила, только легонько сжала его руку. “Черт возьми, – подумал Зуев. – Черт возьми, как хорошо!”

Он привел девочку к дому, дал ей пятьсот долларов и сказал:

– Это на первое время. Где твои окна?

Женя показала.

– А телефон?

Женя назвала номер.

– Как зовут твою бабушку?

– Клавдия Ивановна.

Из подъезда выбежал Артем. У него был взъерошенный вид. Он готов был броситься на Зуева. Но, подойдя поближе и взглядевшись в лицо мужчины, Артем почувствовал себя щенком и сник.

– Я тебя искал, – тихо сказал он Жене. – Клавдия Ивановна плачет. Куда ты пропала?

Зуев побыл бы еще с Женей, но он торопился, у отца было назначено важное совещание. Кузьмин собрал на даче самых близких друзей. Приехали мэр Симферополя Правдюк, министр внутренних дел генерал Валебный, какой-то контр-адмирал.

Когда-то очень давно отец поспособствовал майору Валебному поступить в Высшую школу милиции, платил ему стипендию фактически из своего кармана, потом помогал продвигаться по служебной лестнице. Майор стал заместителем министра внутренних дел Крыма. В этом качестве восемь лет назад помогал прятать Зуева и Брагина от неугомонного Носкова. Потом, когда следователь все же достал их в песках Туркмении, нажал на судью и тот, изменив меру пресечения, освободил Зуева из следственного изолятора под подписку о невыезде. Потом помог Зуеву выехать из страны по туристической путевке в Югославию.

Специалист по обнаружению подслушивающих устройств

на всякий случай проверил комнату и доложил Кузьмину, что все чисто. Но осторожный старик все же предложил гостям сесть в саду. В руках у него была газета с неутешительными результатами опроса общественного мнения. Хотя Кузьмин и без социологов знал, что шансов у него мало. Слишком сильна у людей антипатия к советской власти, которую он олицетворял.

Гости расселись вокруг стола. Зуев подумал и расположился, как переводчик, чуть позади отца.

– Читали? – спросил Кузьмин, бросая газету на стол.

– Не берите в голову, Федор Федорович, – сказал Правдюк, молодой, грузный брюнет. – Разве можно верить желтой прессе?

– Да нет, – вздохнул Кузьмин. – Надо смотреть правде в глаза. Народ сегодня не за нас.

– Не годится нам, старой гвардии, уступать авантюристам. Народ нам этого не простит, – сказал густым голосом человек в мундире.

Это был контр-адмирал Рыбаков.

Все, кроме Зуева, знали, что в руках Рыбакова, который занимается конверсией, сосредоточены огромные денежные средства, которые он может бросить в топку избирательной кампании, а может отстегнуть только какую-то малость. Все зависит от Кузьмина. От его способности противостоять Носкову.

– Может, сделать ставку на кого-то другого? – спросил

Кузьмин. – Я чувствую, мне надо уйти в тень, пока демократы не обосрут с головы до ног. Потом мое время может и вернуться, хотя не уверен.

Заговорил Правдюк:

– Федор Федорыч, что вы такое говорите? На кого мы еще поставим? По-моему, не все так плохо. Военные пенсионеры в основной массе за вас. Невоенные пенсионеры – тоже. Что для них главное? Чтобы не упал прожиточный минимум. Да, он потихоньку падает. Но при Носкове просто обрушится. И все это понимают. А пенсионеры – это четверть населения и самый активный электорат.

Кузьмин ответил:

– Вот эту четверть голосов я и наберу. В лучшем случае. А в худшем – пунктов на 8 меньше, то есть процентов 17. Потому что старики думают сейчас не о желудке, не о хлебе насущном, а о том, как бы Крыму поскорее вернуться в Россию. А об этом как раз громче всех кричит Носков. Лозунг немедленного выхода из состава Украины – у него. Полный блеф, абсолютная демагогия, а поди ты – действует!

– Эти выборы – вообще авантюра, – вступил в разговор генерал Валебный. – Закон о президентстве противоречит как конституции Крыма, так и Украины. Киев в любой момент может его аннулировать. Но попробуй сказать это народу – тухлыми помидорами закидают.

– Ты предлагаешь вообще не участвовать в выборах? – спросил Правдюк.

Валербный пожал плечами.

– Я просто констатирую юридический факт. Сдаваться нельзя. Только я не очень понимаю: почему мы должны бороться по всем правилам? По-моему, для того, чтобы не дать Носкову пройти, все средства хороши.

Собеседники переглянулись.

– У тебя есть конкретное предложение? – спросил Правдюк.

– У меня есть оперативная информация, – ответил генерал. – Ребята из Безпеки ведут Носкова. Делают это очень осторожно. Он все-таки в таких играх не дилетант. Наверно, ждут момента, когда Носков сделает какое-нибудь неверное движение.

– Почему “наверное”? Какая у них задача? Нельзя узнать подробнее? – спросил контр-адмирал Рыбаков.

Валербный молча развел руками.

– Нам нужно создавать свою спецслужбу, – решительно произнес контр-адмирал. – У меня на примете десятки толковых профессионалов из армейской и флотской разведки и контрразведки. Люди отказались принимать украинскую присягу и остались не у дел, без гроша в кармане. Они землю рыть будут.

После этих слов все обратили свои взгляды на Зуева, и Женьке стало ясно, что отец уже вел о нем разговор с этими людьми.

– Эту службу должен возглавить человек с реальным опы-

том участия в боевых действиях, – подчеркнул контр-адмирал, обращаясь к Зуеву. – Сразу оговорюсь, от вас потребуются только общее руководство. Свою голову вы подставлять не будете.

Зуев оглядел присутствующих. Как все прошедшие войну, он слегка презирал тех, кто не слышал свиста пуль и разрыва снарядов. Он не знал, что сказать. Ему надо было посоветоваться с отцом.

Глава 13

Брагину доложили, что клиент созрел. Кооператор Станислав Сергеевич Соколов готов был принять любые условия, только бы остаться в живых. Он уже вырыл себе могилу и теперь сидел на краю, обхватив руками голову. А те, кто им сейчас занимался, просматривали какие-то документы.

Максим натянул на лицо маску и вышел из БМВ-750. Ему протянули бумаги. Он не стал смотреть.

– Вы юристы или кто? Докладывайте.

Один из нотариусов доложил:

– Все свидетельства о купле-продаже квартиры подписаны товарищем собственноручно. Сделка юридически чистая. Можете не сомневаться, Максим Петрович.

Брагин жестом подозвал одного из своих ребят. Кивнул на Соколова.

– Как он? Морально готов?

– Готов, – ответили ему.

Максим подошел к Станиславу Сергеевичу и потребовал, чтобы тот поднял голову. Соколов подчинился.

– Не расстраивайся, – сказал ему Брагин. – Самое страшное позади. Будешь жить, пойдешь домой, к жене. Тебя отвезут. Кстати, а чем у тебя жена занимается?

– На фабрике работает, – голос кооператора звучал едва слышно.

– Не понял, – повысил голос Брагин. – На какой фабрике? Кем?

– Она бухгалтер на кондитерской фабрике, – пробормотал Соколов.

Максим задумался. А кооператора била мелкая дрожь. Он догадался, что его жену теперь тоже ждут испытания. По знаку Брагина ему дали мобильный телефон.

– Звони жене. Скажи, что продаем тебя.

– Как продаем? Кому? – тихо спросил Станислав Сергеевич.

– Ты чего придуливаешься?

– За сколько? – спросил Соколов.

– А сколько ты стоишь? – спросил Максим.

Кооператор оглядел себя. Его костюм был весь мокрый. Когда он рыл могилу, ребята Брагина мочились на него.

Он еле слышно выговорил:

– Я уже ничего не стою.

– Скажи жене, что тебя оценили, как новые “жигули”.

– У нее нет таких денег.

– Пусть родственники, коллеги скинутся.

Станислав Сергеевич покачал безнадежно головой.

– Она не соберет таких денег.

Не сказав больше ни слова, Брагин сел в БМВ и укатил. А его ребята снова занялись кооператором. Через пять минут он уже говорил с женой и повторял то, что ему подсказывали.

Жена обзвонила родственников и друзей. Те обещали по-

мочь. Но собиралась примерно треть нужной суммы. А время летело, срок ультиматума бандитов таял. И тогда жена пошла к директору фабрики. Тот сказал: “Ты же знаешь, денег на счету – кот наплакал. Давай попробуем устроить складчину. Объявили по предприятию – сдавайте кто сколько сможет.

Бандиты приехали за деньгами прямо на фабрику. Они были уверены, что никто из двух сотен рабочих и служащих не решится позвонить в милицию. Так и произошло. Люди думали: если бандиты никого не боятся, значит, милиция с ними заодно. И в этом была своя логика.

Директор фабрики выложил свои сбережения – триста тысяч. Остальные начали обзванивать родных и друзей. Те привозили, кто сколько мог. Но возникла новая проблема. Бандиты отказывались принимать мелкие купюры. Мол, им это запаadlo. А был уже поздний вечер, банки уже не работали. Работники фабрики бегали по магазинам, меняли. Это была массовая беготня и нервоотрепка.

Только когда бандиты уехали с деньгами, директор фабрики позвонил Кузьмину, с которым был знаком со времен комсомольской юности. И чуть не плача от злости и бессилия, рассказал, как все было.

– погоди, я сейчас позвоню Валебному, – отозвался Федор Федорович. – Не отключайся, побудь на проводе. Ты будешь слышать наш разговор.

– Не надо, – слабым голосом проговорил директор фаб-

рики. – Ничем Валебный не поможет.

– Побудь на проводе, – приказал Кузьмин.

Он набрал номер Валебного и включил громкую связь.

– Слушаю, Федор Федорович, – пробасил Валебный.

– Ты знаешь, что у тебя целый день творилось на кондитерской фабрике? – строго спросил Кузьмин.

– Кондитерская фабрика – не моя епархия, – отозвался генерал.

– Там бандиты целый день ставили двести человек на уши, выбивали деньги, а ты не знаешь?

– Не было сигнала, Федор Федорович.

Кузьмин зашелся от гнева.

– Ты провалишь мне выборы. Эти двести человек теперь проголосуют за Носкова. А еще все их родственники, друзья и знакомые. Это будет человек шестьсот. Шестьсот голосов – как корова языком слизнула. Быстро исправляй ситуацию!

– Будет сделано, Федор Федорович! – заверил Валебный. – Судя по наглости, это Брагин, его работа.

– Ну, так бери его тепленьким!

– Так просто его не возьмешь. Прямых улик против него, как правило, нет, а свидетели молчат.

– Ты ж только что сказал, что будет сделано!

– Будем работать, – туманно пообещал генерал.

Кузьмин с треском бросил трубку на рычаг и несколько секунд размышлял, что сказать директору фабрики. Тот подал голос первым.

– Насчет шестисот голосов вы правы, Федор Федорович, хотя не совсем. Вы не посчитали мой голос.

И положил трубку. “Обнаглели, – подумал Кузьмин. – Все обнаглели”.

Глава 14

Носков мотался на своем “запорожце” по Крыму, выступал перед избирателями. Компания велась по принципу: сердце к сердцу, глаза в глаза. Всюду его сопровождали Яшин и охранник Сережа.

Через неделю вернулись в Симферополь, отоспались и продолжили предвыборную гонку в столице республики. Здесь чаще всего передвигались пешком.

– Ребята, не знаю, как вам, а мне зверски хочется есть, – объявил Носков.

Он внимательно посмотрел на Сережу и добавил:

– А тебе, Сережа, пора выпить пивка. Что-то ты мне сегодня не нравишься.

– День рождения деверя отмечали, Олег Степанович, – начал оправдываться охранник.

– Никак не могу запомнить, кто деверь, кто – золовка, – заметил Носков.

– Брат жены и сестра мужа, – подсказал Яшин.

– Зато я вижу, что за нами хвост, – пробормотал Носков. – Нас пасут, а значит, в перспективе будут либо покупать, либо убивать.

Сережа позволил себе пошутить:

– Вам-то что больше нравится?

– Узнаю похмельный юмор, – хихикнул Носков. – Ну а

если на самом деле? Как будешь меня защищать? Что там у тебя в руке?

Сережа разжал кулак. На огромной растопыренной ладони лежал стартовый пистолет. Носков залился смехом.

– Зачем мне оружие? Я и так страшный, – в глазах Сережи светилось детское озорство.

Они зашли в кафе, помыли руки, причесались. Глядя в зеркало, Носков вздохнул:

– Мое лицо – мое богатство.

В зеркале отражалась входная дверь. Максим Брагин вошел и, как настоящий русский мужик, направился к унитазу на ходу расстегивая ширинку. Носков напряженно всматривался. Силился вспомнить, где он видел этого типа. Ведь видел же! Но где? Когда?

– Ну и шкаф у тебя, Олег Степаныч, – отметил Брагин, опорожнив пузырь и застегивая ширинку. – Он у тебя профи или кто?

– Вообще-то он экскаваторщик, – ответил Носков. – А ты кто?

Брагин подошел вплотную.

– Я – тот, кто не помнит зла.

Теперь Носков узнал его. Не мог не узнать, хотя прошло немало лет, и Брагин очень изменился.

– Надо поговорить, – было заметно, что Брагин волнуется.

Появление Брагина вызвало в кафе переполох. По знаку администратора обслуживать столик бросились сразу трое

официантов. В момент стол был уставлен блюдами и напитками.

– Познакомься, Андрей Васильевич, – сказал Носков. – Мы, простые граждане, должны знать героев нашего времени. Это знаменитый Брага. Ты наверняка о нем читал, а еще больше слышал. А он вон, оказывается, какой. Совсем не страшный. Видишь, как хвостом виляет, ласкается. Но будь осторожен. Если не угодим, может и укусить.

Яшин во все глаза разглядывал Брагина. Так вот он какой, “крестник” Носкова. Действительно, ничего отталкивающего. Даже симпатичный. Правда, холодный, надменный. Ну и что? А начальники у нас разве не такие? А он как никак тоже начальник. Криминальный авторитет.

– Что тебе надо? – тихо спросил Носков.

– Времена изменились, – философски произнес Брагин.

– Ну и что дальше?

– Люди тоже очень резко изменились.

Носков молчал, ждал, что Брагин дальше скажет. Но тот примолк.

– Ну, дальше? Дальше что? – подогнал его Носков

– Знаешь, как говорил московский митрополит Филарет? – ответил Брагин. – Низко преступление, а человек достоин сожаления. Мне надоела эта кутерьма, Степаныч. Я хочу заниматься нормальным бизнесом. У меня жена, сын – нормальная семья. Я даже курить бросил, чтобы не подавать пацану дурной пример. Помоги мне, и я помогу тебе.

А кто старое помянет... Я говорю, у меня нет на тебя зла. Ты делал свое дело. В какой-то степени ты мне даже помог. Не знаю, как бы сложилась жизнь, если бы не тот случай. Я отбыл свое, заплатил сполна.

– Ну, да. И за последние два года отправил на тот свет человек двадцать, не меньше. Или больше? Сколько конкурентов ты отстрелял, агнец невинный?

– Так разве ж то люди, Степаныч? – отозвался Брагин. – Мне милиция спасибо должна сказать.

– А сколько невинных людей при этом пострадало?

Брагин развел руками.

– Ну, это неизбежные издержки. В какой работе их нет?

– Работе, – передразнил Носков. – Ладно, что я, по-твоему, должен для тебя сделать? Амнистию выдать? Индульгенцию?

– Когда придешь к власти – а ты придешь, – сказал Брагин, – дай моему человеку должность советника по экономике. Внештатного советника, зарплата мне, как сам понимаешь, ни к чему.

Носков кивнул.

– Замысел понятен. С корочками ты все сам возьмешь.

Брагин продолжал:

– Я за тобой уже неделю хожу. И, между прочим, не один. По-моему, тебя еще кое-кто пасет. Либо Безпека, либо УНСО, либо и то и другое в одном флаконе. Тебя экскаваторщик Сережа не уберезет.

Носков повернулся к Яшину:

– Везет тебе, Андрей Васильевич. – Такой базар слышишь. А теперь отсыдь, пожалуйста, за соседний столик. И ты, Сережа, тоже отсыдь. Ни к чему вам слышать, чем наше толковище закончится.

Когда Яшин и Сережа пересели, Носков сказал Брагину:

– Знаешь, дружище, ты меня в тупик поставил.

Брагин заерзал. Решил, что бывший следователь клюнул на его наживку.

– Степаныч, да мы с тобой всех будем держать вот так, – он показал внушительного размера кулак. Мы и Безпеку и УНСО вышвырнем отсюда. Под ними земля гореть будет. И налоги будут выплачиваться в срок и безо всякой утайки. Ты знаешь, семьдесят процентов бизнеса подо мной. Мы тебе особый президентский фонд создадим. Праправнукам хватит. Говорят, чтобы стать друзьями, людям надо как следует поссориться. Но мы с тобой и не ссорились особо. Ну, взял ты меня этим приемом, “коготь орла”. Ну, подержал за личико. Так это все – тьфу. Забыто! У нас такие перспективы. Ты этого Сережу отправь обратно на его экскаватор. А тебя будут сопровождать мои ребята. У меня половина – из ментов, а половина – из офицеров. Ни одного блатного. Если себя не жалеешь, хоть о семье подумай. Я найду для тебя до выборов приличное и в то же время скромное место. А потом мы тебе президентскую резиденцию отгрохаем. На манер американского Белого дома. Кравчук лопнет от зависти.

– Погоди, – остановил его Носков. – Ты меня не так понял. Я попросил ребят отсесть, чтобы ты потом с ними сче- ты не сводил, как со свидетелями своего позора. Не будет у тебя корочек советника. И всего, что ты так красочно нари- совал, тоже не будет. Ты прав, времена изменились. А люди изменились еще больше. Но не до такой же степени, чтобы я, бывший важняк, а в перспективе президент, спутался с тобой, рэкетиром и убийцей. Тебе столько уже сошло с рук, что ты потерял всякое чувство реальности. Но я возвращаю тебя на землю.

Лицо у Брагина покрылось красными пятнами. Он проси- пел:

– Какой у тебя рост?

Носков рассмеялся:

– А ты, однако, не привык слышать “нет”. Гроб, что ли, хочешь мне заказать?

Брагин тяжело дышал. Носков потрепал его по плечу.

– Ну-ну, не надо так возбуждаться.

Сев в джип, где была оборудована система спутниковой связи, Брагин набрал какой-то номер и сказал собеседнику на другом конце провода:

– Игорь, привет, это я. Он отказался.

Выслушав ответ, рывкнул:

– Завтра же займешься им, как договаривались. А его дев- чонкой займется Денис. Повторяю для непонятливых: Нос- ков должен быть наш, независимо от того, выиграет он выбо-

ры или не выиграет. В случае успеха у тебя будет новый БМВ и новая квартира. Ты это сделаешь, понял! Как там гласит древняя мудрость? Всегда есть сила сильнее силы и хитрость – сильнее хитрости.

Брагин отключил мобильную связь и сказал самому себе:
– Он будет мой или его вообще не будет.

Глава 15

Носков с азартом ел грецкие орехи. Орехи были мягкие, свежие, какие он любил. Гусев читал с важным видом газету. А Вадик в поте лица делал на ксероксе копии только что вышедшей статьи Яшина. Материал получился. Носков выглядел романтическим борцом с преступностью: умным, отчаянным, неподкупным. Хотя кино о нем снимай.

– Хватит краски? – спросил Носков.

– Получится экземпляров триста, не больше.

Носков покачал головой.

– Мало. Срывать ведь будут. И вообще расклеивать – нехорошо. Положить бы каждому в почтовый ящик. Это было бы грамотно.

– Давайте деньги, куплю краски, – предложил Вадик.

Гусев оторвался от чтения и повернулся к Носкову.

– Олег, я бы не преувеличивал значения этой статьи. Народ у нас не лыком шитый, привык своими мозгами жить. Сам факт публикации в такой момент говорит о том, что это заказуха.

Носков усмехнулся про себя. До чего ж ревнивы эти журналисты. Что мешало Гусеву накатать статью получше и опубликовать в своей газетенке? Болван, не понимает, что гораздо важнее, чтобы о нем, Носкове, узнали в России. И чтобы на Западе о нем узнали по публикации в российской,

а не крымской прессе.

– Нет, если ты скажешь, я дам денег на краску. Но тогда мы снова не выплатим зарплату Сереже, – сказал Гусев.

Носков чертыхнулся. Действительно, нехорошо. У Сережи двое детей и жена-медсестра. Вообще непонятно, на что живут.

В дверь постучали. Пришел Яшин. У него была хорошая новость. Позвонил Воротников и сообщил, что во второй половине дня в Симферополь вылетает курьер с деньгами для Партии независимости. И тем же рейсом улетит обратно.

– Сколько привезет, не сказал? – спросил Гусев.

Носков рассмеялся:

– Эдик, какое это имеет половое значение? Дареному коню в зубы не смотрят. Поедешь на встречу, возьмешь подарок.

Гусев был казначеем партии по примитивной причине: все знали, что он прижимист. Но не все знали, что он жуткий трус. Вот и сейчас, узнав, что ему предстоит получить немалую сумму, Эдик Гусев сдрейфил. А вдруг кто-нибудь из бандитов узнает и решит отобрать деньги?

– Дай мне хотя бы Сережу, – попросил Гусев.

– Возьми, – разрешил Носков.

Начали обсуждать стратегию избирательной компании. Носков отстаивал свой лозунг: мол, Украина владеет Крымом незаконно. Гусев и Вадик были с ним заодно. Яшин молчал, не хотел лезть в чужие дела. Но когда человек вот так

молчит, поневоле хочется узнать, что у него на уме.

– У тебя-то какое мнение, Андрей? – спросил Носков.

Яшин ответил, не особо раздумывая:

– Вина Украины только в том, что она ведет себя неблагородно. То, что тебе не принадлежит по праву, надо отдать законному владельцу. Но в отношениях между государствами эта норма не действует.

– А жаль, – вставил Вадик. – Получается, что сами государства учат своих граждан непорядочности.

– Юноша, о чем вы? – воскликнул Гусев. – Порядочность в политике? Ха-ха!

– Вот почему народ всегда лучше правителей, – воскликнул Вадик.

Год назад Вадик закончил истфак Симферопольского университета, начал работать в школе. Там его и заметил Носков во время своей встречи с учителями. Парень показался ему образованным и порядочным. И Носков предложил ему стать пресс-секретарем партии. Но без зарплаты, на общественных началах. Вадик согласился не раздумывая. Участвовать в политической борьбе было для него счастьем.

– Вы, конечно, можете обвинить меня в маниловщине, – продолжал Яшин, – но, на мой взгляд, у Крыма должен быть особый статус. Полуостров должен быть общей собственностью России и Украины. Юридически это не так уж сложно прописать. Была бы политическая воля обоих государств.

Гусев фыркнул:

– Преобразование СССР в СНГ – это форма развода. Чтобы не было драки, как в Югославии. Но какая может быть общая собственность у тех, кто разводится?

– А мне кажется, Андрей Васильевич подает очень даже интересную идею, – заметил Вадик и напряженно уставился на Носкова: что тот скажет?

– Над этим стоит подумать, – пробормотал Носков. – Это то предложение, от которого не так-то просто отказаться ни Кравчуку, ни Ельцину. Будем думать. А сейчас давайте вот что обсудим. Как победить с первого захода, в первом туре? Что для этого нужно? Насколько это реально?

– Говорят, Кузьмин хочет организовать бесплатную раздачу водки на избирательных участках, – сообщил Вадик. – Прием почти хрестоматийный, применялся на заре парламентаризма в Англии. Подло, но довольно эффективно.

Носков усмехнулся.

– Пусть на здоровье раздаст. Ваня с Маней выпьют, но проголосуют по-своему. Правильно Эдик говорит, народ у нас себе на уме. Давайте послушаем нашего московского гостя. Ему со стороны видней.

– Если бы у вас тут текла Амазонка, я бы посоветовал тебе поплавать там, где водятся пираньи. И показал бы это по телевизору, – пошутил Яшин.

Вадик тут же вспомнил:

– А что? У Роберта Кеннеди это классно получилось.

Носков прожевал орешек и отряхнул с ладоней крошки:

– Туфта это все, ребята. Ничем Роберт Кеннеди не рисковал. К вашему сведению, опасен только один из двадцати видов пираний. И его-то, этого вида, как раз в том месте Амазонки и не было. А вот со старушками надо работать. И с военными пенсионерами. Кто их завоюет, тот и победит.

– Этого мало, – сказал Гусев. – Если придут деньги, можно сварганить пару-тройку телероликов. Носков в своей скромной квартирке на первом этаже. Носков открывает соревнования каратистов. Носков посещает дом престарелых.

У Эдика был друзья на телевидении. Дав им эту работенку, он мог рассчитывать, что они поделятся с ним какой-то частью своего гонорара.

Но Носков отверг эту идею.

– Что такое Кузьмин? Это ожирение власти, ее несправедливость и только видимость порядка. Что такое Носков? Это Кот в сапогах. Никто о нем толком ничего не знает. Но по слухам – такой же, как все, и любит справедливость и порядок. Что, в общем-то, так и есть. Старик Поляков правильно сегодня подсказал. Наш лозунг должен быть – порядок и справедливость.

– Но нужна еще и какая-то программа, а значит и какие-то обещания, – осторожно заметил Яшин.

– Люди, как правило, верят больше тем политикам, которые меньше обещают, – возразил Носков. – Что касается программы... Есть интересное высказывание Черчилля. Он говорил: заглядывать далеко вперед – недальновидно. Ребя-

та, это Черчилль говорил, которого народ избирал четыре раза!

– Как должна произойти передача денег? Тебе сказали? – спросил Носков. Чувствовалось, что этот вопрос не выходил у него из головы.

– Курьер передаст деньги в туалете аэропорта, – сказал Яшин.

Носков поморщился.

– Нашли место. Деньги передадут тебе?

– Нет, человеку, который зайдет в туалет вместе со мной.

Я – всего лишь свидетель передачи пакета.

– А расписка? – спросил Носков.

Яшин молча пожал плечами. О расписке ему ничего не сказали.

– Какая может быть в таких случаях расписка? – усмехнулся Гусев. – Называется только сумма. Сумму назвали?

– Сто десять тысяч рублей, – сказал Яшин.

Курьер, который привез деньги, видел рядом с Яшиным Гусева, но не пошел следом за ним в туалет. Причина была простая. Курьер заметил, что Гусев и Яшин находятся под наблюдением. Процедура передачи денег осложнялась еще и тем, что курьер узнал Яшина по фотографии, а Яшин никак не мог вычислить в толпе прибывших курьера. Получив багаж, прилетевшие пассажиры разъехались, а курьер смешался с теми, кто ждал очередных рейсов, и наблюдал со стороны за Яшиным и Гусевым. Те потерлись в зале ожидания с

полчаса и поехали обратно. Курьер сел вместе с ними в автобус, улучив момент, сунул конверт с деньгами Гусеву и сошел на следующей остановке.

Конверт был тщательно заклеен. Вскрыв его, Вадик и Гусев три раза пересчитали деньги. Ровно сто десять тысяч.

Глава 16

Сережа вошел в подъезд, осмотрел его и вернулся. Бодро доложил:

– Все чисто, Олег Степаныч.

Носков смотрел на фитильного Сережу, как на ребенка. Играет в телохранителя. А ведь в трудную минуту не спасет. Просто не сумеет. Желание есть, умения – ноль. Если ты, дуралей, осмотрел подъезд на первом этаже, это еще не значит, что все чисто. Пулю можно получить и на втором этаже и на третьем. На каком угодно.

– Ладно, Сережа, иди домой. Я, может, здесь заночую.

– Значит, утром быть здесь? – спросил Сережа.

– Я позвоню. Иди, отдыхай, – сказал Носков.

“Если меня изберут, приставлю его к Галине. Пусть ее охраняет”, – подумал Носков, глядя в спину удаляющемуся Сереже.

В маленькой квартирке Аллы царил художественный беспорядок. Всюду лежали кисти и тюбики с краской, книги, одежда, косметика. А посреди комнаты стоял мольберт с наброском портрета Носкова. Олег стоял, держа двумя руками концы воротника куртки, и смотрел прямо в глаза тому, кто рассматривал его на портрете. Только его глаза имели не обычное жесткое выражение, а излучали теплоту и нежность.

– Когда это ты меня зацепила в таком виде?

Алла подошла, встала рядом, положила руки на плечо Носкову.

– Однажды ты посмотрел на меня именно таким взглядом.

– И ты запомнила?

– Как не запомнить. Ведь это было всего один раз.

“Неправда, – подумал Носков. – Просто женщинам всегда мало того, что они имеют”. Правда была только в том, что он не любил жарких слов.

– По-моему, я тебе уже говорила, просто ты не все помнишь: художник раскрывает в портрете не только того, кто ему позирует, но и самого себя.

– Не понял, – отозвался Носков.

– Ты никогда не смотрел на меня так. Ни разу. Просто все эти восемь лет я мечтала, чтобы ты так на меня смотрел.

Носков кашлянул с досадой.

– Знаешь что, дорогая. А не продолжить ли нам этот психоанализ за кухонным столом?

– Пойдем, вождь голодранцев. На меня как раз что-то нашло сегодня. Буду кормить тебя твоими любимыми варениками.

Они прошли на кухню, и Носков набросился на еду.

– Ты не поверишь, однажды я ел вареники в “Национале”. Но твои лучше.

На лице у Аллы появилась вымученная улыбка.

– Жалкий хвостун и лицемер. Можно подумать, что ты

ошивался в “Национале” каждый вечер.

– Нас было четверо, – продолжал Носков. – Отмечали окончание юрфака. Сбросились, и кутили целый вечер. А сейчас ужин в “Национале” на двоих стоит 800 долларов.

– Откуда такие сведения?

– Из ящика, откуда еще? Нормальную жизнь мы видим теперь только по телевизору.

– Ничего, скоро и у тебя начнется сладкая жизнь, – Алла старалась, чтобы ее голос звучал весело.

Носков перестал есть.

– Странная ты сегодня. Что с тобой? Ты мне не веришь?

Алла посмотрела отчужденно.

– Я тебе уже девять лет верю.

Носков отложил в сторону вилку. Начинается!

– Я знаю тебя больше, чем ты сам себя, – продолжала Алла. – Как только ты станешь президентом, жена станет тебе намного ближе. Хотя спать с ней ты по-прежнему не будешь. Впрочем, как знать... Может, ты и на жену станешь смотреть по-другому. Она красивая, красивей меня. Она верная, что само по себе ценно. Она умная, тебе не стыдно будет показаться с ней в обществе других президентов. То есть на фоне других жен она будет выглядеть очень достойно.

“Если Кузьмин узнает о моих амурах, обязательно это использует”, – подумал Носков. Этот страх раздражал его, привыкшего считать, что чувство страха вообще ему не свойственно.

Из кухни был виден мольберт. Носков взгляделся еще раз в свое изображение и вспомнил, когда смотрел на Аллу таким взглядом. Было это полгода назад. Алла сказала, что не может больше ждать. Женщина должна родить не позднее 24 лет, а ей уже 32. По существу, она поставила Носкова перед банальным выбором: либо он бросает жену и женится на ней, либо она выйдет замуж за другого человека, пусть не такого героического, зато способного подарить ей покой и обыкновенное женское счастье. Тогда на Носкова что-то нашло, он пообещал Алле, что сделает все так, как она хочет, но не сейчас, а после президентских выборов, независимо от их исхода. Он дал это слово, почти клятву, совершенно свободно, Алла на него не давила. Он и сейчас не думал идти на попятную, по-прежнему считая, что ни с одной женщиной ему не будет так хорошо, как с Аллой. Все, в конце концов, наладится. Нужно только еще немного потерпеть.

Носков сказал это Алле. Она печально улыбнулась. Она уже ни во что не верила. А ее сегодняшнее настроение объяснялось просто. Она сходила к врачу, и все приметы подтвердились: она беременна. Но как сказать об этом в такой момент?

Выйдя из квартиры, Носков посмотрел, нет ли кого лестничным пролетом выше, и начал быстро спускаться вниз. Лампочка на первом этаже светила тускло, и он не заметил проволоки, натянутой на уровне лодыжек. Он упал лицом вниз, едва успев выставить вперед руки, чтобы не повредить

лицо. Он не видел, как над ним нависла темная фигура, только почувствовал удар по голове. Из глаз посыпались искры. Но он только на миг потерял сознание, тут же вскочил. А нападавший, явно не ожидавший такой прыти, бросился наутек. Гнаться за ним у Носкова не было сил. Он поковылял обратно, наверх.

– Ну, как ты мог отпустить Сережу? – со слезами спрашивала Алла, перевязывая Носкова. Она чувствовала себя виноватой, дала Носкову уйти расстроенным, несобранным. – Почему вообще тебя охраняет какой-то экскаваторщик? Почему ваша партия не обратится к Валебному? Как министр, он обязан выделить тебе охрану.

Носков скривился то ли от боли, то ли он наивности Аллы.

– О чем ты, Аллочка? Ты что, не знаешь, на кого работает Валебный? Его охрана меня же и укукошит.

– Хорошо, хоть удар пришелся вскользь. Только кожа содрана. А ведь могли пополам расколоть, – чуть не плакала Алла.

Носков пробовал шутить.

– Хорошо хоть правая сторона башки задета.

Алла смотрела непонимающе.

– Левое полушарие отвечает за принятие решений, – пояснил Носков.

– Никуда сегодня не пойдешь. Здесь останешься. И вообще запомни: без меня ты пропадешь – сказала Алла.

Носков не возражал.

Глава 17

Кузьмина и Носкова готовили к теледебатам. Комизм ситуации заключался в том, что их кресла в примерной стояли рядом.

– Почему вы не надели костюм? – спросила гримерша, пытаясь затушевывать Кузьмину глубокие морщины и разгладить мешки под глазами.

Старик вздохнул.

– Стыдно красоваться. Грызет вина перед людьми. Не справились, профукали власть. Кому?

Носков беззвучно рассмеялся.

– Ну, вы-то пока еще не профукали, Федор Федорович. У вас все впереди.

– Поберегите порох, – огрызнулся Кузьмин.

Гримерша взбила ему повыше вихор. Старик стал выглядеть еще задиристей.

– Это вам надо беречь порох. У вас его с гулькин нос. А у меня – полные пороховницы, – задорно отозвался Носков.

Вели дебаты двое: бойкий паренек и степенная женщина со следами былой красоты. Они явно играли на стороне Кузьмина, но старались выглядеть объективными и глубоко-мысленными.

Ведущая сказала:

– Человек должен быть либо верующим, либо ищущим

веры. Так говорил классик. А вы? В чем ваша вера? Начнем с вас, Федор Федорович.

Кузьмин прокашлялся. Он знал, что будет такой вопрос, но все равно волновался и не мог этого скрыть.

– Вы правы, должна быть религия власти, или вера. Вся моя вера заключена в двух словах – интересы простого народа. Все остальное – от лукавого. Я всю жизнь служил и буду служить нашему народу, до самой смерти.

Прозвучало с пафосом, но искренне, Кузьмин был собой доволен. И теперь смотрел на Носкова. Как тот выкрутится?

– Я отвечу немного пространнее, – сказал Носков. – Вспомните, как мы жили при коммунистах. Мы не могли купить себе очков в красивой оправе. Не могли вставить себе красивых зубов. Не могли ездить в нормальных автомашинах. Не могли купить красивую обувь, одежду, зимнюю шапку. Не могли купить свободно ни хорошей колбасы, ни нормальной курицы, которая была бы не синюшного цвета. Да, что-то было: и оправы для очков, и зубы из металлопластмассы, и модная одежда, и вкусная еда, и нормальные машины. Но – только для избранных. Как же можно после этого говорить, что бывшая власть жила интересами народа?

Слова попросил Кузьмин:

– Мы умеем делать выводы из своих ошибок, и мы их сделали. Я имею в виду выводы. Их три. Первый вывод – нельзя отрываться от народа в потреблении материальных благ. Второй – нельзя запрещать частную собственность. И третий

вывод – надо дать людям полную свободу слова и политической деятельности.

Носков торжественно улыбнулся. Старик начал оправдываться, перешел к обороне, это хорошо.

Ведущий заглянул в свою записную книжку и спросил:

– Предположим, большинство голосов отдано за вас. Как вы будете строить свою работу? С чего начнете? Ваша очередь, Олег Степанович.

Носков ответил коротко:

– Я наберу команду профессионалов, умеющих работать в экстремальных условиях, потому что других условий, учитывая отношение к нам со стороны Киева, не будет. Сразу скажу: если нам будут мешать, мы будем очень сильно сопротивляться.

Кузьмин с довольным видом спросил:

– Собираетесь воевать? Не думаю, что избирателям это понравится. Настоящий политик должен уметь добиваться своих целей мирными средствами. Что же касается подбора команды, то профессионалами должен руководить профессионал— управленец. А вы кто? По конституции президент возглавляет правительство. Вы хоть представляете, как вести заседание кабинета министров? Впрочем, откуда вам знать это? У вас нет опыта руководства даже секретаршей.

– Не надо демагогии! – парировал Носков. – Не боги горшки обжигают. Научимся.

– Этому учатся годами, всю жизнь! – воскликнул Кузь-

мин.

Носков хлопнул себя по коленкам.

– Вот в чем не откажешь коммунистам, так в напоре. Довели экономику до ручки, до полного расстройтва дел в республике, а теперь поучают других. Профессионалы...

Ведущая прервала его очередным вопросом:

– Всех нас ужасает вал преступности. Каждый день – громкие ограбления, перестрелки, бандиты сводят счета друг с другом, а страдают ни в чем не повинные люди. Что вы намерены предпринять?

Первым ответил Кузьмин:

– Хочу процитировать слова одного американского президента: преступность есть не что иное, как партизанская война против общества. Боюсь, что эта война будет долгой. Нужно усиливать нашу правоохранительную систему, увеличить денежное содержание и оснащение милиции и прокуратуры. Но и при выполнении этих условий нельзя ждать быстрого успеха. Джин выпущен из бутылки, и затолкать его обратно будет не так просто.

Ведущая повернулась к Носкову. Тот ответил с подковыркой:

– Новое мышление демонстрируете, Федор Федорович. Раньше цитировали Ленина и Брежнева, а сегодня – американского президента. А я вам без цитат скажу: правоохранительная система работает настолько эффективно, насколько это устраивает действующую власть.

– И все? – удивилась ведущая. – Это весь ваш ответ?

– Я думаю, телезрители меня поняли, – ответил Носков. – А если не поняли, добавлю. Нынешняя власть лежит под преступностью. Расслабилась и получает удовольствие. При мне этого не будет. Два, максимум, три месяца и с организованной преступностью будет покончено.

– Не маловато берете? – ехидно поинтересовалась ведущая.

Носков сделал успокаивающий жест.

– В самый раз. Я знаю, что говорю. Все наработки на самых выдающихся наших преступников лежат в сейфах. Надо только дать им ход. И я это сделаю.

– Куда вы направитесь из нашей студии? – спросил Кузьмина второй ведущий.

– На день рождения. У внучки сын родился. Мой правнук! – с умилением сообщил старик. – Посидим, песни поем.

– Говорят, вы хорошо играете на баяне и поете? – спросил ведущий. – Может, исполните что-нибудь?

Как по щучьему велению в руках Кузьмина появился баян:

– И Родина щедро поила меня березовым соком, березовым соком, – пел Кузьмин.

Голос у него был хороший, он это знал. И поэтому не ограничился одним куплетом, а спел всю песню.

– Березовым соком, березовым соком.

Носков не мог сдержаться, его трясло от смеха. Камера наехала на него, показала крупным планом.

Одни телезрители покатывались со смеху, другие возмущались, как топорно играет в демократию старый партаппаратчик.

– Эта рвань выиграет выборы! – сказал Зуев, смотревший дебаты по телевизору. Естественно, он имел в виду Носкова.

Следили за телевизионной предвыборной дуэлью и Брагин с Журавской.

– Спекся Кузя, – констатировал Брагин. – Не быть ему президентом.

Глава 18

Весь пешеходный бульвар и венчавшая его центральная площадь Симферополя были заполнены нарядно одетым народом. Носков не стал нарушать дорожные правила, оставил свой “запорожец” где положено и пошел пешком в сопровождении жены, дочери и охранника Сережи. А позади медленно, как катафалк, двигался огромный джип, окруженный крепкими парнями с короткой стрижкой.

В джипе сидели Максим и Ритка. Они опустили затемненные стекла и не скрывали своих лиц. Люди посматривали на них с возмущением, но предпочитали молчать. Они знали, что едут бандиты. Милиционеры старательно смотрели в другую сторону.

Старичок Поляков заметил Носкова, придержал его за рукав и сказал, показывая на джип:

– Ну и как вам это нравится? Я ж говорю, вся наша жизнь – игра без правил.

– Все же идете голосовать? – заметил Носков.

– Иду. Это уже в крови. Как условный рефлекс. Как слюна у собаки Павлова, – сказал Поляков.

– Ну, вот и не распускайте слюни, – грубовато посоветовал Носков. – Наберитесь терпения. Вот увидите, мы научим их соблюдать правила.

У входа в центральный избирательный участок телевизи-

онные журналисты вели прямой репортаж. Появление Носкова в сопровождении джипа и коротко остриженных молодых их не очень удивило.

Брагин и Журавская картинно вышли из крутой иномарки. Один из журналистов бросился к ним.

– За кого будете голосовать?

Чувствовалось, что эта сцена задумана и хорошо оплачена.

Максим сделал вид, что задумался. С кривой ухмылкой ковырял носком туфли асфальт. За него ответила Ритка:

– Мы приехали не голосовать. Мы приехали, чтобы сделать объявление.

Ритка сделала многозначительную паузу. Все вокруг затаили дыхание. Даже Носков не выдержал, приостановился, чтобы услышать, и попал в кадр вместе с Журавской и Брагиным.

– Победитель выборов получит от нашей фирмы подарок – белый роллс-ройс.

– Но это можно расценить как попытку подкупа власти, – сказал журналист.

Журавская покачала головой.

– Нет, нам ничего не нужно. У нас и так все есть. Просто мы хотим, чтобы наш президент, кто бы он ни был, ездил в достойной машине. Мы – патриоты, вот и все.

Телевизионщики обступили Носкова и его семью.

– Мы впервые видим вас с супругой. Вы позволите задать

ей несколько вопросов?

– Не вынуждайте нас нарушать закон о выборах, – отказался Носков.

– Тогда поработайте с нами, – попросили фотожурналисты.

– Нет, позировать мы тоже не будем, – снова отказался Носков, хотя и не так категорично. Он понимал, что появление на телеэкранах Галины может добавить ему какой-то процент голосов.

Носковы прошли в здание кинотеатра, где размещался избирательный участок, и снова попали под объективы телекамер, которые показали, как проходило голосование одного из главных претендентов. Носкова попросили не сразу бросать бюллетень в урну. Его попросили улыбнуться в телекамеру. Он подчинился неохотно, понимая, что излишнее позирование будет не в его пользу.

Галина тоже держалась очень сдержанно. Только Лариса не могла скрыть, что внимание прессы кружит ей голову. Она широко улыбалась и даже помахала кому-то рукой, глядя в глазок телекамеры. Галина дернула ее за рукав, но Лариса была неуправляемой.

Они вышли из кинотеатра. Здесь их поджидала целая толпа сторонников. Послышались восторженные крики. Носков поднял над головой сцепленные руки. Крики перешли в восторженный рев.

Телерепортер, захлебываясь, говорил в телекамеру:

– Мы впервые видим Олега Носкова в сопровождении жены. Ее зовут Галина. Она родилась в Ейске, где темно-русые волосы и васильковые глаза – норма женской красоты. Правда, мы не знаем, чем занимается Галина Носкова, кто она по профессии. Но теперь это не так важно. Возможно, род ее занятий вскоре можно будет назвать очень коротко – жена президента.

Репортер продолжал что-то тараторить в микрофон. Его видели и слышали только телезрители. Толпа продолжала шуметь. И на этом фоне неожиданный громкий хлопок в первые мгновения не обратил на себя внимания, пока не раздались женские вопли и на телеэкранах не появились окровавленные, перекошенные ужасом лица.

– Что-то случилось, – взволнованно заговорил репортер. – Кажется, что-то взорвалось. Уникальный случай! Мы ведем передачу в прямом эфире с места совершения террористического акта. Только непонятно, против кого он направлен. Где Носков? Олег Степаныч, если с вами все в порядке, покажитесь!

Зуев и Кузьмин видели эту сцену по телевизору. Федор Федорович по старой привычке проголосовал рано утром и теперь сидел за празднично накрытым столом.

А телекамера показывала метущуюся толпу, останавливаясь на отдельных фигурах и лицах. Оператор пытался найти Носкова. Наконец, ему это удалось. Носков стоял в окружении жены и дочери, рядом нависал опасно озирающийся

по сторонам Сережа.

Репортер подскочил с микрофоном.

– Что вы можете сказать о случившемся?

Носков отвечал в запале:

– Об этом надо спросить человека, который сегодня возглавляет республику, кто обязан был обеспечить людям безопасность голосования. И спросить заодно его лучшего друга – министра внутренних дел. Не знаю, против кого конкретно направлен этот взрыв, но почти наверняка пострадали ни в чем не повинные люди.

Несмотря на чрезвычайность ситуации, Носков не назвал фамилии Кузьмина и Валебного. Но репортер не упустил возможности подцепить его.

– А вы готовы ответить перед судом за критику своего конкурента в день выборов?

– За критику в такой момент – да! – горячо сказал Носков. – И давайте закончим на этом. Я понимаю, вы сейчас работаете. И даже догадываюсь, на кого.

Он едва успел договорить, как что-то снова произошло. Сережа вдруг исчез с экрана. Как будто сквозь землю провалились и Галина с Ларисой. А вокруг Носкова появились странные типы в масках. Двое крепко схватили его за руки, и один из них сказал хрипло:

– А ну, возьми его за личико!

Кто-то третий взял Носкова за скулы и с силой сдавил, получилась жалкая гримаса. Камера снимала эту сцену круп-

НЫМ ПЛАНОМ.

От удивления Кузьмин приоткрыл рот. А Зуев несолидно подскочил в кресле и по-мальчишески закричал:

– Отец, это Макс! Это его ребята! Помнишь, я тебе рассказывал, как Носков брал его за личико. Теперь Макс взял Носкова! Ну и цирк! Туши свет!

А репортер между тем тараторил:

– Это потрясающе! Что делают с человеком, который обещал покончить с преступностью в Крыму! Где еще такое было? Недаром говорят, что Крым сегодня – это Сицилия 20-х годов.

Неожиданно какие-то люди в штатском отшвырнули репортера в сторону и начали метелить тех, кто только что издевался над Носковым. Среди этих людей был Игорь Федулов. Схватка продолжалась всего несколько секунд, но этого было достаточно. Бандиты обратились в бегство. К Федулову бросила Галина Носкова.

– Игорек, как ты вовремя!

– Не совсем, – с досадой произнес запыхавшийся Федулов.

Носков тоже тяжело дышал. Лицо у него было бледное, губы тряслись.

– Ты как тут оказался? – спросил он Федулова.

– Это я попросила нас подстраховать, – объяснила Галина.

Носков молча протянул Федулову руку. Потом поманил пальцем репортера. Тот подошел. Оператор навел на Носко-

ва камеру.

– Первое, что я сделаю, став президентом – уволю вашего телевизионного начальника, как пособника бандитов, – сказал Носков. – А бандитам просто поотшибаю яйца.

И тут произошло нечто совершенно неожиданное. Кто-то из тех, кто находился в самом эпицентре взрыва, с удивлением поднес к глазам окровавленную ладонь, понюхал ее, провел по ней пальцем другой руки, потом оглядел других пострадавших и с вымученной улыбкой произнес:

– Краска. Это не кровь, это краска!

И нервно рассмеялся.

Следом за ним себя осмотрели другие пострадавшие. Все цело, а кровь на теле и одежде – действительно, всего лишь краска. Послышался нервный смех. Люди смеялись, как помешанные. Их не возмущало даже то, что одежда, судя по всему, безнадежно испорчена. Так были рады, что это всего лишь чья-то дурацкая, жестокая выходка, а они остались целы.

Носков разъяренно заорал, и его лицо камера показала крупным планом.

– Я знаю, кто это устроил! – орал он. – Я найду тебя, тварь! Я найду тебя, как нашел уже однажды. Я найду тебя!

Федулов повел Носковых через толпу к машинам ГАИ с мигалками. Сережа плелся сзади с побитым видом.

– Уволит тебя Валебный, – бросил Игорю Носков.

– Как пить дать, – отозвался Федулов.

– Поработаешь у меня со своими ребятами до второго тура на общественных началах. Я потом вам возьму, – пообещал Носков.

– Думаешь, понадобится второй тур? – спросил Федулов.

– Посмотрим, – пробормотал Носков.

Его всего трясло от пережитого унижения.

Сереза придержал Носкова за рукав.

– Олег Степанович, мне с вами?

– Сереза, – процедил Носков. – Тебе сейчас надо соблюдать армейскую мудрость: если хочешь что-нибудь сказать, стой и молчи. Это не тебе меня, это мне тебя надо охранять. Шел бы ты, Сереза, на свой экскаватор.

Носков смотрел вслед удалявшемуся Серезе и ругал себя за несдержанность. Обидел парня, считай, ни за что. Хотя, с другой стороны, сказал себе Носков, теперь на многие вещи надо смотреть иначе, без лирики. Если на то пошло, между телохранителем и охраняемым должна быть психологическая совместимость. С Федуловым у него больше общего, чем с Серезей. Правда, Сереза, кажется, более самоотверженный. Но разве Федулов не показал сейчас склонность к самопожертвованию. Еще как показал.

Глава 19

Предварительные результаты голосования были объявлены поздно вечером. Получив 43 процента голосов, Носков оторвался от Кузьмина на 26 пунктов, вихрастый старик набрал всего 17 процентов. В штабе Партии независимости царило ликование. Не разделял общего восторга только виновник торжества. После издевательства, которому его подвергли брагинские отморозки, Носков был замкнут и мрачен.

Яшин догадывался, что для такого настроения были и другие причины. Следом за вторым туром президентской гонки должны были состояться не менее важные выборы в парламент Крыма. Верховный Совет Крыма во главе с Кузьминым должен был сложить свои полномочия и уйти в историю. Но, как показали события в России, коммунисты просто так не сдают свои позиции. От интригана Кузьмина можно было ожидать любых пакостей. С другой стороны, было непонятно, кто пройдет в парламент, с кем придется работать Носкову. Все упорнее ходили слухи, что люди Кузьмина и подручные криминальных авторитетов, и прежде всего Брагина, начинают подкупать наиболее известных в народе кандидатов. Носков не мог не понимать, что он получит власть, но при этом будет опутан липкой паутиной с ног до головы.

Не тешил он себя иллюзиями и в отношении Киева.

Обыкновенный здравый смысл подсказывал, что Служба безопасности и боевики УНСО сделают все, чтобы убрать его с политической сцены. Значит, рассуждал он, нужно обзаводиться собственной спецслужбой, которая оградит его от опасностей физического уничтожения. Но где взять настоящих профессионалов? Не выписывать же из России. Киев тут же поднимет шумиху. Нужно найти своих, крымских. Легко сказать. Некоторые из местных чекистов отказались принимать украинскую присягу ценой потери средств к существованию. Но поди проверь, из принципа кто-то отказался присягать жевто-блакитному флагу или по заданию Безпеки.

– Никому нельзя верить. Никому! – нервно жаловался Носков Яшину, расхаживая из угла в угол своей комнатухи. – Я даже стенам этим не верю. Вдруг в наше отсутствие тут кто-нибудь побывал? Не обязательно даже ключи к дверям подбирать. Можно в форточку влезть. Мне, Андрей, нужны люди, которые дадут мне возможность спокойно дышать.

– Может, тебе обратиться к адмиралу Балтину? – осторожно предложил Яшин.

– Видишь ли, – с обидой произнес Носков. – Адмирал стоит на одних со мной позициях, но ему кажется, что я недостаточно хорош для должности президента. Ладно бы держал свои мысли в тряпочке, но он позволяет себе высказываться вслух. С такой солдатской прямоотой. И люди в рас-

терянности. Они дезориентированы. Политик с пророссийской позицией начисто отвергает другого человека, с такой же позицией. Нонсенс! И ты предлагаешь мне ехать к нему и договариваться?

– Вы оба нужны друг другу и России. Кто первый из вас это скажет, тот и будет выше, – твердо сказал Яшин.

Носков молчал. Было видно, что он готов прислушаться к этим словам.

На следующий день он вдруг исчез вместе с Федуловым. О том, куда они направились, не знал никто.

Носков появился так же неожиданно следующей ночью и выглядел уже не таким мрачным. А утром представил Цуканову и Яшину двух странных мужиков. Один был верзила с рыжеватыми волосами, похожий на председателя сельсовета. Он сыпал пепел “Примы” на пиджак и не замечал своей расстегнутой ширинки. Звали его Николай Валентинович Цыганков. Другой, невысокий, шустрый, с козлиной бороденкой и цепкими глазками, похожий на чертенка из детской сказки, именовался Львом Сергеевичем Ивановым. Гражданские костюмы сидели на них кое-как, галстуки были допотопные, рубашки явно с короткими рукавами, потому что манжеты из-под рукавов пиджаков даже не выглядывали.

Оба служили в контрразведке Черноморского флота. Цыганков к тому же имел опыт хозяйственной и административной работы, и потому Носков двигал его на должность главы президентской администрации. Иванову доставалась

вторая вакансия – пост главы службы безопасности президента.

– Ты с самим Балтиным-то встречался? – спросил Яшин. Носков тонко улыбнулся.

– Встречался, но эти люди – не его люди. Я вышел на них в Севастополе по другим каналам. Зачем мне те, на которых укажет Балтин? Зачем мне окружение, которое будет работать на какого-то дядю?

Иванов понравился Носкову тем, что имел свою многочисленную агентуру не только в Крыму, но и в Киеве. Уже на другой день он принес шефу важную информацию: Безпека проводит операцию, целью которой является физическое устранение Носкова до второго тура выборов. Это было похоже на правду.

– Ну и что делать? – спросил Носков, барабаня по столу пальцами.

– Вам нельзя больше жить в вашей квартире. Один выстрел из гранатомета и...ну, вы понимаете? Погибнете не только вы...

– Где же прикажешь нам жить? – спросил Носков.

Иванов пожал плечами. Не мог предложить ничего путного и Цыганков. Сказалось то простое обстоятельство, что оба жили в Севастополе и не имели в Симферополе никаких связей. Выручил Игорь Федулов. Он обзвонил своих знакомых и доложил Носкову:

– Можно пожить в санатории “Россия”. Директор – свой

человек. Он будет счастлив оказать услугу будущему президенту.

Больше всего Носкову понравилось в этом варианте название санатория. “Россия”! Это так символично!

Глава 20

Результаты первого тура Кузьмин ощутил крайне болезненно. У старика подскочило давление. Приехал врач, сделал укол, и через пару часов Кузьмин смог обсудить с сыном создавшуюся ситуацию.

– Кажется, я проиграю, – слабым голосом говорил Федор Федорович.

Женька поправил у него под головой горку подушек.

– Наплюй на все, отец. Здоровье дороже власти. Разве не так?

Кузьмин не возражал. Он не чувствовал своего календарного возраста, но бесконечные заседания, разъезды по Крыму и полеты в Киев становились ему в тягость. Наверно, он бы не так уставал, если бы ему сопутствовал успех в хозяйственных делах. Но тут-то как раз все разваливалось. Экономика Украины трещала по всем швам. Чтобы задобрить крымчан, Киев разрешил им оставлять у себя все собранные налоги. Казалось бы, живи и в ус не дуй, но директора и предприниматели, одни от жадности, другие со страху перед завтрашним днем, переводили прибыли в черный нал, отчего налоговые сборы становились все меньше. Денег в бюджете давно уже не хватало даже на детские пособия и пенсии. Думая сейчас об этом, Кузьмин чувствовал легкое злорадство. Он был уверен, что Носков зашьется, не выправит положение.

ние. Но эта мысль служила слабым утешением. Ну, полетит Носков и что с того? На его место придет другой. Кто угодно придет, только не он, Кузьмин. Его время, похоже, ушло навсегда.

– Богатые, Женя, за все выкладывают денежки. За свою безопасность. За то, чтобы умножить капитал. А богатые при власти все получают даром. Еще вчера генерал Валебный в рот мне смотрел, глазами ел, а сегодня даже не звонит, не спрашивает, какие будут указания. А предсовмина позвонил больше для проформы. По голосу чую: крест на мне поставил. Человек, лишенный власти, становится смертельно одиноким в прямом смысле этого слова. Поэтому, если есть хотя бы малейшая возможность отыграть власть обратно, нужно это сделать. Только теперь будем ставить не на меня, а на тебя, сын.

– Отец, я не политик и никогда им не стану, – сказал Зуев. – Я просто не имею на это права...

– Почему? – воскликнул Кузьмин.

– Отец, подожди, не перебивай меня, – продолжал Женька. – Я тебе врал. Не было у меня в Европе никакого бизнеса. Я занимался другими делами. Так уж получилось. Ничего другого я делать не умел и не хотел. За мной тянется хвост. Единственное, что я могу сделать – это помочь тебе и твоим людям заменить этого уродя Носкова. Но я не уверен, что твой человек не окажется таким же уродом, если не хуже. Я очень невысокого мнения о политиках, ты уж прости. Я во-

обще не понимаю, зачем тебе очередная драка за власть.

– Я знаю, чем ты занимался в Югославии, – сказал Кузьмин. – Почему ты этого стыдишься? Ты герой, я тобой горжусь. Я всем рассказываю, за что ты воевал. Все в восторге от тебя. Взять в руки оружие и воевать, рисковать своей жизнью – на это не всякий способен. Может, ты воевал за деньги?

Зуев усмехнулся. Аркан не раз предлагал ему большие деньги. Но он даже слышать не хотел, ему была противна сама мысль, что он превратится в обыкновенного наемника. В душе он был романтиком, но стыдился этого, боялся выглядеть смешным.

На прощанье Аркан сказал ему в аэропорту Белграда:

– Женька, один твой звонок, и я пришлю тебе с курьером любые деньги. Скажешь “пришли миллион долларов”, пришлю миллион.

Они были друг другу как братья и расстались братьями. Этого бы не было, если бы он воевал за деньги.

Зуев внимательно посмотрел на отца и спросил:

– Ты считаешь Крым страной?

Кузьмин почесал в голове. Его глаза повеселели.

– Очень точный вопрос. Ну, вот видишь. А говоришь, не политик. Никому бы не ответил прямо, а тебе скажу: да, в сегодняшних условиях Крым может постепенно набрать тенденцию превращения широкомасштабной автономии в самостоятельное государство. Может, тебе сказать, зачем это нужно? Ведь есть Украина, есть Россия...

– Не надо объяснять, – сказал Зуев. – И так ясно.

– А что тебе ясно?

– Автономию Крыма Украина будет терпеть только до поры до времени, а потом начнет стирать все русское. Так происходит в Югославии, в Турции... Только Россия может спокойно относиться к чьей-то национальной культуре. Единственный путь избежать этого насилия – расширять права автономии. А расширять можно до полной независимости. Если не дэ-юре, то дэ-факто. Кравчук должен очень бояться, как бы ему не устроили в Крыму вторую Чечню. Знаешь, отец, что мне не нравится. То, что сюда лезут все, кому не лень. Я – русский, но считаю, что русским москвичам не хрена делать в Крыму. Понятно, тут Клондайк, но это наш Клондайк. Только наш и больше ничей. Вот за это, я думаю, можно подраться.

– Не теряй из поля зрения дружка своего, Максима, – сказал Кузьмин. – Мне Валебный шепнул, мол, этот Брагин заявил недавно, что скоро будет первым в Крыму. Что он имел в виду? Мог просто так сбрехнуть? Тебе эта выходка у избирательного участка ни о чем не говорит?

Зуев уже думал об этом. Похоже, Брагин не просто сводит счеты с Носковым. Не просто хочет показать всем крымчанам, кто на полуострове хозяин. Тут что-то еще.

– Вы сохранили отношения? – спросил Кузьмин. – Как тебя встретил Максим?

– Он всегда старался встать надо мной, – честно сказал

Женька.

У него не выходило из головы и то, что Максим проделал накануне выборов с кондитерской фабрикой. Об этом случае говорил весь Крым. Журналисты постарались, расписали во всех деталях. А ведь бандитский наезд тоже, пожалуй, преследовал не одну только цель взять за человека бабки. Многие крымчане говорили теперь журналистам, что веры в Кузьмина у них больше нет. Получается, что Максим сработал в пользу Носкова. Неужели просто так, нечаянно?

– Не знаю, какие у вас отношения, – сказал Кузьмин, – но я бы на твоём месте наплевал на свое самолюбие. Надо встречаться, общаться. Надо строить из себя простака. А в решающий момент показать, что ты тоже не лыком шит. Ради такого сладкого момента чего не поиграть?

В тот же вечер Зуев снова пошел в массажный салон. По правде сказать, его привело туда не только задание отца. “А вдруг Ритка просто так, на пакость, отдала Женю кому-нибудь еще?” – думал он. От этой мысли его бросало в жар.

– Дома твоя лолитка, – успокоила Журавская.

На лице Зуева отразилось удовлетворение. Ритка рассмеялась.

– Елки-палки лес густой, уж не влюбились ли мы?

– Как повидаться с Максом? – спросил Зуев.

– У тебя дело или просто так?

– Мы даже не посидели. Хочу отметить возвращение.

– Макс больше не пьет. Мы теперь колемся. Самый корот-

кий путь к положительным эмоциям, – с грустью сообщила Ритка.

– Почему “мы”?” Ты – тоже колешься? – удивился Зуев.

Ритка громко расхохоталась. И тут же стала очень серьезной.

– Вы ж, мужики – как дети. А мать о своем ребенке как говорит? “Мы”. Иди в спортзал. Макс сейчас там. У него пока здоровья на все хватает.

Спортзал был рядом с массажным салоном. Брагин занимался со своими ребятами карате. Зуев остановился в дверях. Заметив его, Максим вошел в раж и перешел на контактный бой. Спарринг-партнеры валились от его ударов, как снопы. Поддавались.

– Ты мне еще друг? – громко спросил Максим.

– Без вопросов! – отозвался Женька.

– Настоящий друг тот, кто навестит тебя даже в тюрьме, – бросил со смешком Брагин.

Он прозрачно намекал на то, что Зуев после своего бегства не поддерживал с ним никакой связи, даже письма в колонию не прислал. Видно, это пекло Максима, и он отметал в своем сознании любые оправдания.

– Купил себе вертолет?

– Нет пока, – ответил Зуев.

– Купишь?

– Обязательно. Мечты должны сбываться.

– Это правильно: наши мечты должны сбываться. Знаешь,

о чем я мечтаю, Пискаля? Посворачивать всем рога и навести порядок. Чтобы было тихо и спокойно. Наш общий друг Носков прав: с преступностью надо покончить за два месяца, максимум за три. Думаешь, шучу? Нет, Пискаля, такими вещами не шутят.

Говоря эти слова, Максим скреб ногтями спину и под мышками. “Это у него, бедолаги, на нервной почве”, – подумал Зуев.

– Поехали ко мне, – предложил Брагин.

У въезда во его владения красовалась металлическая табличка с надписью “Здесь ломают позвоночники”. Вдоль глухого бетонного забора было натянуто с виду безобидное проволочное ограждение. На самом деле эта штука под шаловливым названием “Егоза”, стоило за нее зацепиться, впивалась в кожу человека тысячами рыболовных крючков.

Металлические ворота с электроприводом с легким скрежетом раскрылись. Стоявший возле будки человек в милицмейской форме отдал честь.

Особняк Брагина был похож на средневековый замок. Узкие окна, стекла с синеватым отливом, наверняка пуленепробиваемые. Но они проехали мимо дома, сразу к стрельбищу. Там их встретили опять-таки люди в милицмейской форме. “Похоже, это не маскарад, менты настоящие, – подумал Зуев. – Давит Макс на психику, показывает, что милиция у него в кармане”.

– Из чего стрелять будем? – спросил Брагин.

Женька пожал плечами. Ему было все равно. Точнее, ему совсем не по душе была эта забава. Ну, сколько можно? Он от этого сбежал, до того осточертело.

Брагин кинул автомат старому другу. Зуев поймал с тем небрежным шиком, который отличает людей повоевавших.

Они подошли к огневому рубежу. До мишеней было сто метров.

– Стоя? – спросил Максим.

– Мне все равно, – бросил Женька.

– Давай первым, – сказал Брагин.

– Может, ты?

– Давай! – приказал Брагин.

Зуев выпустил длинную очередь, не поднимая автомата до уровня плеча, от пояса. Даже на таком расстоянии была видна полоса, горизонтально перерезавшая голову мишени пополам. Вторая, более короткая очередь заставила мишень упасть.

Продолжать состязание не было смысла. Максим стрелял хорошо, но такой фокус был ему не по зубам.

Охранники принесли пластиковый стол, два стула, несколько бутылок пива и бокалы. Брагин и Зуев расположились за столом.

– Как тебя там звали? Братушкой? – спросил Максим.

– Как зовут, так и звали, Женькой, – сказал Зуев. – Это почти по— сербски.

– Они действительно нас любят? Я думаю, вся их любовь

к русским – фуфло, – сказал Брагин.

Зуев пожал плечами.

– Мы их мало знаем, они нас мало знают. Какая тут может быть любовь? Одна легенда. Нас, когда приспичит, кто только не любит.

Максим настороженно вслушивался в каждое слово Женьки. Даже голову склонил по привычке, слегка набок, совсем как хищная птица.

Зуев взгляделся в лицо друга. Изменился: глаза стали сухие, красноватые, видно, от плохого сна. Но щурит их, как и раньше, высокомерно и презрительно. Кожа красноватая, не иначе, как давление уже скачет, рановато для 29 лет. И щеки уже малость отвисли, наметились брыльки. Это от обильной жратвы. Но главное, что отметил про себя Зуев – лицо Брагина стало еще неподвижней.

– Макс, а помнишь, как я пел в пионерском хоре, а ты играл на дудочке в оркестре? – неожиданно спросил Зуев.

Брагин поднял на него злые глаза, В его взгляде читалось: мол, как ты смеешь припоминать мне такое?

Зуев помрачнел:

– Макс, ну какого хрена ты дона Корлеоне со мной корчишь? Давай выложи, что против меня имеешь, чтобы не было неясностей. Или уж давай разбежимся по нулям.

– По нулям не получится, – отрезал Брагин. – Я тут первый, и другого первого не будет.

Зуев улыбнулся, пытаясь вызвать у старого друга ответ-

ную улыбку, но Максиму словно скулы свело. Тогда и Женька стал таким же мрачным.

– Знаешь, Макс, – сказал он, – Есть такое старое правило: равный над равным права не имеет.

Брагин удивленно поднял брови.

– Кто равный? Ты? Ты мне равный?

– Слушай, Макс, – сдерживая раздражение, заговорил Зуев, – Что ты меня макаешь? В чем твои претензии? То, что я смылся из страны, а ты отбивал? Может, мне надо было явиться с повинной? Тебе было бы легче? Или моя вина в том, что я ни разу тебе не написал, не прислал денег? Это признаю. Жизнь закрутила, прости. Но не смотри ты на меня, как враг. Отец мой тебе, может, и враг, но не я. Ты мой старый друг, и это для меня – святое. Деньги для меня – тьфу, не главное. И для отца деньги – не главное.

– А что для него главное? – спросил Брагин.

– Наверное, власть.

– А для тебя?

– Не знаю, пока не знаю. С меня хватает, что я от Интерпола ушел.

– А что, могут за жопу взять? Есть основания?

Зуев ничего не ответил. Он помолчал и спросил:

– Так мы снова друзья или как?

– Дружбы нет, есть интересы, – сказал Брагин. – А наши интересы не совпадают. Хотя... У нас есть общий враг.

– Ты хочешь его уничтожить? – спросил Зуев.

– Зачем? Просто я хочу, чтобы он работал на меня. И ты мне будешь в этом помогать.

– Ты его не сломаешь, Макс.

– Человека меняет только страх. Я нагоню на него жути.

– Макс, Носков не дурак, если он двинул во власть, значит, все просчитал.

– Что просчитал?

– Что стать у власти – это стать у могилы. Он тебе не поддается.

– Ну, вот видишь, как с тобой дружить? – процедил Брагин.

– А кто тебе еще скажет правду?

– А на хрена мне твоя правда? – повысил голос Брагин.

– Тогда на хрена ты меня привез сюда?

Брагин усмехнулся:

– Вот я и думаю: на хрена?

“Пора сваливать, – подумал Зуев. – Разговора не получится, и прежних отношений уже не вернешь”.

Зазвонил мобильник, Брагин поднес трубу к уху, ему что-то сказали.

К ним подошел молодой парень с внешностью банковского служащего и начал докладывать, что все идет нормально, только какой-то козел не хочет признавать его за зятя.

– Продолжай работу, – сухо бросил Максим.

– У меня на нее не стоит, – сказал парень. Это был Денис Гаврин.

Брагин усмехнулся:

– Что, такая страшная, что ли?

– Как третья мировая.

– Всем трудно, – Максим усмехнулся, – купи виагры и работай!

Кивком головы он отпустил Гаврина и продолжил разговор:

– А стать у богатства – разве не стать у могилы?

“Так и есть, трясется за свою жизнь. И, наверно, не без оснований, – подумал Женька. – А если так, то можно понять, что ему нужно от меня. Тогда к чему этот гонор? Или это всего лишь маска?”

– Макс, – сказал Зуев, – клянусь нашей дружбой, я не сделаю тебе ничего плохого, а если в чем-то смогу помочь, ты всегда можешь на меня рассчитывать. Но и ты, прошу тебя, веди себя так же. Тогда мы нигде не столкнемся. Нет такого вопроса, по которому нельзя договориться. Надо только уметь в чем-то уступать друг другу и не думать, что при этом мы роняем себя. Если мы столкнемся, мы убьем друг друга. Убив меня физически, ты убьешь себя морально. Потому, что наши отношения – единственное святое, что еще осталось в нашей жизни.

Брагин выслушал с напряженным вниманием и спросил:

– На каком языке ты там говорил?

– В основном на сербском. Немного на английском, французском, немецком. Мы объехали с моим другом Арканом

всю Европу.

– Ты колесил по Европе, а я сидел на строгаче в Микуни.

Зуев ответил мягко:

– Мы с Арканом тоже сидели: в Швеции, в Голландии, в Германии.

Взгляд Брагина немного смягчился, стал уважительным.

– Ты стал совсем другим.

– Да, Пискли больше нет, – сказал Зуев.

Глава 21

Максим зря считал Женьку человеком, которому с помощью папаши все сходит с рук. От суда Кузьмин сына действительно спас, а потом помог выехать в Италию – это точно. Но дальше Женька выкручивался исключительно благодаря собственным способностям. Хотя в определенной степени судьба сама пошла ему навстречу. В Милане он познакомился в одном из баров с Желько Ражнятовичем по кличке Аркан. Они посмотрели друг на друга и остолбенели: их сходство было поразительным. Единственное, что их различало – возраст. Желько был на восемь лет старше.

Дружки Аркана пришли в неопиcуемый восторг: благодаря такому двойнику можно проворачивать фантастические дела. Вскоре Ражнятович загредел за дерзкое ограбление универмага. По совокупности других совершенных преступлений ему грозил срок не меньше десяти лет. И тогда дружки разработали целую операцию. Подкупили охранников, инсценировали в коридоре суда скандал, и Зуев подменил собой Аркана. За этот жертвенный акт ему, конечно, пришлось посидеть самому, но, в общем-то, сущий пустяк – всего полгода. За подмену ему хотели припаять срок побольше, но адвокаты отстояли. Аркан сбежал в Швецию. Там они и встретились, когда Женька отбыл свой срок. Там и начались их гастроли по всей Европе.

Их вооруженные ограбления магазинов и банков журналисты расписывали во всех красках, как романтические похождения Робин Гудов, что, впрочем, было недалеко от истины. Даже потерпевшие не могли упрекнуть их в чрезмерной алчности или вопиющей жестокости. Ребята знали меру и не переходили границ. Отчасти это объяснялось их происхождением. Отец у Аркана тоже был шишкой – генералом Югославской армии.

Аркан и Зуев придерживались здорового образа жизни: не пили, не курили, не употребляли наркотики. Единственное излишество, которое себе позволяли, были красивые женщины. А их излюбленной забавой были розыгрыши, когда один подменял в постели другого. “Я был озорным молодым человеком”, – скажет позже в одном из интервью Аркан. То же самое мог бы сказать о себе и Зуев, но он не общался с журналистами, скромно держался в тени, охраняя жизнь своего сербского друга как от врагов, так впоследствии и от бывших друзей.

Аппетиты их банды росли, ограбления становились все более дерзкими, с магазинов гангстеры переключились на банки. Но Аркан был вынужден отдавать больше половины добычи каким-то высоким покровителям, снабжавшим их безупречно выправленными документами. Этот таинственный дележ некоторым ребятам Аркана на понравился. Начались конфликты, которые переросли в смертельную вражду. Бывших своих сообщников Аркан и его охрана боялись

больше, чем полиции.

В 1987 году благодаря предательству своих Желько и Зуев были схвачены за ограбление банка в Швеции и получили по десять лет. Но через четыре года подкупили надзирателей и сбежали, преодолев шестиметровую стену. На их поиски были брошены лучшие силы полиции Европы и Интерпола. Но они благополучно преодолели восемь границ и нашли убежище в Югославии.

Шел 1991 год, после смерти Тито страна разваливалась на куски. Сербы пытались сохранить статус государство образующей нации. Другим народам, населяющим Югославию, это не понравилось. И началась гражданская война. В Аркане неожиданно взыграли националистические чувства. Он надел военную форму, повесил на грудь огромный православный крест и довольно быстро сколотил военизированную группировку, назвав ее вначале пафосно “Сербской добровольческой гвардией”, а потом попроще – “тиграми”

Очень скоро тех, кто хотел бы видеть главаря “гвардии” мертвым, стало намного больше тех, кто хотел бы с ним позавтракать. Аркан и его боевики перебили кучу усташей и четников, албанцы называли “тигров” не иначе, как бешеными псами. Они сеяли страх не только среди врагов, но и среди отказывавших им в поддержке “несознательных сербов”. Начав как защитники поправленных прав соотечественников, они быстро превратились в самых настоящих мародеров, грабя банки, магазины. А Аркан стал со временем вла-

дельцем сети казино, кондитерских, пекарен, импортировал нефть, занимался продажей сигарет и удобрений, опираясь в основном не на собственную деловую хватку, а на военную силу и свои связи в государственном аппарате Сербии.

Справедливости ради нужно сказать, что группировка Аркана была не единственной в своем роде. Уже на первом году гражданской войны журналисты стали задаваться вопросом: кто больше контролирует сербский режим: официальная власть или военизированные формирования с уголовным уклоном? Аналитики окончательно склонились ко второму варианту, когда на одной из фотографий увидели за спиной Милошевича улыбающегося Ражнятовича.

Дело дошло до того, что руководитель американской дипломатии на международной конференции по Югославии Лоренс Иглбергер, ссылаясь на информацию ЦРУ, обвинил Аркана и его формирование в этнических чистках и массовых убийствах, указывая конкретные цифры: в одном только городе Брчко вырезано 3 тысячи мирных жителей.

Зуев понял, что пора, пока не поздно, уносить ноги. Это решение окрепло после, казалось бы, незначительного скандала. Увидев на шее жены Аркана, певицы Цецы, ожерелье, одна из зрительниц потребовала его вернуть, утверждая, что эта вещь исчезла из ее квартиры после налета боевиков ее муженька. Вроде бы, мелочь по нынешним временам, но Зуев ощутил, что у Аркана земля горит под ногами, а значит несдобровать и ему.

Глава 22

Переезд Носковых в санаторий “Россия” был проведен глубокой ночью и со всеми предосторожностями. Яшину раньше приходилось наблюдать несуетливых сотрудников “девятки”. Поэтому он с улыбкой наблюдал, как Федулов вживается в роль главного президентского охранника, вертит головой по сторонам, держа руку под мышкой, где прячет ствол.

Ехали на трех машинах. Яшин был в первой и, сидя рядом с Федуловым, слушал его разглагольствования.

– Наша машина называется таран, – с важным видом объяснял Федулов. – В случае чего принимает удар на себя. Вторая за нами машина, где едут мои ребята, это – живец. Все думают, что важная персона там. На самом деле Олег Степанович – в последней машине.

У санатория уже поджидали какие-то люди. Они открыли ворота, причем с таким подобострастным видом, что Яшин не удержался и сказал “н-да”. Федулов принял междометие, как комплимент и подтвердил.

– Вышколенные ребятки.

Крыло санатория, отданное Носковым, было похоже на дворец. Широкие лестничные марши, огромные комнаты, высокие потолки с большими люстрами, шикарная мебель.

– Классно, – то и дело повторяла Лариса.

А Галина делала вид, что безразлична к роскоши.

В одной из комнат был накрыт стол персон на двадцать, уставленный деликатесами. Неприхотливый в еде Носков пожевал какие-то салаты и увлек Яшина в кабинет. Надо было закончить прерванный разговор.

– На чем мы остановились? – сев в кресло, спросил Носков, делая вид, что не помнит. На самом деле из его памяти не выпадала никакая мелочь.

Яшин повторил вопрос:

– Олег, я спросил, как ты будешь выполнять предвыборные обещания. Ну, переведешь стрелки на московское время. Нет ничего легче. А референдум о двойном статусе Крыма и двойном гражданстве? А ликвидация в течение двух-трех месяцев оргпреступности? Какими силами ты это сделаешь, если милиция – в руках Валебного, а Валебный подчиняется напрямую Киеву?

Носков усмехнулся какой-то своей мысли.

– Андрей, я отлично понимаю, что избиратель голосует не столько за политика, сколько за его лозунги. Я знаю также, что в политике важны не намерения, а результаты. Не поверишь, я уже думаю, что удастся сделать за первые сто дней, а что не удастся. Так вот... Я сделаю борьбу с преступностью публичной. И народ будет сам делать выводы: что делается и что не делается. Если Валебный будет ставить мне палки в колеса, а Киев – смотреть на это сквозь пальцы, крымчане скажут: ага, вот кто мешает покончить с бандитами! Борьба

с преступностью всегда была делом политическим. В Крыму она будет политической втройне. Если Киев будет мне мешать, мы просто изменим конституцию Крыма. Переведем министерство внутренних дел в прямое подчинение либо Верховному Совету Крыма, либо, что всего вероятней, мне как президенту.

Яшин мысленно соглашался с Носковым. Он был рад, что между ними устанавливаются доверительные, товарищеские отношения. Сама судьба дарила ему случай поработать рядом с человеком, который может в чем-то пойти впереди других политиков стран СНГ. И неважно, что Крым – всего лишь автономия. Главное – масштаб и потенциал руководителя.

Вошел глава службы безопасности Лев Сергеевич Иванов, склонился к уху Носкова.

– Говори вслух, у меня от Андрея Васильевича секретов нет.

Иванов сказал полусшепотом:

– Но мы еще не осмотрели помещение.

Носков включил транзистор. В комнату ворвалась английская речь. И на этом фоне Иванов начал доклад:

– Позвольте озвучить срочное сообщение моего человека из Киева. Он уточняет информацию о планируемом на вас покушении. Это должно произойти прямо на телецентре, после ваших дебатов с Кузьминым перед вторым туром.

Несколько секунд Носков раздумывал. Потом сказал:

– Вы обеспечите мне безопасность?

– Силами охраны Федулова – едва ли.

– Что же мне делать?

– Отказаться от дебатов.

Носков сделал отметающий жест рукой.

– Об этом не может быть и речи. Запомните на будущее, подполковник. Вы не должны давать мне советы, которые могут привести к падению моей репутации.

– Но существует реальная угроза вашей жизни! – тихо воскликнул Иванов.

– Да черт с ней, этой угрозой. Как вы это себе представляете? Кузьмин приходит на дебаты, а я где-то отсиживаюсь? Это разрушение имиджа, политическое самоубийство. Неужели вы это не понимаете?

– Видимо, мне нужно привыкнуть как-то иначе мыслить, – пробормотал Иванов.

– Хорошо, что вы хоть это понимаете, – отрезал Носков. – Итак, я пойду на теледебаты, и вы будете рядом со мной.

– Естественно, я буду рядом с вами, но...

– Что “но”?

– Я уже сказал: силами существующей охраны полностью обеспечить вашу безопасность невозможно.

Иванов сделал движение шеей, как человек, который потеет сразу всем телом. Другой бы на его месте вынул носовой платок и вытер бы пот со лба. Но сказывалась привычка: подполковник, хотя и был не в мундире, не мог себе этого

позволить.

– Насколько надежен ваш источник? – мрачно спросил Носков. – Можно ли вообще ему верить? Я могу согласиться, что меня хотят грохнуть. Но чтобы прямо на телецентре... Спецслужбы работают по-тихому, а тут какой-то цирк намечается.

– Источник сообщает, что в Безпеке используют фактор вашей конфронтацией с крымским криминалитетом. Хотят свалить это покушение на уголовников.

– А уголовники? Какой фактор используют они? Фактор моей конфронтации с Киевом?

– Вероятно, так.

– Что значит, вероятно? Вы знаете, что замышляет Безпека, но ничего не знаете о замыслах криминалитета?

– Пока нет, – честно ответил Иванов.

Яшину стало жаль его. Человек работает без году неделя. И, вероятно, не имел раньше никакого касательства с уголовным миром. Откуда ему черпать нужную информацию? Этого не мог не понимать Носков. Тогда какого лешего катит бочку? Срывает раздражение? Неужели боится? Бесстрашный Носков боится покушения? А почему нет, если до власти всего один шаг?

– Давайте сюда Федулова, – приказал Носков.

Иванов вышел и тут же вернулся с Федуловым. Казалось, тот стоял под дверью и только ждал, когда его позовут. В руках у него был какой-то сверток.

– Что это? – спросил Носков.

Федулов развернул сверток.

– Бронежилет скрытого ношения, Олег Степаныч. По нашему, броник. Вес всего полтора килограмма. Спасает от Макарова. Хотите примерить?

Носков даже не прикоснулся к бронежилету.

– А от автомата закроет?

– Нет, от автомата может закрыть только 10-килограммовый жилет.

– А от тэтэшника?

Федулов вздохнул.

– У тэтэшника другой тип пули.

– Ну и зачем ты мне его приволок? – неожиданно взвился Носков. – Где ты вообще его взял? Он же, наверно, немалых денег стоит? – Он оглядел поочередно Иванова и Федулова и продолжал их распекать. – Вы, ребята, просто детский сад. Так невозможно работать. Мне не бронежилеты нужны. Они не спасут от серьезной акции. Мне нужна информация: где, когда, какими силами меня хотят грохнуть? Игорь, у тебя ж прорва информаторов и среди “синих” и среди новых русских. Я не велю тебе передавать свою агентуру Льву Сергеевичу. Но ты можешь хотя бы узнать, кто меня заказал из уголовников?

– А я сейчас знаю, – невозмутимо ответил Федулов. – Никто. Никто вас не заказывал. Головой ручаюсь.

Носков был доволен ответом. Он верил Федулову и любил

определенность. Если уголовники отпадали, оставалась одна Безпека или боевики УНСО, что, в общем-то, как он считал, почти одно и то же, поскольку все власть предержавшие в Киеве соревнуются в национализме.

– Делись со Львом Сергеевичем информацией, выполняй его просьбы, одно дело делаете, – мягко сказал Носков, обращаясь к Федулову. И перевел взгляд на Иванова. – Сядьте и обсудите вместе, как лучше перекрыть телецентр во время дебатов. Если не хватит сил, я обращусь к адмиралу Балтину, он пришлет морячков. Работайте! Все можете идти. Мне надо голоса послушать.

Носков взял в руки транзисторный приемник. Ему хотелось узнать, что о нем говорят западные радиостанции.

* синие – татуированные уголовники – авт.

Иванов тут же исчез по своим делам. Из своей комнаты вышла Галина и зазвала мужчин к себе, ей не терпелось что-то обсудить. Жена Носкова была в черной юбке, черной блузке и белой рубашке. “Ну, прямо как американская надзирательница”, – подумал Яшин.

В просторной комнате, куда пригласили Яшина и Федулова, находилась Лариса и молодой человек интеллигентного вида в модном малиновом пиджаке.

– Денис Гаврин, – представился он.

У него был прямой честный взгляд и хорошие манеры. Он не сел в кресло, пока не сели остальные и смотрел почтительно, без малейшей спеси.

– Мы обсуждаем процедуру инаугурации, – сказала Галина, глядя на Яшина. – Вы должны нам помочь. Как вам мой наряд? Подойдет?

Яшин покачал головой.

– Ни в коем случае. Ведь на инаугурации наверняка будут иностранцы и вообще... – он замялся.

– Что вообще? – с легким раздражением спросила Галина.

– Я думаю, вам будет больше к лицу другой костюм.

– А чем вам не нравится этот?

– По-моему, маме очень идет, – вставила Лариса.

– Может быть, вам кажется, что мы занялись этим слишком преждевременно? – спросила Галина.

– Нет, я согласен, – ответил Яшин, – не стоит откладывать приготовления на последний момент. Тем более что сейчас такое время. Не так-то просто купить хорошие вещи. Я не против фасона. Он не старомоден и не экстравагантен. Нормальный фасон. Все дело в цвете. Какого цвета костюм будет у Олега Степановича?

– Скорее всего, серый.

– Отлично! В таком случае, ваш наряд должен быть темно-зеленым или светло-коричневым.

Лариса вытаращилась на мать:

– Мама, чур, я буду в зеленом!

“Боюсь, тебя не улучшит никакой наряд”, – подумал Яшин, глядя то на Ларису, то на Дениса и пытаясь понять, на какой почве могла возникнуть связь сумасбродной и некази-

стой дочки будущего президента с красивым новым русским.

Ему стала скучна и даже противна эта суета. Захотелось уйти в свою комнату и посидеть у телевизора. Но он понимал, что это будет расценено именно так как есть: что ему скучно. И этого ему не простят. И он сидел еще не меньше часа, слушая пустую болтовню.

Потом он все же нашел повод уйти. В коридоре ему встретится странный парень, из команды охранников, с татуировкой на всю тыльную сторону ладони и синими перстнями на всех пальцах. Парень был, без сомнения, судимый и отсидевший срок.

Неожиданно дверь в конце коридора бесшумно открылась. Показалась старушка, Яшин сразу узнал ее: это была Клавдия Ивановна Лаврова. Она сделала знак рукой, приглашая войти. Это было ее служебное помещение. Здесь хранилось постельное белье, посуда и другие хозяйственные принадлежности.

– Я ночью здесь иногда, когда задержусь и не успеваю на троллейбус, – прошептала Лаврова. – Но знаете, здесь так страшно. Эти люди... Они не кажутся вам странными?

– Кажутся, – отозвался Яшин.

– А Олегу Петровичу? Ну, да, ведь он у нас бесстрашный. Или он этого не видит? Может, подсказать ему?

– Зачем? – многозначительно спросил Яшин. – Он не может этого не видеть.

– О, господи! – старушка перекрестилась.

Глава 23

Центральный офис Брагина находился рядом с массажным салоном, на территории бывшего детского сада. В здании был сделан евроремонт. На первом этаже оборудовали бассейн с сауной, спортивный зал и общежитие для бойцов, вынужденных иногда, во время конфликтов с другими структурами, проводить несколько суток на казарменном положении. Под зданием находился подвал для проведения внутренних расследований, а проще говоря, для допроса подозреваемых в измене.

Вывеска на массивных воротах “Охранное предприятие” не была фальшивой. Структура Брагина действительно была юридически оформлена, как охранная контора со своим штатом сотрудников, имевших право ношения огнестрельного оружия, половина из них были милиционерами, которые у Максима только подрабатывали, но получали раза в три больше, чем в милиции. Другую половину структуры составляли бандиты, и все они приходили на работу в костюмах и галстуках. Их истинную сущность выдавали только короткие стрижки, татуировки и специфические лица.

Судимый Брагин не мог официально значиться руководителем охранного предприятия. На этой должности находился Денис Гаврин, 28-летний парень с приветливым лицом, интеллигентными манерами, родом из деревни Грызло-

во Московской области, по образованию актер, по призванию мастер разводок. Поклонник романа “Крестный отец”, Максим вполне мог бы называть Дениса своим канцельери, поскольку тот проворачивал наиболее тонкие делишки.

Денис встретил босса у ворот и доложил, пока шли в офис, что дела идут нормально. Носков не щекотится, то есть ничего не подозревает.

– Но до чего ж страшна его дочка... – горестно вздохнул Денис.

– Я говорю, купи виагры, – сказал Брагин.

– Не бережете вы кадры, Максим Петрович, – Гаврин вздохнул. – К виагре тоже привыкают.

Любого другого своего сотрудника Брагин за такие слова тут же бы с землей сровнял, словами, естественно, но Денисом он дорожил и обижать не смел, зная по себе, что самое опасное свойство людей их круга – злопамятство. Обижать и тем более унижать своих – значит, самому плодить предателей, а это чаще всего смерти подобно.

В приемной офиса их ждал Сергей Фадеевич Тусуев, невысокий, плотный мужчина с внешностью латиноамериканского мачо: смуглое лицо, зализанные черные волосы, тонкие усики, зеленоватые глаза. Тусуев был самый богатый человек в республике, владелец двух универсамов, четырех пароходов, один из которых носил его имя, швейной фабрики, хлебобулочного комбината и единственного в Крыму банка, обладавшего золотым запасом,

Благодаря Тусуеву люди Брагина получали минимум 60 долларов в месяц, по крымским меркам 1994 года, немалые деньги. Но и Тусуев создал Торговый дом исключительно благодаря поддержке Брагина.

Они сели втроем за журнальным столиком в кабинете Брагина, и Сергей Фадеевич Тусуев начал доклад:

– Выделяются деньги на бесплатный проезд пенсионеров в городском транспорте...

– Сколько? – сразу поставил вопрос Максим.

– Сто миллионов карбованцев.

– Мало. Выделите двести.

Тусуев склонил голову:

– Как скажете. Но изыскать такую сумму сразу едва ли удастся.

– Поскреби по своим сусекам. Что со строительством дома для ветеранов? – спросил Брагин.

– Заканчиваем. 158 квартир к парламентским выборам будут готовы.

– А что с домом для ментов?

– 120-квартирный дом для работников правоохранительных органов заложен.

– Валебный извещен?

– Да, министр уже в курсе. Очень доволен.

– Вернемся к пенсионерам.

– Продукты старикам выделяются по сниженным ценам, – доложил Тусуев.

– Через наши магазины?

– Так точно.

– Смотрите, как бы под видом пенсионеров...

– Все знают, что с нами этот номер не пройдет, – сказал

Гаврин.

– Когда будем готовы продавать пенсионерам хлеб по сниженным ценам? – спросил Брагин.

– Готовимся, – выдохнул Тусуев.

– Не тяните. Нужно сделать это не перед самыми парламентскими выборами, а раньше. И не прекращать после выборов хотя бы месяца два. Сможем?

– Сделаем, Максим Петрович, – пообещал Тусуев, и подобострастно поинтересовался. – Ну, а вы как? Что решили? Будете выдвигаться?

Брагин переглянулся с Денисом.

– Мы еще не решили.

– Не затянуть бы с этим, Максим Петрович. Депутатская неприкосновенность вам не повредит.

– Вылезть раньше времени – тоже плохо, – сказал Гаврин. – Носков поднимет кипиш.

– Какой кипиш? – Тусуев весело оглядел своих боссов. – Все знают, кто в Крыму хозяин. А двух хозяев быть не может.

– А вот вам нужно срочно вступить в Партию независимости, – неожиданно сказал Денис.

Тусуев растерянно посмотрел на Брагина. Тот кивнул:

– Надо вступить.

– Надо поддержать Цуканова, это даст нам возможность пройти в парламент по списку партии и включить в этот список тех, на кого мы укажем, – пояснил Гаврин.

Тусуев покачал головой:

– Цуканов на это не пойдет.

– По нашим сведениям, Цуканов хочет свалить Носкова и сделать Крым парламентской республикой, в этом случае он, как спикер, становится первым лицом, – сказал Гаврин. – Ваша задача – дать ему понять, что у него есть мощная опора в вашем лице, Сергей Фадеевич.

– В нашем лице, – осторожно поправил Тусуев.

– Ни в коем случае, только в вашем, – отчеканил Денис. – В лице деловых людей Крыма.

Брагин и Гаврин подъехали к старенькому особнячку. На вывеске значилось: редакция газеты “Свободный Крым”.

– Как вас представить? – спросила секретарь.

– Скажите, приехал Брагин, – шепнул Денис.

Секретарь сделала большие глаза и исчезла за дверью. Ее не было долго, минуты три. Наконец, она появилась и молча показала, что можно войти.

Редакторша была тетка лет сорока, некрасивая, рыжеватая, с шестимесячной завивкой. Она сидела ни жива ни мертва, нервно попыхивая сигаретой. В кабинете было накурено – хоть топор вешай.

Непрошенные гости огляделись и обменялись мнениями.

– Теперь я понимаю, почему они такие ядовитые, – ска-

зал Максим. – Они бедные. Смотри, печатают на пишущих машинках, ни одного компьютера, мебель допотопная. Надо им помочь, и они станут добрее.

– Думаешь, дело только в компьютере? – спросил Денис.

– Нет, еще в зарплате. Надо поднять им зарплату.

Гаврин подошел к редакторше поближе.

– Сколько стоит ваша газета?

– Она не продается, – голос у редакторши был густой, прокуренный.

Денис подошел еще ближе.

– Все продается, тварь, кроме твоей жизни, которая ничего не стоит.

У редакторши задергался глаз, но она старалась держаться молодцом.

– Вы меня не запугаете.

– Тьфу ты, – сплюнул Денис. – Да мы у тебя за так все заберем. Сейчас вызвоню нотариусов. Приедут и за десять минут все оформят. И сколько надо будет подписей, столько и поставишь. Ну, за сколько продаешь? Последний раз спрашиваю. У тебя еще есть шанс остаться редактором. Если не так, другого поставим. Ну!

Глаза у редакторши наполнились слезами. Она хотела что-то сказать, но у нее не получалось. Брагин брезгливо поморщился. Он вроде бы привык наводить ужас. Но всякий раз это его слегка коробило. Не говоря ни слова, он вышел из кабинета.

– Ну, зачем ты его трогаешь? – укоризненно спросил Гаврин. – Он тебе мешает?

Редакторша замотала головой.

– Ну, вот видишь. Сама нарываешься. Значица, так: завтра к тебе приедут наши нотариусы, оформите договор купли-продажи. Деньги, чтобы не сомневалась, переведем тебе на банковский счет. У нас все без обмана. Останешься редактором. Но если не справишься, поставим другого. У нас требования строгие. Все поняла?

Редакторша закивала.

Денис направился к выходу. В дверях обернулся:

– Деньги ты получишь и жить будешь, но шансов остаться редактором у тебя мало.

Из редакции они поехали на центральный рынок. Это была излюбленная часть рабочего дня Брагина. Он шел по рядам, делал вид, что интересуется ценами, а на самом деле рассматривал продавщиц: не появилась ли новенькая. Если новенькой и к тому же смазливой не было, он выбирал одну из недавно опробованных и уединялся с ней в комнате отдыха директора рынка. Сам директор на это время исчезал. Страсть к этому развлечению была необъяснимой. Порадовать Максима были готовы красотки из стриптиз-клуба и даже участницы конкурса “Мисс Крым”. Но его тянуло сюда, на рынок, где за прилавками стояли в основном сельские девки. Единственным объяснением было то простое обстоятельство, что они проходили регулярный медицинский

осмотр.

Но сегодня девки Брагина не интересовали. Накануне Денис доложил ему, что директор рынка зажиливает часть выручки. Вместо тридцати процентов от выручки платит только двадцать. А это большой грех, заслуживающий немедленной и жестокой кары.

Сообразив, с чем к нему пришли его покровители, директор бросился к сейфу, вынул большой конверт с деньгами и положил его на стол перед Брагиным.

– Это то, что ты украл? – спросил Гаврин.

– Я не крал. Что вы! Как можно? Просто запомнил, – лепетал директор рынка, три его подбородка лоснились от пота.

– Сколько здесь? – спросил Денис.

– Двадцать миллионов карбованцев.

– Для бесплатного проезда пенсионеров на городском транспорте нужно сто миллионов. Внесешь – забудем твой грех. Не внесешь – поставим на рынок другого человека. Срок – до завтра, – сказал Гаврин.

– Внесу, конечно, внесу, – жарко прошептал директор.

Потом они вернулись в центральный офис и стали разбирать ситуацию в поселке Раздольном. Там совсем распоясался глава администрации района татарин Суюндуков. Не хочет считаться с параллельной властью в лице ставленника Брагина, тянет одеяло на себя, ставит на доходные места своих людей. На фоне такого самоуправства сокрытие доходов

на центральном рынке было невинной шалостью.

Структура Брагина имела филиалы практически во всех населенных пунктах Крыма, держа в своих руках до семидесяти процентов доходных мест. Но едва ли не каждый более-менее крупный филиал стремился обособиться или как минимум утаить часть доходов, и эту скверну Максим выжигал каленым железом. С главами местной официальной власти было посложнее. Многие уже нашли защиту в лице местного милицейского начальства. Ментовская “крыша” оказалась не такой алчной и жестокой, как бандитская. И в этом таилась угроза всей структуре Максима Петровича.

Вообще-то ему не мешало бы самому смотаться в Раздольное и лично встретиться с Суюндуковым. Но, пораскинув мозгами, Брагин решил, что это ни к чему. Глава района, на стороне которого не только милиция, но и татарская община, все равно не уступит. Тут требовалось другое решение.

Максим сказал Денису:

– Узнай, с кем у Суюндукова сложились неприязненные отношения.

Брагин говорил в подобных случаях юридическим языком, но Гаврин понял смысл слов так, как и следовало понимать.

– Татары могут подняться, Максим Петрович.

Брагин забарабанил пальцами по своему огромному письменному столу. Татары – это серьезно. Трогать их нельзя.

Это он понимал. Он и давать спуску тоже нельзя. Это он знал еще лучше. А значит, трогать нельзя только пока. До поры до времени.

Секретарша сказала по селектору, что приехал Федулов.

– Пусть войдет через минуту, – сказал Брагин. Ему надо было закончить разговор с Гавриным.

– Запомни, Денис, нам важно, чтобы Носков все время чувствовал себя, как на раскаленной сковородке. Чтобы он даже близко не контролировал ситуацию.

– Ну а с этим Суюндуковым – идти до упора или как?

– Не спеши, продумай каждую мелочь. И с санаторием тоже не пори горячку. Садизм-то свой придержи, а то он нам боком выходит.

Появился Федулов. Румянец во все щеки, усики словно напояженные, жвачка во рту.

– Красавец! – воскликнул Максим, сделав ударение на третьем слоге.

Он гордился, что зацепил в свое время Федулова и заставил работать на себя, будучи еще зэком.

Сразу после суда его, Брагина, отправили в Республику Коми, в одну из колонии близ поселка Микунь, на лесоповал. Там он, привыкший к теплу, чуть не пропал. В морозы его бил колотун, зуб на зуб не попадал. Не согревали ни костры на делянке, ни бензопила. Брагин пошел в отказ от работы, но в штрафном изоляторе было не лучше, чем в тайге. И тогда он забросал отца письмами.

Но отец не отвечал. Военный юрист, законник до мозга костей, он не желал помогать “этому сукиному сыну”, иначе он Максима не называл. И тогда Брагин сделал по примеру закоренелых уголовников мастырку – оттяпал себе топором кончики пальцев на левой руке. Его тут же положили в больничку. Узнав об этом, отец сжалился и выхлопотал послабление. Максима этапировали в одну из крымских колоний, где к тому времени уже работал Федулов, изгнанный из розыска за искажение отчетности по раскрытым преступлениям. Там они и снюхались.

– Докладывай, – сухо сказал Гаврин.

– А что докладывать? – Федулов пожал плечами. – Все тип-топ. Одно плохо. Требуется таскать с собой влажную тряпку, обувь ему протираю, козлу.

Глава 24

Зуев позвонил Жене. Телефон долго не отвечал. Потом послышался старушечий голос. Клавдия Ивановна сказала, что внучка на дискотеке и озабоченно поинтересовалась, кто звонит. Жизненный опыт подсказывал ей, что когда девочке звонит мужчина, хорошего в этом мало.

– Клавдия Ивановна, давайте я лучше приеду и все объясню, – сказал Зуев.

– А откуда вы знаете, как меня зовут?

– Женя сказала.

– Милицию на всякий случай вызывать не надо? – спросила Клавдия Ивановна.

Зуев рассмеялся. Смех у него был хороший. Это она мгновенно отметила.

– Не надо, лучше ставьте чай, а все, что нужно к чаю, я привезу.

Увидев его в дверях, старушка испугалась. Брови прямые, почти горизонтальные, срослись на переносице. Массивный подбородок, тонкий с горбинкой нос. Шрам через всю щеку. Глаза узковато поставлены, но с хорошим, детским выражением. И губы припухлые, сразу видно, мягкие.

Пока Зуев вынимал из пакета торт и фрукты, Клавдия Ивановна окончательно его рассмотрела и сделала вывод:

– А ведь вы не местный.

– Это плохо, – отметил Зуев, разрезая торт.

– Почему плохо?

– Потому что бросаюсь в глаза.

– А вы не хотели бы?

– Зачем? – Зуев пожал плечами. И поспешил успокоить старушку. – Я местный, Клавдия Ивановна, просто долго не был в Крыму.

– У вас лицо человека, который вернулся с войны, – сказала Лаврова, разливая по чашкам чай.

Зуев непроизвольно дотронулся до щеки. Знала бы старушка, откуда этот шрам. Война тут вовсе не при чем. Когда Аркан ехал из церкви, где состоялось его венчание с Цецей, ему вздумалось открыть пальбу. В Югославии на свадьбах ликуают точно так же, как в Чечне. Аркан сидел в армейском джипе, а он, Зуев, стоял позади. И потому не успел увернуться от пули, когда жених начал палить в воздух из своего огромного “кобре-магнума”.

– Афганистан? – спросила Лаврова.

– Славония, Восточная Босния. Короче, Югославия.

– Я так и знала, что там воевали наши, – воскликнула старушка. – Непонятно, почему мы все время стыдимся защищать своих, православных. По-моему, это святое дело.

Ее лицо зарделось и помолодело. Чувствовалось, что Зуев ей нравится.

– Вы тезка моей внучки? – спросила она.

Зуев понял, что Женя говорила о нем.

– Она хорошая девочка, – губы у старушки дрогнули, – но вы должны понимать: она еще школьница. А вам, простите, сколько?

– Двадцать девять. Что, выгляжу старше? Я долго буду жить, Клавдия Ивановна. У меня хорошая наследственность. Отцу за семьдесят, а он до сих пор работает без выходных и отпусков.

– А кто ваш отец? – спросила Лаврова.

– Отец? – замялся Зуев. – Он у меня пенсионер союзного значения.

Глава 25

Государственной собственностью Украины являлась только инфраструктура Черноморского флота. Все остальное военное имущество подлежало разделу между Россией и Украиной. Но две стороны никак не могли прийти к соглашению о пропорциях дележа, и прохиндеи в погонах пользовались моментом. Некоторые их манипуляции Службе безопасности удавалось отследить. Два раза в неделю Дзюба приносил Лисовскому последнюю информацию.

– Пан полковник, – докладывал сегодня Дзюба, – можно подвести итоги истекших трех месяцев. За это время на Северный флот были тайно перебазированы корабль “Ямал”, экспериментальная подводная лодка БС-555, а также подлодка “Варшавянка”.

– Насколько все-таки точны эти сведения? – спросил Лисовский.

– Часть информации мы получаем от наших людей из числа военнослужащих российского Черноморского флота, часть – от самого адмирала Балтина и его замов.

– Вы завербовали русских адмиралов? – усмехнулся Лисовский.

– Вы забыли, пан полковник. По вашему распоряжению в их кабинетах установлены подслушивающие устройства.

– Ничего я не забыл. Я просто не думаю, что они такие ло-

пухи. Наверно, только делают вид, что не видят ваших жучков.

– Они просто обнаглели, пан полковник. Воруют украинское имущество почему зря.

– Факты?

– Фактов – море. Вот только некоторые. – Дзюба открыл какую-то справку и начал читать. – Коммерческим структурам передается оборудование радиотехнических постов с острова Змеиный, с косы Тендровской, с базы в Балаклаве, из 116-й бригады речных кораблей в Измаиле, с аэродрома Гвардейский. И все это делается не без ведома адмирала Балтина. Многие документы подписываются начальником тыла авиации флота генерал-майором Шевченко. А журналисты создают дымовую завесу. Мол, флот распродает не командование, а офицеры на местах.

– Все это мелочевка. Давайте о более кричащих фактах, – бросил Лисовский.

Дзюба продолжал:

– Как бы на металлолом проданы два тяжелых крейсера-вертолетоносца, причем от продажи одного из них, крейсера “Ленинград”, деньги уведены от бюджета полностью. Посредническая фирма испарилась с миллионами долларов. Дошло до того, что неизвестный пока покупатель через фирму “Лела” пытается приобрести, опять-таки за бесценок, запасной командный пункт Черноморского флота. Это настоящий подземный город, который в случае войны должен был

стать боевым штабом флота.

– А вот это любопытно, – пробормотал Лисовский. – Найдите этого покупателя. Неплохо бы спросить, что он собирается там делать.

– Там около 20 незаконченных строений на площади в 100 гектаров, – пояснил Дзюба. – Говорят, покупатель хочет разместить производство по выпуску коньяка и пива. Но это может быть только прикрытие. Я бы соединил этот факт с другой, не менее интересной информацией. По некоторым сведениям, в Крым направляется пароход с автоматными патронами.

– В какой порт?

– Пока не ясно.

– А откуда следует?

– Маршрут движения уточняется. Но по первоначальным сведениям – с черноморского побережья Кавказа.

– Отслеживайте все порты Крыма, – приказал Лисовский. – Спасибо, пан подполковник, хорошо работаете. – А что произошло с Оксаной Балтиной? Узнали подоплеку?

Накануне на служебный автомобиль, в котором ехала жена адмирала Оксана, было совершено нападение. Неизвестный разбил стекло машины и угрожал женщине, что в ближайшие дни она будет убита.

– Командование флота делает вид, что ничего страшного не произошло. В милицию Балтины не заявляли, вывезти семью из Севастополя адмирал не собирается, – доло-

жил Дзюба.

– Может, это наши западэнцы похулиганили? – Лисовский улыбнулся.

– Все может быть, – ответил Дзюба. – Но мы не должны исключать, что это выходка коммерческих партнеров адмирала. Может, кому-то не угодил? До него самого непросто добраться, жена – доступнее.

– До чего докатилось русское офицерство, – вздохнул Лисовский. – Хотя... зам Балтина Шевченко разве русский?

Глава 26

Последние дни Носкова как магнитом тянуло к Алле. Он не то, чтобы соскучился. Предвыборная гонка выматывала до последней степени, не оставляя сил на постельные радости. Мучила безотчетная тревога: последний раз Алла как-то странно себя вела: не пила вина, плохо ела, сидела бледная. Вдруг, заболела? А он даже не спросил о самочувствии: какая сволочь!

Носков привык относиться к Алле небрежно, почти наплевательски, зная, что она все стерпит, все простит. Но тут, кажется, перешел все границы. Она так поддерживала его последние годы, когда он, перестав ходить в заграничье, работал в адвокатуре. На этой стезе он был просто никакой. Работа его не увлекала, начальство это видело и постоянно лишало премиальных. А жизнь на одну зарплату – разве жизнь? Алла покупала ему одежду, обувь хотя сама зарабатывала немного. Ради Олега она была готова на любые лишения. Когда он пообещал разойтись с Галиной, она тут же, не раздумывая, развелась с мужем. А когда он все же не решился оставить свою благоверную, терпеливо ждала, когда он созреет для такого шага.

Носков не умел любить просто так. Ему нужно было основание. Сначала Алла покорила его свежестью тела, физиология всегда имела для него решающее значение. А потом, ко-

гда они стали где-то вместе бывать, он заметил, что она умеет поддерживать общий разговор, не говорит глупостей, не кокетничает с его друзьями, и все ему завидуют. Последнее обстоятельство было едва ли не главным – как все сильные, но не очень красивые мужчины, он был болезненно тщеславен. Это тщеславие и привело его к браку с красавицей Галиной. Но жена оказалась слишком практичной, слишком любящей быт, а он был человеком общественным.

...Носков попросил Федулова проехать по улице Космонавтов, придумывая на ходу, под каким бы предлогом остановить машину возле дома Аллы. И удивился, когда перед этим домом охранник сам сбавил ход.

– Игорек, а ты не экстрасенс? Прямо мысли читаешь. Ладно, останови здесь, – попросил Носков.

Федулов смутился.

– А вы, Олег Степанович движение сделали. Мол, здесь тормози.

– Может быть, – сказал Носков, выходя из машины. Федулов выскочил следом.

– Так нельзя, Олег Степанович. Я должен осмотреть подъезд.

Носков показал ему взглядом: сиди в машине!

– Понял, – обиженно согласился Федулов.

На площадке второго этажа Носков остановился. Памятное место. Здесь его огрели арматурой, чуть не грохнули, а он до сих пор даже не знает, кто его заказал и кто нанес удар.

Ясно только, что его выпасли и не исключено, что пасут по сей день.

Похоже, Алла увидела, как он выходил из машины. Поджидала в открытых дверях. Она была в домашних тапочках, отчего казалась меньше ростом, по плечо Носкову. Он вошел в квартиру, закрыл за собой дверь и крепко обнял ее.

– Люблю тебя.

Алла вздохнула и покачала головой.

– Нет, господин президент, теперь вы должны любить только народ.

– Ты мой электорат, – с нежностью произнес Носков.

– Нет, господин президент, твой электорат – старики и старушки.

– Старушки от меня без ума, – согласился Носков. – Я вскружил им голову. Я на минутку, – сказал он после паузы. – Хочу кое-что тебе сказать.

– Тогда давай сядем, – предложила Алла. Похоже, у нее ослабли ноги.

– Какое-то время мы не сможем видеться, – сказал Носков. – Недели три, может быть, даже месяц. Ты не паникуй. Сиди тихонечко и жди. Я позвоню. Здесь мы, конечно, уже не сможем встречаться. Я должен подыскать другое место. Мне помогут. Мы снова будем вместе. Только не паникуй. И верь мне.

Алла не произнесла в ответ ни слова. На ее лице не отражалось никаких чувств. Она как заведенная кивала головой.

Носков взял ее за подбородок.

– Я все равно не смогу жить с ней. – Он имел в виду Галину. – Но ты сама понимаешь, разводиться сейчас или в ближайшее время мне нельзя, просто смерти подобно. Надо потерпеть. Я понимаю, сейчас тебе будет особенно тяжело. Но ты пойми: мне тоже будет непросто. Я теперь как в аквариуме. Только я – беззубая рыбка, а вокруг пираньи. Скоро меня начнут жрать со всех сторон, но я должен уцелеть. Должен, понимаешь? И ты мне поможешь.

Алла округлила глаза:

– Как? Чем?

– Тем, что будешь сидеть и тихонечко ждать.

– Хорошо, я подожду еще немного, – тихо пообещала Алла.

– То есть как? Почему “немного”?

– Потому что твой поезд будет уходить все дальше и дальше, а я стою на перроне.

– Я вернусь за тобой, и мы будем в одном поезде, – твердо сказал Носков. – Слово президента.

– Хорошо, – тихо сказала Алла.

Глава 27

Федулов клятвенно заверил Носкова, что его люди возьмут телецентр в непроницаемое кольцо и не оставят врагам ни единого шанса. Лицо главного охранника было похоже своим выражением на морду верного пса, и Носков не то, чтобы поверил. Просто ему нравилось, когда на него так смотрят.

И все же идти на дебаты не хотелось. Интуиция подсказывала, что в отчаянии Кузьмин преодолеет свой зажим перед телекамерой, задаст пару неприятных вопросов и выиграет дуэль.

– Что делать, если старик прижмет меня к стенке? – спросил Носков Яшина.

Тот ответил не задумываясь:

– Говори правду, признавайся в какой-то своей слабости, это вызовет у телезрителей больше сочувствия, чем злорадства. Или веди себя, как Жириновский. Блефуй, создавай впечатление, что у тебя есть ответы на все вопросы, просто не считаешь нужным озвучивать их раньше времени, найди у старика слабое место и ударь по нему. Но только в порядке защиты, мол, он не оставил тебе другого выбора.

Носков слушал рассеянно, что-то чертил на листке бумаги, тербил усы. Яшин не выдержал и решил все же сказать:

– Я прокрутил несколько раз запись предыдущих дебатов.

Носков поднял глаза.

– Да? Интересно.

– Не потирай подбородок и усы. Не трогай лицо вообще. Нельзя этого делать в принципе. Горбачев то и дело поправляет очки. Ну и чего хорошего? Это отвлекает и раздражает. Люди смотрят и думают: неужели тебе не могут сделать нормальную оправу, которая бы не сползала на нос? А если она нормальная, какого черта ее поправляешь?

Носков рассмеялся (он почему-то любил, когда ругали Горбачева) и потребовал, чтобы Яшин продолжал.

– Самый лучший ракурс, когда ты сидишь перед камерой под некоторым углом. Когда видно только одно ухо. И старайся выглядеть победителем.

– То есть?

– Поднятая голова, легкая снисходительная улыбка, открытый взгляд. Кузьмин и зрители должны почувствовать твою энергетику, силу твоей личности. И протри лицо лосьоном для бритья. Чтобы не потеть под ярким освещением.

Потом они рассмотрели все варианты неприятных вопросов и все варианты обезоруживающих ответов. Носков бросил рисовать на бумажке и возбужденно заходил по комнате. Его душа снова жаждала боя.

Гридер колдовал над Кузьминым не меньше часа. Спрятал мешки под глазами, но переборщил с макияжем. Старик выглядел набальзамированным. На этот раз он надел вместо свитера дорогой костюм. И в этом тоже был заключен

определенный минус. Напрашивался вывод, что во время прошлых дебатов он подделывался под простого избирателя. Каждый крупный план отбирал у Кузьмина сколько-то голосов.

А Носков внешне был все такой же. Только держался в полном соответствии с выработанной тактикой. На этот раз ведущие предоставили ему право начинать первым. И он в течение двух секунд собирался с мыслями, зарядив публику нетерпеливым ожиданием. Сидевший в “предбаннике” студии Яшин удовлетворенно хмыкнул. Его уроки не прошли даром.

– У меня нет вопросов к моему оппоненту, – сказал Носков. – Мне давно все ясно. И большинство избирателей показали в первом туре, что им тоже все ясно. А кто не показал, покажут во втором туре.

Кузьмин от неожиданности заерзал. Глаза его забегали. Он был во власти всю сознательную жизнь, но так и не вырастил в себе крепкого стержня. Вместо позвоночника у него была гибкая хорда. Эта хорда и загуляла из стороны в сторону.

– Ну, что ж, – растерянно сказала ему ведущая. – Давайте тогда вы, Федор Федорович, задайте свой вопрос.

Кузьмин прокашлялся.

– Я бы на вашем месте не вел себя так самонадеянно. Вы просто не знаете цены власти, молодой человек. И, похоже, эту цену не знают те, кто рискует голосовать за вас. Ваши

сторонники меня просто поражают. Они ослеплены вашими обещаниями и не видят очевидной вещи: вы – один, у вас нет команды. Назовите мне хотя бы три-четыре фамилии. Кто будет заниматься экономикой? Кто – финансами? Кто – хозяйственной работой? И на ком будет все держаться, когда вы будете заниматься политикой, а точнее политиканством? У нас небольшая республика. Все наиболее значимые фигуры на виду. Назовите фамилии.

Носков загадочно улыбнулся.

– Ну, зачем же мне засвечивать людей раньше времени? А вдруг с ними что-нибудь случится? Если уж до меня добрались, то что можно сказать о них? Кстати, вы не в курсе, когда меня шлепнут? Прямо возле телецентра или дадут отъехать на какое-то расстояние?

Кузьмин встревожено смотрел на ведущих. Он не ожидал такого поворота и надеялся на поддержку.

– О чем вы, Олег Степанович? – спросила ведущая.

Носков ответил со смешком:

– До меня дошла совершенно достоверная информация, что определенные силы хотят сорвать второй тур выборов. Тут Федор Федорович намекал на цену власти. Как его не понять? Я отбираю у него власть. Ему не хочется с ней расстаться. Чего ради этого не сделаешь? На что только не пойдешь?

– А вот этого не надо! – воскликнул Кузьмин. – Это запрещенный прием! Что вы мне приписываете?

– Бог с вами, Федор Федорович, – с издевательским спокойствием отвечал Носков. – Что вы такое говорите? Ничего я вам не приписываю. Я просто хочу сказать, что если со мной что-нибудь случится, то в ответе будут те, кто не хотел видеть меня на посту президента. Только и всего. А вы что подумали?

Камера показала Кузьмина крупным планом. Было видно, что старик не на шутку разозлен.

– Вот вы себя и показали, – сказал он, тыча в сторону оппонента указательным пальцем. – Показали, каким будет ваше президентство. Всюду вам будет мерещиться измена, заговоры, покушения, отравления. Все свое рабочее время вы будете бороться за сохранение своей жизни и власти. А как же горячо любимый вами народ? Вам не то, что делать что-то для народа, вам даже думать о нем будет некогда. Это и будет цена вашей власти.

Кузьмин закончил реплику. Ведущие повернулись к Носкову. Тот сказал:

– Товарищ Кузьмин заговорил о моем президентстве, как о свершившемся факте. Это хорошо. Значит, человек понимает, что эпоха товарищей уходит в историю. Но зачем же напоследок плевать в сторону сменщика? Я ж не копаюсь в вашей политической биографии, Федор Федорович, не припоминаю некоторые очень даже неприглядные моменты, известные только узкому кругу лиц.

Носков намекал на историю с Зуевым. До него дошли све-

дения, каким образом Кузьмин спас сына от уголовного наказания. А старик понял намек гораздо шире. У страха глаза велики. Он с ужасом подумал, что Носкову известны его планы, связанные с продажей судов Черноморского флота.

Кузьмин старался выглядеть невозмутимым, но руки... Он не знал, куда их девать. Нервничающий старик, он выглядел жалко. А Носков добивал его.

– У нас разные взгляды на будущее, Федор Федорович. Вы хотели стать президентом Крыма, а я – всего лишь губернатором Таврической губернии. Зачем Крыму автономия, если он в результате референдума вернется в состав России? Обычно на окраине патриотов больше, чем в центре. А вы, ей-богу, будто не крымчанин.

Кузьмин нашел в себе силы огрызнуться:

– Знаете, чьим прибежищем служит патриотизм?

– Негодяев, что ли? – Носков расхохотался. – Опять промах, Федор Федорович. Это вы, коммунисты, выхватили слова из цитаты Сэмюэля Джонса, которые вам были выгодны. А ведь смысл фразы совсем другой: если у человека ничего не осталось за душой, но сохранилась любовь к родине, то он еще не потерян. Боюсь, что вы уже потеряны для Крыма и России, Федор Федорович.

Глава 28

Все стало ясно в десять вечера. Кузьмин не набрал даже те 17 процентов голосов, которые получил в первом туре. Носков уверенно лидировал. За него проголосовали больше 70 процентов избирателей голосов. Победа была полной и сокрушительной.

Федулов открыл бутылку шампанского и разлил по бокалам. Носков пригубил, выслушал поздравления и скрылся в своей комнате. Яшин проводил его взглядом. Дорого бы он дал, чтобы узнать, что творится сейчас в душе этого человека. Все-таки не каждому дано забраться на такую верхотуру. Но из-за слегка открытой двери вскоре донеслись звуки транзистора и английская речь. Стало ясно: Носков слушает, что говорят о нем “голоса”. Он был очень равнодушен к тому, какого о нем мнения на Западе.

Неожиданно в коридоре послышались шаги. Двери открылись, на пороге стояли иностранные журналисты и среди них бойкая итальянка. Федулов поставил бокал и пошел к Носкову.

Операторы в считанные минуты установили камеры, подключились к источникам света, опробовали микрофоны. А Носков не заставил себя ждать.

– Может быть, вы хотите сделать какое-нибудь заявление? – спросили его.

Носков скромно повел плечами.

– А что тут говорить? Все сказали избиратели. Голосование – это аплодисменты: бывают жидкие, бывают бурные. Я доволен аплодисментами своих избирателей. Когда я учился в МГУ, я спросил однажды своего африканского сокурсника, чем занимается его отец. Ответ был такой: “Он работает королем”. Теперь моя дочь может сказать, что ее отец работает президентом.

– Однажды вы сказали, ваша настольная книга – библия. Вы говорили сегодня с Богом, благодарили его? – спросил по-польски один из корреспондентов.

Коллеги не поняли его и вопросительно переглянулись. Носков улыбнулся и перевел вопрос на английский. И ответил тоже на английском:

– Я бы хотел просить Бога только о том, чтобы он хотя бы на один день снова сделал бедными новых русских и снова сделал нормальными людьми наших бандитов. Я бы хотел дать им шанс одуматься.

Среди журналистов возникло сильное оживление. Все были поражены, с какой легкостью Носков говорил на английском. Но на следующий вопрос он уже отвечал по-русски.

Поляк спросил его:

– Какими глазами вы смотрите на Польшу? Как вы считаете, не могла бы Польша помочь вам найти общий язык с президентом Украины?

И Носков ответил:

– Россия, Украина и Польша – родные сестры. Раньше Украина была старше Польши, а теперь стала младше. Можно и прислушаться.

– Ваши надежды по-прежнему связаны с Россией? – спросили его.

– Я верю в Россию и историческую справедливость, – выпендренно ответил Носков.

Пресс-конференция продолжалась.

– Говорят, у вас до сих пор нет готовой команды? Почему вы не спешили с этим? Не были уверены в своем успехе?

Носков ответил:

– Президент Эйзенхауэр в свое время сформировал свою команду за две недели. Это был рекорд. Я намерен уложиться в десятидневный срок.

Еще вопрос:

– По слухам, вы хотите опереться на отставных военных. Уже поговаривают, что к власти в Крыму приходит хунта. Что скажете на это?

Носков:

– Я просто вынужден адекватно реагировать на отношение к себе со стороны Киева.

Еще вопрос:

– Вы по-прежнему горите желанием победить мафию в Крыму?

Носков ответил решительно:

– Новые русские и бандиты считают, что чем меньше го-

сударства, тем лучше. Это философия мародеров. Люди, живущие на голодную зарплату, считают иначе: если государство бессильно перед мафией, то это уже не государство. Я не могу обмануть надежды абсолютного большинства народа.

Ведущая симферопольского телевидения сказала:

– Ходят слухи, что вы получили из Москвы сто тысяч рублей на финансирование политических акций, призванных вернуть Крым в состав России.

Носков ответил, не глядя на женщину:

– Я слухи не обсуждаю. Но могу сказать очень твердо: я никому ничего не должен.

Ведущий симферопольского телевидения спросил:

– Торговый дом “Ореанда” объявил, что передаст будущему президенту Крыма белый “роллс-ройс”.

Носков помрачнел:

– Взятку, замаскированную под приз? Передай своему хозяину: никогда!

Настал черед итальянки. Она спросила:

– Есть ли у вас качество, совершенно не известное избирателям?

Носков задумался. Итальянка мешала ему собраться с мыслями. Недавно аккредитованная в Крыму и очень тщеславная, она хотела занять в журналистском пуле особое положение и всю строила глазки.

– Неизвестное качество? – задумчиво пробормотал Носков.

– Он любит свою жену, – неожиданно подсказала Галина, пожирая итальянку уничтожающим взглядом.

Раздался общий смех.

Когда журналисты разъехались, Галина вошла в комнату мужа. Носков что-то писал.

– Не помешаю?

– Нет, садись, я сейчас закончу. Приземляю текст инаугурационной речи. Вадик хороший мальчик, только слишком высокопарный. Знаешь, а мне понравилось, как ты врезала этой итальянке, – сказал Носков, не отрывая глаз от бумаг.

– В самом деле, понравилось? – спросила Галина, усаживаясь в глубокое кресло. – А мне показалось, ты принимаешь ее флирт. Как эта сучечка умеет договариваться глазками!

– Они такие! Куртизанки, вакханки, весталки, – бросил со смешком Носков.

– У нас меняются отношения. Мне это так нравится.

Галина смотрела на мужа с нежностью. Он поднял глаза и ответил ей таким же взглядом.

– Олечка, я так рада за тебя, ты не представляешь. Ты пробился, как травинка через асфальт. А я, ты знаешь, всегда в тебя верила.

Носков прокашлялся с досады. Лучше бы она не говорила этих слов. В него верила Алла, это точно. А Галя... Галя только пилила. “Не так живем”. Чьи слова постоянно повторяла Лариса? Мамины слова. Ну да бог с ней. Может, тоже верила. Поди угадай, что на уме у этих женщин. Носков был

расслаблен и благодушен как никогда.

– Ты меня не будешь ругать? – осторожно спросила Галина.

– За что?

– Мы с Ларисой тоже готовимся к инаугурации. И нам помогает Денис.

Носков отложил ручку в сторону.

– Кто такой этот Денис?

– Новый русский из Москвы. Отец – генерал, мать – директор школы. Очень приличная семья. Но главное не это. Главное, что он в Ларисочке души не чает.

– А это ты с чего взяла?

– Ну, я же вижу, у меня глаз, меня не обманешь, – продолжала Галина. – Я понимаю, у тебя сейчас такое положение, тебе нельзя никого подпускать слишком близко. Но поручи этого Дениса мне. Я тебя не подведу. Тебе некогда сейчас думать о семье. Давай так: ты думаешь о народе, а я – о нашем будущем? Договорились?

Галина просто исходила нежностью. Носков смягчился.

– Ладно, что вы надумали?

– Пойдем, я кое-что тебе покажу, – сказала Галина, поднимаясь с кресла.

Комната, в которую они вошли, напоминала огромную примерочную. Всюду лежала одежда и коробки с обувью. Худосочная Лариса вертелась перед зеркалом, примеривая то один, то другой наряд. Увидев отца, она чмокнула его в щеку

и затрещала, показывая вещи:

– У тебя будет вот этот темно-серый костюм. И вот эта светло-серая рубашка. И вот этот галстук, темно-голубой, однотонный. То, что тебе нужно. А на маме будет вот это светло-коричневое платье, вот эти туфли и вот эта сумка.

Носков почему-то бросилась в глаза сумка, судя по всему, страшно дорогая.

– Яшин сказал, что сумка – самая важная часть женского туалета и на нее стоит потратить столько денег, сколько можно себе позволить, – на одном дыхании выпалила Лариса.

– Мы не можем себе этого позволить, – сказал Носков.

– Ну, папочка! – взмолилась Лариса, от чего ее лицо сморщилось и стало некрасивым вдвойне. – Я все равно разведусь с Лешкой, и мы все равно поженимся с Денисом. Мы обвенчаемся, это решено.

– Я не возьму от него ничего, даже если вы обвенчаетесь, – отрезал Носков. – У вас что, крыша поехала?

– Папа, а в чем же мы будем на инаугурации? – воскликнула Лариса.

– Что есть, в том и будем.

– А что у нас есть, папа? Какие-то обноски! А что есть у тебя? Мы станем посмешищем.

– Пусть смеются, зато я буду знать, что никому ничего не должен. Я должен быть свободным, как вы не понимаете? А вы загоняете меня в какой-то капкан.

Все это время Галина стояла молча, обдумывала, что ска-

зять. И сказала:

– Послушай, Олег. Я не меньше тебя беспокоюсь, как бы не попасть кому-нибудь в зависимость. Сейчас все чего-то от нас хотят. Все предлагают свои услуги. Ты просто не знаешь, не видишь этого, но это так. И я догадываюсь, что каждому нужно. Так вот, Денису, точнее, его банку, нужны позиции в Крыму. Он этого не скрывает. Не исключено, что в его отношении к Ларисе заключен определенный расчет. Ну и что? Чего плохого в том, что наша дочь наконец-то заживет нормальной жизнью? Я беру самое худшее. Предположим, и этот брак будет неудачным. Ну и что? Зато Лариса и ее ребенок будут обеспечены, и своего третьего мужа она будет выбирать сама. Это один вариант. А второй вариант такой. Мы будем жить на твою президентскую зарплату. Сколько ты будешь получать в пересчете на доллары? У Шеварднадзе, пишут, зарплата 50 долларов. У тебя, Олег, больше не будет. Зачем же мы вместе с тобой скрываемся тут, жизнью рискуем? Ради чего? Да, люди идут во власть, чтобы улучшить жизнь народа, себя проявить. Но это то, что на поверхности. А на самом деле власть означает – владеть, иметь.

– У тебя все? – спросил Носков.

– Все, – сказала Галина.

– А теперь, послушай, что я скажу. Мне действительно некогда заниматься нашими семейными делами. Все заботы – на тебе, но знай: если где-нибудь сдешевишь, то потеряешь все, и меня в первую очередь.

1994-й ГОД, МАРТ-АПРЕЛЬ

Глава 29

Полковник Лисовский готовил оклад для президента Кравчука, когда позвонил Дзюба и попросил принять его срочно ввиду важности имеющегося у него сообщения.

Через несколько минут подполковник докладывал:

– Пришла сводка из Интерпола на лиц, которые только что объявлены в розыск. Среди них вот этот тип, – Дзюба положил на стол Лисовскому фотографию Зуева.

– Кто такой? – спросил полковник.

– А черт его знает, выясняем. Появился в Севастополе. По паспорту Зуев Евгений Федорович. Купил домик в лесничестве, выдает себя за егеря, но наши люди постоянно видят его в компании контр-адмирала Рыбакова и других флотских торгашей. За глаза называют его “папой”.

– Ладно, пусть хоть мамой называют. Что на него пришло из Интерпола?

– О, вам будет интересно, – непроницаемый Дзюба оживился. – Правда, в справке Интерпола говорится в основном о некоем Желько Ражнятовиче по кличке Аркан, но наш Зуев был охранником и личным другом этого Аркана.

– Погоди, Аркан, что-то я о нем слышал, – Лисовский поморщился, напрягая память, – Сербский бандюган, албанцев крошит, так?

– Вообще-то он черногорец, но считает себя борцом за

сербскую идею. А албанцев он и этот Зуев начали крошить по всей Европе еще при Тито. Вот тут все подробно написано, – Дзюба протянул полковнику справку Интерпола.

Лисовский пробежал глазами текст и вернулся к началу, стал вчитываться в каждое слово.

“Желько Ражнятович по кличке Аркан – сын командира бригады ПВО Югославской народной армии из-за неурядиц в семье, вызванных разводом родителей, связался с уголовниками и в 1971 году в возрасте 17 лет был арестован в Белграде за ограбление ювелирного магазина. Как несовершеннолетний, был осужден на два года и еще в тюрьме, за непримиримый нрав и жестокость, получил преступное звание, равное российскому “вору в законе”.

– Дороги Ражнятовича и Зуева пересеклись в 1981 году в Белграде. А как там оказался наш “папа”, еще предстоит установить, – сказал Дзюба.

Лисовский продолжал чтение справки.

“ В 1987 году Зуев Евгений Федорович, уроженец Симферополя, во время посещения Италии в составе туристической делегации отказывается возвращаться в СССР. В Милане он знакомится с Ражнятовичем-Арканом. Вместе они совершают убийство владельца ресторана “Кики”, задолжавшего банде Аркана крупную сумму. Через час после убийства оба снова пришли в этот ресторан и на глазах полицейских заказали себе кофе. Спустя два месяца указанные фигуранты нападают на ювелирный магазин во Франкфурте,

но в перестрелке с охранниками получают легкие ранения и полиция задерживает их на месте преступления. Но через несколько дней Ражнятович и Зуев бегут из тюремного госпиталя. Их арестовывают в Берне после очередного налета на ювелирный магазин и водворяют в тюрьму в Лозанне, но они бегут оттуда, натянув на себя несколько шерстяных джемперов, чтобы не пораниться о колючую проволоку, выпрыгивают из окна четвертого этажа на голый асфальт и перелезают через шестиметровый забор”.

– Однако, – Лисовский почесал в затылке.

– Я ж говорю, этот Зуев еще тот фрукт, – сказал Дзюба.

“Спустя два месяца банда Ражнятовича совершает налет на банк в Стокгольме, – продолжал читать Лисовский. – Забрав деньги, Аркан и Зуев демонстративно снимают с лиц маски и дарят кассирше букет роз. На другой день Аркана опознает в баре полицейский, пивший там пиво, и задерживает его. Зуев с другими членами банды совершают вооруженный налет на здание суда и освобождают Аркана”.

Лисовский отодвинул от себя бумагу и покачал головой:

– Не верю. Кто пишет справки в этом Интерполе? Беллетристика какая-то.

– Я тоже думал – бред, но дальше идет объяснение, кто стоял за спиной Аркана, – сказал Дзюба.

Полковник Лисовский впился глазами в текст:

“После очередного преступления на суде в Белграде во время оглашения приговора отец Аркана Велько Ражнято-

вич не выдержал и закричал с места: “Желько, ну скажи им, сколько ты сделал ради Югославии”. Аркан успокоил отца жестом руки, его адвокат передал судье какую-то папку, и через двадцать минут Аркана освободили прямо в зале суда. После этого эпизода достоянием гласности стала практика найма уголовников Службой державной безбедности для грязной работы за пределами Югославии и прежде всего для подавления строго иерархированной албанской мафии, связанной с тайной полицией Албании, контролировавшей солидную часть героинового рынка Европы. Как известно, от 30 до 50 процентов денег АОК (Армия освобождения Косово) сделаны на продаже наркотиков. Будучи еще молодым уголовником, Аркан был завербован другом отца, Станко Чолаком, начальником управления Службы державной безбедности для проведения спецопераций за пределами Югославии, в частности, для убийства албанских и хорватских националистов и оппозиционеров в эмиграции”.

Лисовский отвлекся от текста и приказал Дзюбе:

– Надо посмотреть, не занималась ли этим Зуевым Служба внешней разведки. Довольно-таки подходящий кадр. Привлеките к этому наших людей в Москве, пусть поковыряются в документах: может, что-нибудь всплывет.

Дзюба склонил голову.

Полковник читал дальше:

“С началом распада Югославии Аркан становится основным поставщиком оружия из Сербии в мятежную Краину –

сербский анклав в Хорватии на границе с Боснией. И еще до начала боевых действий формирует вместе с Зуевым отряд так называемых “тигров”, выдает им “фирменную” черную форму и бросает на фронт под хорватским городом Вуковар. В настоящее время Желько Ражнятович по кличке Аркан является лидером маргинальной политической партии и депутатом парламента Сербии от Косово, но это не избавляет его от ответственности за совершенные им военные преступления. Ордер на Ражнятовича Желько выдан Гаагским трибуналом”.

– Ну что? – промолвил Лисовский, закончив чтение. – Надо установить у этого типа прослушку и не спускать с его глаз.

– С прослушкой будут трудности, – отозвался Дзюба. – Домик в лесу, телефона нет.

– Всадите ему жучок в машину.

– Это не так просто. У него хорошая охрана. А у нас людей мало, – пожаловался Дзюба. – На этого Зуева потребуется отдельная группа.

– Формируйте группу, – согласился Лисовский.

Глава 30

Ночью Носков о чем-то шептался с Федуловым и лег далеко за полночь. А утром кортеж из шести машин уже несся в Симферополь. Подъехав к зданию Верховного Совета, которое называли “Белым домом”, охранники встали у всех подъездов, выполняя приказ никого не пускать и не выпускать. Но эта мера, как оказалось, была лишней. В здании находились одни сторожа. Они отказались открывать двери, даже когда увидели Носкова. Сказали, что подчинятся только управляющему делами Верховного Совета.

– Привезите управляющего, – распорядился Носков.

“К чему эта спешка? Неужели нельзя было подождать до понедельника?” – недоумевал Яшин, но решил, что лезть с расспросами не стоит.

Привезли управляющего, породистого старика с лицом графа. Старик мягко предупредил Носкова, что переход Белого дома к новому хозяину должен произойти в законном порядке, то есть после подписания соответствующих документов.

Федулов протянул руку:

– Ключи! Быстро!

Управделами побледнел, у него затряслись губы.

По знаку Федуллова охранники достали из-за пазух короткоствольные автоматы. Это подействовало. Старик прошел

в свой кабинет и вынес оттуда все имевшиеся у него ключи.

– Не дури, – сказал Федулов. – Где ключи от сейфов?

– Как вы разговариваете, молодой человек? – возмутился управделами. – Ключи там, где они и должны быть – у владельца.

– Я говорю, не дури! – тем же грубым тоном повторил Федулов. – Где дубликаты?

Старик пробормотал в замешательстве:

– Это черт знает что.

Он открыл сейф, где лежали дубликаты ключей.

– Проведите меня в кабинет Кузьмина, – велел Носков.

Сбоку от огромного письменного стола Кузьмина стояли государственные флаги Крыма и Украины, дальше висела драпировка. Носков раздвинул ее. Показалась дверь.

– Здесь комната отдыха, ванная, душевая, – пояснял управделами, открыв дверь.

Носков заливисто рассмеялся:

– Умел расслабляться Федор Федорович.

– Он умеет и работать, – с достоинством возразил старик.

Пока Носков осматривал помещение, а Федулов – содержимое сейфа, управделами написал заявление с просьбой уволить его по собственному желанию. Носков прочел.

– Демонстрируете преданность шефу? Зря. Ваш опыт мог бы и нам пригодиться.

– Не с того начинаете, – сказал управделами. – И в этом я вижу симптом. Я, знаете ли, лучше в дворники пойду.

Носков усмехнулся.

– Отработаете согласно КЗОТу две недели, а там посмотрим, что с вами делать. – И повернулся к Федулову. – Вызвали спецов? Давайте их сюда!

Двое спецов начали с телефонов, потом осмотрели мебель, все щели. Нашли два “жучка”, один в часах на письменном столе, другой в комнате отдыха.

Носков констатировал:

– Не верил пан Кравчук товарищу Кузьмину. – И обратился к спецам. – А в стенах нет аппаратуры?

Один из спецов посвятил в секреты своей профессии:

– В этом случае стены должны звенеть.

Носков походил по комнате, похлопал в ладоши. Звона не было.

– Ну вот, теперь можно работать. – И повернулся к Яшину. – Слышал, как общаются в администрации Ельцина? Записки друг другу пишут! У нас этого маразма не будет.

Появилась Галина. Она была необычайно деловита. Ее интересовали службы Верховного Совета, которые занимались обслуживанием сотрудников и депутатов: особенно столовая, буфет, парикмахерская, стоматологический кабинет и гараж.

Галина обратилась к управляющему:

– У Кузьмина были свой парикмахер, стоматолог? Наверно, хорошие специалисты. Назовите фамилии.

Управделами назвал.

– У Олега Степановича проблемы с зубами, ему нужно поставить металлопластмассу. Но он не хочет этим заниматься, не переносит бормашины, – доверительно поделилась Галина.

– Поможем.

– И видите, что у него делается с волосами. Закручиваются на макушке не слева направо, а наоборот. Нужно изменить форму зачеса.

– Сделаем.

Долгие годы лакейской работы сказывались на глазах. Управделами быстро привыкал к новым хозяевам.

Галина прошла по приемной.

– Новую секретаршу зовут Кирой. Она живет далеко, надо присылать за ней машину. Я тоже будут приезжать. Жена президента не должна сидеть дома. Она должна быть деятельной. Правильно, Андрей Васильевич?

Молчавший до сих пор Яшин подтвердил. Но не вытерпел, спросил:

– Чем будете заниматься?

Галина подошла к нему вплотную:

– Пока это секрет, но вам скажу. У нас много врагов, и враги должны видеть, что народ любит Олега и готов по первому его зову прийти к Белому дому.

Яшин смотрел на нее с недоумением. Галина добавила не менее туманно:

– Я буду заниматься группой поддержки. У нас очень обя-

зательные люди. Они не подведут. А еще я хотела бы создать свой фонд. Только пока ни на чем конкретном не остановилась. У вас нет идей?

Яшин ответил, недолго думая:

– Чаще всего жены президентов занимаются проблемами детей, женщин, стариков, наркомании, профилактики СПИДа...

Лицо Галины поскучнело.

– Для этого нужно иметь много здоровья, а у меня его нет.

Носков сел за стол Кузьмина и тут же встал, прошелся по кабинету. Кажется, он хотел что-то сказать Яшину, но ему мешали другие люди.

– Оставьте нас с Андреем Васильевичем, – попросил он.

Все вышли. Носков прошелся еще раз от стола к двери, постоял у окна. Яшин сел в кресло и терпеливо ждал, чувствуя себя царедворцем.

– Тебе когда нужно возвращаться в Москву? – спросил Носков.

– Вернусь, когда скажешь.

Носкову ответ понравился. Он задумчиво продолжал:

– Знаешь, в чем успех президентства? В том, чтобы рядом был абсолютно надежный человек, который может давать ценные советы. Не случайно на Востоке сложился институт первых визирей. Вспомни, у Рузвельта был Гопкинс. У Кеннеди – брат Роберт.

Яшин бросил шутливо:

– Самый надежный человек – жена.

Носков хмыкнул.

– Жена Картера присутствовала на заседаниях кабинета министров, и что из этого вышло? Картер провалился. Горбачев советовался с Раисой Максимовной. И чем это кончилось? У тебя, Андрей, создалось неверное впечатление. Галина будет знать свое место. Но ты не ответил на мое предложение. Я не предлагаю тебе никакой должности. Я просто хочу, чтобы ты побыл какое-то время рядом. Хотя бы первые сто дней. За это время, я думаю, финансовые дела в Крыму наладятся, и ты получишь полную компенсацию. Я тебя не обижу.

Яшин думал ровно столько, сколько нужно, чтобы не обидеть собеседника.

– Конечно, я согласен. С тобой интересно работать, – сказал он президенту. – Но у меня одно условие. Я должен иметь право на бестактность.

– То есть? – поднял брови Носков.

– Я буду говорить правду, когда ты не будешь об этом просить. Иначе не будет того эффекта, которого ты хочешь добиться.

Носков рассмеялся.

– Я понимаю, это нужно прежде всего мне. Давай, режь правду-матку прямо сейчас. Ведь наверняка уже что-то накопилось. Кури, если хочешь. Мне нравится запах табака, когда нравится собеседник.

– Тебе ни в коем случае нельзя ссориться с парламентом, – сказал Яшин.

Носков усмехнулся:

– Это из области фантастики. Я об этом даже не мечтаю. Противостояние между исполнительной и законодательной властью происходит на всем пространстве СНГ, и Крым не будет исключением. Другой вопрос – как минимизировать нежелательные последствия. Путь только один – большинство в Верховном Совете должны составлять те люди, на которых я укажу избирателям.

Яшин смотрел на президента с удивлением:

– Не очень представляю, как это можно сделать.

– Есть один ход, – загадочно произнес Носков. – Когда до парламентских останется неделя, я оглашу список этих людей и совершу прыжок с парашютом

– Не президентское это занятие – прыгать в пропагандистских целях с парашютом.

Носков заливисто рассмеялся:

– Ошибаешься. Если бы другие президенты умели это делать и не тряслись за свою жизнь, прыгали бы как миленькие. Причем, ты заметь: я ведь за себя не прыгал. Но за то, чтобы парламент был чистым, я прыгну. И народ это оценит и поймет.

Логика была очень убедительная. Некоторое время Яшин даже не знал, что сказать. Потом развел руками.

– Ну, вот видишь. Не понимаю, зачем я тебе нужен?

Носков подошел к Яшину, потрепал его по плечу.

– Если говорю, нужен, значит нужен. Будешь входить ко мне без доклада. Завтра лечу на смотрины к пану Кравчуку. Присматривай тут за моими штирлицами. За ними, сам знаешь, нужен глаз да глаз.

Глава 31

Инаугурация проходила в зале заседаний Верховного Совета. Носковы вышли на сцену всей семьей. Галина смущенно улыбалась. Лариса держала за руку пятилетнего сынишку, который норовил укрыться за ее спиной. Носков поднял вверх сплетенные руки. Это был его митинговый жест. Все Носковы, включая малыша, были одеты с иголки и точно сошли с витрины магазина модной одежды.

– Боже, сколько же у нас друзей, – процедила, оглядев зал, Лариса.

– И все чего-то хотят, – продолжая смущенно улыбаться, ответила Галина.

– Прекратите, – не разжимая губ, цыкнул Носков.

Председатель центральной избирательной комиссии объявил результаты выборов и предоставил ему слово. Носков подошел к маленькой трибуне западного образца и начал речь.

Яшину не досталось места в зале. Но он был даже рад этому. Стоя возле входа на сцену, он мог видеть всех, кто пришел на церемонию и кто какими глазами смотрит на президенте и его семью.

Цуканов сидит со своим обычным кислым видом, словно съел лимон. Иван Мозуляк с лицом запорожского казака, только без длинных усов, третья фигура в Партии неза-

висимости, смотрит на Носкова не просто настороженно, а почти враждебно. А Вадик, наоборот, не сводит с шефа восторженного взгляда. И Гусев наблюдает спектакль с живым интересом, по-журналистски стараясь не пропустить ни одной детали. Все достойно. Только эти федуловские охранники... Все на одно лицо, и ни одного светлого...

Носков стоял неестественно прямо, но говорил хорошо, не громко и не тихо. И что самое для всех удивительное – не глядя в текст. Яшин пропускал мимо ушей банальные фразы и наострял уши всякий раз, когда звучало что-то дельное.

– Партия независимости, лидером которой я являюсь, – говорил Носков, – всегда выступала против того, чтобы президент исполнял одновременно должность премьер-министра. К нам не прислушались. И это понятно: пост президента готовился под другого человека. Что ж, теперь нам придется решать проблему излишней концентрации власти в одних руках.

“Кто на такие вещи жалуется? – подумал Яшин. – Или это какая-то хитрость? Что-то я забылся. Когда говорит политик, нельзя принимать за чистую монету ни одного искреннего слова”.

Носков снова оседлал своего любимого конька – еще раз подтвердил свою решимость покончить за три месяца с преступностью.

– Каждый наш шаг в этом направлении, каждое распоряжение, отданное мной милиции и прокуратуре, станет до-

стоянием гласности. И народ Крыма сможет своими глазами и своим ушам видеть и слышать, кто нам помогает, а кто нам мешает. Средства массовой информации могут рассчитывать на самое тесное сотрудничество с пресс-службой президента Крыма.

Носков заканчивал, с каждым словом набирая пафос:

– Президентская власть Крыма будет максимально открытой своему народу и всему миру. Точно таким же, открытым и свободным, мы видим наше будущее. Наш полуостров издревле и по праву называют райским уголком. Еще недавно сюда ехали на равных верующие и атеисты, праведники и грешники, старики и дети, пожилые и молодые, больные и здоровые, богатые и бедные, по путевкам и “дикарями”. И была в этом Божеская и человеческая справедливость. Пусть же в результате наших общих усилий эта справедливость восторжествует вновь.

Носков ни словом не обмолвился о крымско-татарском меджлисе, который призвал всех татар голосовать против него и не признал результаты выборов.

Зал рукоплескал. Носков снова победно поднял сплетенные руки.

Инаугурация закончилась. Носковы пошли за кулисы. Там их окружили охранники и повели к выходу. Соратники уже выстроились возле дверей. Носков принимал поздравления сдержанно, словно от мало знакомых людей. Когда рукопожатия кончились, возникла неловкая пауза.

– Нам-то теперь чем заниматься? – переминаясь, спросил Иван Мозуляк.

– Сосредоточьтесь на парламентских выборах, – сухо ответил Носков, разглядывая носки своих туфель.

– Как? – удивился Мозуляк. – Разве ты не возьмешь нас в свою администрацию?

– А что вам там делать? Рутинная чиновничья работа. Вам надо сидеть в Верховном Совете, проводить вместе с администрацией дружную законотворческую работу. Чем вас будет больше, тем меньше будет купленных Брагиным марионеток.

Цуканов стоял плечом к плечу с Носковым. Похоже, он был того же мнения. И все соратники были согласны с новоиспеченным президентом. Только не понимали, неужели они вот так накоротке поговорят и тут же распрощаются? Все-таки такое историческое событие. Грех не отметить. Они надеялись, что Носков устроит скромный банкетик. А он, похоже, куда-то торопится и не горит желанием разделить свою радость с испытанными соратниками. Да, он человек непьющий. Но разве это причина?

– Ладно, ребята, мне пора. Еще увидимся, – сухо бросил Носков и пошел к выходу. Цуканов двинулся за ним.

Мозуляк почесал в голове и сплюнул:

– Мать его за ногу! Это за кого ж он нас держит?

Соратники тоже были обижены, но переживали молча.

– Ладно, пошли в какую-нибудь комнатуху, – сказал Мо-

зуляк. – Как говорят на Украине, кто не пьет, тот либо хвора, либо подлюча людина. А мы выпьем!

Мужик он был предусмотрительный, в руках у него была сумка, в которой отчетливо звякали бутылки.

Комендант здания Верховного Совета открыл им комнату на первом этаже. Расставили на столе спиртное и нехитрую закусь. Разлили по стаканам. Помолчали. Потом Мозуляк сказал:

– Нет, ребята, тут что-то не так. Президент просто обязан как-то наградить тех, кто помог ему придти к власти. Это общепринятая мировая практика. Если же он этого не делает, то о чем это говорит? Это говорит о том, что он не считает, что чем-то нам обязан. Это – первое. И – второе: он не считает нас, будущих депутатов, равными себе. Он смотрит на нас уже сейчас сверху вниз. А что будет дальше? Дальше лучше не будет. Не понимаю, с кем он хочет работать? Со своей хунтой? Эта военщина ему наработает!

– Не расстраивайся, Вань, – сказал Эдик Гусев. – Говорят, успех – всего лишь отсроченный провал. Так что подождем, куда нам торопиться? Мы считали себя его соратниками. А он, может, видит в нас соперников. Если вдуматься, это почти одно и то же.

– Ладно тебе, Эдик, умствовать, – проворчал Мозуляк, разливая водку по стаканам, – Понятно, откуда у тебя это олимпийское спокойствие. Земля, брат, слухом полнится.

– Не можешь ты без намеков и загадок, Вань, – сказал Гу-

сев.

– А намек простой, – усмехаясь в усы, отвечал Мозуляк. – Денежки вы из Москвы получили, сто десять тысяч карбованцев. А куда они ушли? Денежки прислали не на президентские выборы, а на референдум. А где он, референдум? О нем вы с Носковым последнее время даже не заикаетесь. Непорядок это, Эдик. Рано или поздно все вылезет наружу и будет большой скандал. Куда денежки-то девали, а? Ты ведь казначей, ты все знаешь. Может, ты и среди нас остался не просто так, а, Эдик?

– До чего ж ты подозрительный, Вань, – вздохнув полной грудью, сказал Гусев. – Если хочешь знать, Олег и меня в дальний угол задвинул. Прессой теперь будет заведовать Вадик. Так вот. Но я, как видишь, не унываю. И тебе не советую. Политика, Вань, скользкая штука. Если человек сам не обосрется, то в готовое влезет. Надо только терпеливо ждать. Так что давайте, мужики, выпьем за терпение.

Глава 32

Захват кабинетов объяснялся очень просто. Процедура передачи власти не была прописана ни в одном законе Республики Крым. Все теперь зависело от политической культуры бывших соперников. На эту-то культуру Носков и не рассчитывал, зная наперед, что Кузьмин, то ли сам по себе, то ли по просьбе украинских властей, сделает все, чтобы максимально усложнить Носкову вступление в должность. Но для его собственных грубых, по сути противозаконных действий, была еще одна немаловажная причина. Накануне глава службы безопасности Иванов доложил Носкову, что существует заговор министров, сплошь ставленников Кузьмина. Как только избранный президент начнет принимать дела, они примутся ему мешать. И Носков решил опередить саботажников. Теперь в его руках были важные правительственные документы, которые они могли бы утаить, что привело бы к катастрофическому расстройству дел в республике. И, что не менее важно, он разом заполучил целую грудку компромата. Одни министры хранили в своих сейфах пачки долларов. Другие держали фотографии любовниц, проституток и презервативы. А один министр, судя по найденной у него видеокассете, был нетрадиционной сексуальной ориентации.

Только двое членов кабинета не прятали в своих сейфах

ничего предосудительного. Оскорбленные действиями президента, они немедленно подали заявления об отставке. Другие, по старой советской привычке, срочно госпитализировались.

– Ну и кого мы поставим министрами? Кому передавать документы? – хмуро вопрошал президент главу своей администрации Цыганкова. – Вы говорили, у вас целая колода ценных кадров? Где она?

Носкову не хватало терпения на чтение анкет и автобиографий. Он больше доверял своим глазам, своему чутью. Цыганков вводил в его кабинет плохо одетых мужиков с грязными ногтями и бегающими глазами. Носков взвизвался:

– Кого ты мне суешь? Какие из них министры? Они начнут хапать с первого дня.

– Мой президент, – сокрушенно вздыхал Цыганков. – Что делать? Время такое, других нет.

В первый же день глава администрации зазвал к себе Яшина, Иванова, Федулова, Вадика и предложил определиться, как им называть Носкова. Товарищ президент? Господин президент? Или как-то еще?

Вопрос бы насколько смешной, настолько и серьезный. В самом деле, должно же быть какое-то официальное обращение. Нельзя допускать неразберихи в таких вещах. Неровен час, кличка приклеится. Федулов, возомнивший, что ближе его к уху Носкова никого нет, уже называл шефа “папой”. Куда это годится?

– Сейчас такое время, – невозмутимо объяснял Федурлов. – Каждого большого начальника так зовут.

– Будет тебе, – урезонивал его Цыганков.

Все знали, что в Крыму только один человек имел эту кличку – бандит Брагин.

– Ну а ты считаешь, лучше придумал? – огрызнулся Федурлов. – Мой президент. Еще скажи “мой фюрер”.

Во время совета в кабинет Цыганкова неожиданно зашел Носков. Поинтересовался повесткой заседания. И сходу внес свое предложение.

– А может называть “гражданин президент”?

Возразить решился только Яшин:

– Отдает местами лишения свободы.

Носков подошел к окну, посмотрел сверху, как перед Белым домом снуют, копошатся люди. Сказал раздумчиво:

– Велик и могуч русский язык, а не так-то просто придумать. Товарищем называться – эпоха не та. Господином? Что старики скажут? Гражданином? Тоже нельзя.

– Пусть старики привыкают, – сказал Яшин.

– Пожалуй, ты прав, – повеселел Носков. – Давайте переходить на слово “господин”.

Уходя, поинтересовался у главы администрации:

– Как там указ номер один? Готов?

– Готов, мой президент, – отрапортовал Цыганков. – Сейчас принесу на подпись.

Носков вынул из кармана ручку.

– Давайте, я здесь подпишу.

По указу номер один Крым переходил на московское время. Экономической необходимости в этом не было никакой. Просто Носков в очередной раз присягал на верность Москве.

В свой кабинет Носков вернулся вместе с Яшиным. Прошелся по дорожке. Походка у него была мягкая, кошачья.

– В Крыму полно способных руководителей. Странно, что Цыганков не может их найти, – сказал Яшин.

– Прохиндей, тащит тех, с кем будет проворачивать свои дела, – отозвался Носков.

– Значит, надо его менять. Глава администрации должен быть штатским. Знаешь, кругом разговоры, что ты окружил себя хунтой.

Носков покачал головой.

– Нельзя менять Цыганкова. Его знают на флоте. Что касается хунты... Каждый человек в моем окружении должен быть дубинкой против пана Кравчука.

– А ты уверен, что Цыганков не работает на Безпеку?

Носков нервно рассмеялся.

– Я и в Иванове не уверен. Русским и украинцам вообще нельзя ссориться. Вражда между родственниками доходит до паранойи.

Он помолчал и договорил:

– Главная проблема – не в министрах, а в премьерере. Какой из меня премьер? Честно тебе скажу, я когда в прокуратуре

работал, на всех совещаниях засыпал. И сейчас ничего не могу с собой поделаться. Как только заседание длится дольше часа, засыпаю, словно не слова слышу, а снотворное глотаю. Не по мне вся эта бюрократия.

– В чем дело? По крымской конституции, в республике вообще должно быть парламентское правление. Передай лишние полномочия новому составу Верховного Совета и дело с концом.

Носков неожиданно взорвался:

– О чем ты? Больше половины депутатов купит Брагин. Передать правительство им – значит передать ему. Ну и в кого я превращусь? Какие у меня останутся полномочия? Как я смогу без полномочий вернуть Крым в Россию?

– Тогда скажи Кравчуку, кто рвется в парламент. Последствия он вычислит сам. Крым может превратиться в бандитскую республику. Ему это надо? Ему этого не надо. Пусть тогда задействует свои возможности, перетряхнет крымское МВД. А вот если он этого не сделает, ты можешь прямо сказать об этом крымчанам.

– Попробую-ка я сначала договориться с Валебным, – задумчиво проговорил Носков. – И вызову-ка я генерала прямо сейчас. А ты посиди там, – он кивнул в сторону комнаты отдыха.

Яшин слабо запротестовал.

Носков подмигнул.

– Посиди, это интересно. Ты будешь не только слышать,

но и видеть.

Спецы Иванова постарались. В комнате отдыха уже стоял монитор, на котором весь кабинет президента был, как на ладони.

Валербный появился быстро: здание МВД находилось в пяти минутах езды от Белого дома. Вошел бойко. Туловище бочонком, ноги короткие, зад слегка оттопырен. На мониторе был рычажок управления телекамерой. Яшин приблизил лицо Валербного, чтобы рассмотреть детали. Широкий низкий лоб. Глубоко посаженные глаза. Крепкие челюсти. Пальцы короткие, как сардельки. На запястье татуировка и цифры 1945, скорее всего, год рождения.

Валербный сел, открыл портфель, достал какие-то бумаги и принял почтительную позу, приготовился слушать.

Носков погрузился в свое кресло:

– Я понимаю вас, генерал, вы в щекотливом положении. С одной стороны, подчиняетесь напрямую Киеву. С другой стороны, должны все-таки работать на свою родину – Крым. Не чувствуете раздвоение личности?

– Нет у меня никакого раздвоения, – браво отозвался министр. – Для меня превыше всего интересы дела. А дело у нас с вами теперь общее – бороться с преступностью. Вы – профессионал, я – профессионал. Значит, должны понять друг друга.

Носков сделал вид, будто удивлен и обрадован. Даже руками потер.

– Тогда с чего начнем? Я вижу, вы с чем-то пришли. Давайте смотреть.

Валербный протянул ему несколько листков. Носков пробежал глазами.

– Но это всего лишь статистика. А где план? Где предложения?

Министр заерзал.

– Какой план? Какие предложения?

– Как какие? По борьбе с преступностью. Вы, наверно, не раз слышали мои предвыборные заявления. Мы должны открутить головы мафии за два месяца, максимум, за три.

Валербный вынул носовой платок, провел им по губам.

– Олег Степанович, это нереально.

– Хорошо, назовите реальный срок.

– Два-три года при условии, что дела в экономике начнут выправляться.

Носков саркастически рассмеялся:

– Дела в экономике потому и не выправляются, что мафия подмяла под себя не только мелкий и средний бизнес, но и государственные предприятия. Так что давайте не будем ставить телегу впереди лошади. И давайте не будем менять заявленные сроки. Я даю вам два, максимум, три месяца. А основные идеи хочу выслушать прямо сейчас. Что мы можем сделать, чтобы как можно быстрее скрутить Брагина и других “авторитетов”?

Генерал тяжело вздохнул.

– Понимаете, Олег Степанович, эти мерзавцы научились прятать концы. Их не на чем взять. Они все проворачивают чужими руками. И никто, ни подручные, ни свидетели, никогда в жизни не дадут против того же Брагина никаких показаний.

Носков поднялся, прошелся по кабинету. И заговорил, нагнетая страсть с каждым словом:

– Генерал, если бы я говорил с министром здравоохранения о проблемах акушерства, он наверняка навешал бы мне лапши на уши. Но мы-то с вами, что называется, одной крови. Мы – ищейки, а не чьи-то сторожевые псы. Не надо мне про то, что вообще ничего нельзя сделать. Как в Америке вытравили коррупцию? Агенты ФБР метили доллары и совали их направо налево. Кто брал, тех – тут же в кутузку. Прием скользкий, а ведь не побрезговали. Результат был важнее. Что же нам мешает, если мы тоже хотим результата? А может, мешает не что-то, а кто-то? Так скажите. Я вам помогу. Мы теперь в одной связке. Я хочу, чтобы между нами не осталось никаких неясностей. Я понимаю: у вас перед кем-то есть свои обязательства. Но вы и меня поймите: у меня обязательства перед гражданами Крыма, которых два и семь десятых миллиона. Есть разница? Или народ – быдло? Я глава государства. А государство обязано защищать граждан от хаоса и насилия. Если эта функция не работает, значит, я не соответствую своей должности, и значит, я должен уйти. Но я не могу уйти только потому, что меня не понял министр

Валевный. Если он не хочет меня понять, я добьюсь, чтобы поставили вместо него другого министра. И с ним, а не с вами, генерал, вычищу поле экономики. А если мне начнет мешать пан Кравчук, устрою такую бучу – чертям станет жарко. И население Крыма меня поддержит.

– Если бы дело было только во мне, – мрачно выдохнул Валевный.

Носков остановился напротив него.

– Что вы хотите сказать?

– МВД Крыма, Олег Степанович, это не только генерал Валевный. Есть еще полковники, подполковники, майоры, капитаны, лейтенанты, сержанты... Понимаете, о чем я? Всех не заменить.

– Хотите сказать, что с бандитами повязана вся милиция? – переспросил Носков.

– Я вам этого не говорил.

– Правильно, вы сказали иначе. Что ж, вы правы, всех не заменишь. Ценных сотрудников надо спасать. А спасение в таких случаях только одно. Освободиться надо от тех, кто сумел повязать ценных работников. Если не получается по всем правилам, значит надо на время забыть о правилах. Понимаете, о чем я?

– Вы хотите, чтобы я это делал? – удивился Валевный.

– А кто? Я? Разве у вас нет людей, которым вы можете поручить это дело?

– Олег Степанович, что вы такое говорите? Кто на такое

пойдет?

– Кормиться у бандитов безопаснее?

Министр задержал шеей. Ему стал тесен воротник. Он понизил голос.

– Как вы вообще можете говорить о таком? Тут у вас наверняка все нашпиговано.

– Уже не нашпиговано, – успокоил его Носков.

Но Валебный продолжал полушепотом:

– Поймите, кто кормится у бандитов, тут же побежит к ним и доложит. А кто принципиально не кормится, тот тем более не подпишется на такое дело. Это ж рано или поздно всплывет. Как вы не понимаете? Как вы вообще можете предлагать мне такое?

Носков посмотрел на него уничтожающим взглядом:

– Знаете, у Гоголя есть загадочная фраза: пока не сделаешь дурно, до тех пор не сделаешь хорошо. Закон, генерал, только тогда закон, когда за ним стоит сила. У нас такой силы нет, и не будет до тех пор, пока мы ее не создадим. Поверьте на слово, об этой силе мечтают многие главы государств. Но не у всех хватает духу перейти от мечтаний к действиям. Я решил поговорить с вами откровенно потому, что знаю: этот дух у вас есть. И понимание момента, вижу, есть. Несколько сотен негодяев мешают подняться сотням тысяч людей. Ну почему мы должны миндальничать с негодяями?

Валебный слушал внимательно, его лицо выражало понимание. “Неужели согласится? – подумал Яшин. – Вот будет

потеха!” Но генерал глухо ответил:

– Нет, Олег Степанович, что хотите со мной делайте, я – пас. За такие дела мне Кравчук погоны сорвет и на парашу посадит.

Носков хотел сказать в ответ что-то резкое, но ему помешала возникшая на пороге Кира Стежкина.

– Господин президент, звонят из Киева, из администрации Кравчука.

– Чего они хотят?

– С вами будет говорить Леонид Макарович Кравчук.

Носков оживился.

– Ха! Легок на помине.

Он снял одну из трубок и не меньше минуты молча слушал президента Украины. Потом неожиданно тепло произнес:

– Спасибо, Леонид Макарович, за поздравления. Вы мудрый человек. Я никогда не терял надежды, что мы найдем общий язык. Спасибо, обязательно приеду. Нет, сначала к вам в Киев. В Москву – потом. У Крыма, как вы знаете, были экономические связи со многими регионами России. Надо восстанавливать. Чем лучше будут жить крымчане, тем меньше забот будет у вас, Леонид Макарович.

Разговор продолжался еще минут пять. Положив трубку, Носков сидел некоторое время в задумчивости. Потом повернулся к Валебному и сказал доверительно:

– Генерал, сроки меняются. Не через два месяца, а че-

рез две недели предприниматели и директора предприятий Крыма должны платить налоги только в казну Крыма. Если хоть один из них скажет мне, что он продолжает платить бандитам, вы будете заменены. Если будут какие-то затруднения, звоните, приходите. Я поддержу вас незамедлительно. И не сомневайтесь: президент Украины меня поддержит. Работайте, генерал.

Валербный хотел что-то сказать, но Носков уже протягивал ему руку, а в кабинет уже входили другие посетители. Генерал потоптался в нерешительности, потом подошел к Носкову и сказал ему на ухо:

– Знаете, какая штука бывает в курятнике? Курицу сталкивают с насеста другие курицы, и она разбивается насмерть.

Носков хмыкнул:

– Это как же так? У нее ж крылья.

– Не успевает подумать.

– Это вы к чему? К тому, что вам надо подумать?

– Это вам надо подумать, – сказал Валербный.

Генерал сел в свою черную “волгу” и велел водителю поколесить по городу. Надо было собраться с мыслями. В целом министр был доволен собой. Молодец, не продавился, устоял. А ведь какая падла этот Носков. Как давил, как распял. Знает, сволочь, что в каждом нормальном менте тихонечко сидит мечта – посрубать головы уголовной гидре. В последние годы, когда бандиты стали превращать в юридических проституток оперов, следователей, судей, работников коло-

ний и тюрем, эта мечта вообще лишила Валебного внутреннего покоя. По природе он был правильный мент, которого невозможно купить. А Кузьмин, можно сказать, растлил его поддержкой, деньгами, выращивая из него личного верного пса. И Валебный хотел освободиться от цепи, выбраться из конуры. Но Носков предлагал ему союз не против мафиозного Кузьмина, а против уголовного Брагина. Если Брагин и отбирал жирные куски, то главным образом у людей Кузьмина, директоров предприятий и фирм. И если бы Валебный вдруг решил наказать Кузьмина, ему следовало бы вступить в союз именно с Брагиным, а не убирать его, о чем размечтался Носков. В общем, ему с президентом все-таки не по пути. Почему же тогда этот необычный разговор так взволновал ему кровь? Да потому что с этим Носковым можно делать все, неожиданно подумал Валебный. Если он дошел до такой идеи, в связке с ним можно делать все! От этой мысли генерал вспотел еще больше и беспокойно посмотрел на водителя. Ему вдруг показалось, что он произнес свою догадку вслух.

Но через несколько минут ему в голову пришла простая мысль: освободившись из одного плена, он тут же попадет в другой, еще более опасный. Так что не стоит дергаться. Надо делать свое дело, которое заключается чаще всего в очень выгодной продаже информации патрону. И Валебный велел водителю ехать на дачу к Кузьмину.

Федор Федорович играл в шахматы с сыном. Слушая ге-

нерала, он ни на секунду не оторвался от игры. Валебный понял, что принес важную новость. Когда старика что-то очень волновало, он выглядел особенно спокойным и равнодушным.

– Ну и какой ты сделал вывод? – спросил Кузьмин, делая ход фигурой.

– Выводы за вами, – отозвался генерал.

– Ну а все-таки?

– Какой он на хрен демократ? Он даже не юрист. Ему, по моему, все законы – по фигу. Обыкновенный беспределщик.

– Ну, это психология, – заметил старик. – А практический вывод какой?

Валебный пожал квадратными плечами. Кузьмин молча смаковал момент. Зуев не выдержал.

– Ну, просвети нас, неразумных.

Кузьмин вздохнул.

– Нет, ребята. Язык не поворачивается. Говорят, мысль изреченная есть ложь. Нет. Мысль изреченная – есть руководство к действию. Пусть лучше Носков сломает себе голову на этом деле. А мы постоим в стороне, посмотрим.

Валебный понял, что разговор окончен, и поднялся с кресла. Кузьмин открыл сейф, пошелестел купюрами и протянул конверт. Министр на ощупь вычислил: не меньше тысячи долларов. Невелика сумма, но и на том спасибо. Деньги никогда не бывают лишними.

Глава 33

Лариса и Денис венчались тайно, без свидетелей. Обоих торопило время. Ларисе хотелось поскорее заарканить богатенького Буратино, как она про себя называла Дениса. Гаврина подгонял Брагин, которому не терпелось поскорее посадить президента на пальчик.

Молодой священник с редкой бороденкой и красными влажными губами положил руку Дениса на руку Ларисы и спросил молодую женщину:

– Не обещалась ли иному жениху?

– Никому я не обещалась, – со смешком ответила Лариса.

– Нужно сказать кротко и тихо: не обещалась, – мягко поправил священник.

– Не обещалась, – Лариса старалась повторить интонацию попа, но все равно прозвучало не так.

Священник дал им испить вина из чаши по три маленьких глотка. Сначала Денису, потом Ларисе. И затянул высоким голосом молитву:

– Господи, Боже наш, приди сюда к нам невидимым своим предстательством и благослови брак сей, и подай рабам Твоим сим жизнь мирную, долгоденствие, любовь друг к другу в союзе мира, семя долго жизненное, неувядаемый венец славы, сподоби их увидеть чад своих, ложе их сохрани ненаветным...

“Мама дорогая, скорее бы закончился этот цирк, еще минута и меня стошнит”, – думал Денис.

“Все-таки я его заарканила”, – думала Лариса, радуясь, что провела всех: и мужа, с которым не развелась, и отца, который был категорически против этого брака.

Глава 34

Президент Носков вошел в приемную президента Украины. Ему предложили снять пальто в маленькой соседней комнатке, где безо всяких церемоний обыскали, и очень удивились, когда обнаружили под рубашкой легкий пуленепробиваемый жилет.

– А это зачем? – спросил один из сотрудников охраны.

– Мне это не мешает, – ледяным тоном ответил Носков.

Чтобы поприветствовать гостя, Кравчук вышел из-за стола. У него, как у многих украинских пожилых мужчин, была серебряная седина и молодые хитрые глаза.

Они пожали друг другу руки и сели напротив друг друга за приставным столиком, как равный с равным. Носков оглядел быстрым взглядом большой кабинет, батарею телефонов.

– 73 процента голосов – это рекорд. Никто не набирал больше на всем пространстве СНГ, – сказал Кравчук. – Не зазнаетесь?

Носков потупил глаза.

– Бог с вами, Леонид Макарович. Я все-таки не мальчик.

– Мне нравится, что вы – юрист, – вкрадчиво произнес Кравчук. – Это обнадеживает.

– Выйду в отставку, буду читать студентам юрфака конституционное право, – сказал Носков.

Кравчук на мгновение зажмурил глаза.

– Замечательно! Мы должны, наконец, научиться жить по закону.

– И по исторической справедливости, – ввернул Носков.

Кравчук пропустил эти слова мимо ушей. Его отвлек телефонный звонок. Выслушав какое-то сообщение, он положил трубку и сказал:

– Вас можно поздравить?

Носков улыбнулся:

– Вы меня уже поздравили, Леонид Макарович.

– Ваша дочь только что обвенчалась, – сказал Кравчук.

Носков переменялся в лице. А Кравчук притворно вздохнул и откинулся на спинку стула.

– Я вас понимаю: детьми иногда труднее управлять, чем целой страной. Ну да ладно. Давайте о делах. До меня дошли сведения, что Дума намерена принять заявление, в котором Севастополь будет назван российским городом. Вы, конечно, поедете в Москву и будете вести свои переговоры. Так вот, хочу, чтобы вы знали: Украина никогда не согласится с таким решением. Ни-ко-гда. И нас в этом поддержит весь цивилизованный мир. Но больше всего мне хочется, чтобы это осознали вы. Так что давайте не будем вести эту войну указов. Вы будете переходить на московское время, я – делать ответный ход. Зачем нам начинать с конфронтации? Давайте начнем с сотрудничества.

– А чем Украина может помочь Крыму? – спросил заинтересованно Носков.

– А она уже помогает. Мы согласились признать ваше избрание легитимным, хотя сами выборы противоречили Конституции Украины. Разве этого мало? А что делает Москва? Регионы России прервали все экономические связи с предприятиями Крыма. Единственная помощь – это те сто десять тысяч, которые передали вашей партии. Но это помощь партии, а не народу Крыма, которому живется трудно. Да, Украине сегодня нелегко. Экономика в упадке. Но и в России положение немногим лучше. Не думаю, что вы будете встречены в Москве с распростертыми объятиями. Ельцин не примет вас, даже не мечтайте. И если я говорю вам это, значит, имею серьезные основания.

Кравчук смотрел на Носкова, как гроссмейстер политической игры на перворазрядника.

Напоследок он сказал:

– Олег Степанович, я хочу, чтобы вы смотрели на свое положение без вредных иллюзий. Что такое выборы? Это политическая ярмарка с аттракционами. Вам удалось победить. Вы вскарабкались на верхушку скользкого столба. Но как теперь усидеть? Вас не мучает этот вопрос?

Глава 35

В тот же день Носков вернулся в Симферополь. Яшин никогда еще не видел его таким взвинченным. Президент Крыма метался по кабинету и негодуяше орал:

– Я чувствовал, что под колпаком у пана Кравчука. Но не предполагал, что до такой степени. Безпека контролирует не только меня, но и всю мою семью. Каждое движение, каждый вдох и выдох. Они хотят парализовать мою волю, сковать, смять, размазать.

Вошел Цыганков, остановился в дверях, не решаясь идти дальше. Он уже знал подробности визита шефа в Киев. Легкой тенью проскользнул в кабинет Иванов и замер в той же почтительной позе. Носков, наконец, успокоился, сел за стол, жестом предложил сесть своим приближенным.

– Докладывайте.

Цыганков говорил монотонно. Суть его доклада сводилась к тому, что главы местных администраций, начиная с мэра Симферополя, игнорируют все его распоряжения.

Носков прервал Цыганкова.

– Николай Валентинович, они игнорируют вас, потому что вы лезете в экономику и хозяйственные дела. Займитесь своими прямыми обязанностями.

Цыганков, будь он посмелее, мог бы ответить, что игнорируют в первую очередь не его, а самого президента. Но

вместо этого он вскочил со стула и замер по стойке смирно в ожидании приказа.

– Я лечу в Москву. Обеспечьте полет, – распорядился Носков

В руках Цыганкова появился блокнот и ручка.

– Кто с вами? Каким рейсом?

– Со мной Андрей Васильевич и Федулов. Больше никто. Вообще, ни одна живая душа не должна знать, когда я лечу. Мало ли какой соблазн может возникнуть у моих друзей из Безопасности.

– Если вы полетите гражданским самолетом и обычным рейсом, то сохранить это в тайне едва ли удастся, – сказал Иванов.

Глава службы безопасности был прав.

– Черноморский флот может дать самолет? – спросил президент.

– Палубный истребитель?

Яшину показалось, что Иванов придуривается.

– Какой к черту истребитель? – возмутился Носков. – Обычный военно-транспортный самолет.

Иванов замялся.

– Мне нужно связаться с аэродромом в Бельбеке.

– Договаривайтесь с Бельбеком, с кем угодно, но чтоб завтра мы были в Москве, – приказал Носков.

– Слушаюсь, – Иванов быстрыми шагами вышел из кабинета.

А Носков уже инструктировал вполголоса Цыганкова.

– Свяжитесь с Шелепугиным, сообщите о моем визите.

Только Шелепугин, никому за пределами Кремля не известный начальник одного из управлений администрации президента России, поддерживал связь с администрацией Носкова.

– Пусть обеспечит самое главное – мою встречу с Ельциным, – продолжал Носков. – Без его слова со мной никто разговаривать не будет. Разве что в Думе. Но сочувственные речи мне сейчас не нужны. Мне нужны для начала пенсии в рублях и вхождение в рублевую зону.

– Вы меня не берете? – обиженным тоном спросил Цыганков.

– А кто тут будет на хозяйстве?

– Иванова тоже не возьмете?

– А кто тут будет держать руку на пульсе? А чего вы о нем хлопчете? – насторожился Носков.

– Просто не уверен, что один Федулов обеспечит вашу безопасность.

– А что мне может грозить в Москве?

– Ну, мало ли. У Безпеки руки длинные.

– Не надо так сильно за меня беспокоиться, – в голосе Носкова появились язвительные нотки.

Когда Цыганков удалился, президент достал из бокового ящика стола блюдо с орешками и начал ими хрустеть. Яшин сидел молча, прокручивая в голове ситуацию. Шан-

сов на встречу с Ельциным было, прямо скажем, маловато. Кроме того, вопреки распространенному мнению, что президент России этакий крутой мужик, Яшин подозревал, что Борис Николаевич бывает трусоват. Хотя, если вдуматься, особой политической смелости для встречи с Носковым не требовалось. Дело-то, в конце концов, не столько в президенте Крыма, сколько в сплошь русском населении Крыма, которое связывало сегодня надежды на нормальную жизнь только с Россией. Не проявив внимания к Носкову, Ельцин послал бы тем самым большой плевок в сторону всего населения Крыма. Не понимать этого – полная дурь.

– Ну и какие у меня шансы? – спросил Носков, покончив с орешками. – Что будем делать, если рыбак не оторвется от своей удочки в Завидове? С кем встречаться, если не считать думских балаболок?

– Наверно, с теми, кто не боится Ельцина. Из глав регионов это Шаймиев.

Носков оживился.

– Хорошая мысль. Дружба с Татарстаном снимет многие проблемы с нашими татарами. Плюс нефть. Если Казань будет гнать нефть за рубеж через наши порты, Крыму тоже перепадет. А ты уверен, что Шаймиев не боится Ельцина?

– Ну, кто ж не боится сумасброда? Ельцин вовсе не против вернуть Крым или, по крайней мере, подтянуть его к России. Только хочет сделать это чужими руками. Но я думаю, Шаймиев тоже не захочет светиться. Ему небезразлично, как к

нему относится Турция и крымские татары, которые не любят тебя.

– Зачем тогда добиваться его дружбы?

– Он даст отмашку своим нефтяным баронам, а сам будет в стороне.

Лицо Носкова приобрело задумчиво-мечтательное выражение. Кажется, он забыл, что Яшин тут, совсем рядом и смотрит на него изучающим взглядом. Наконец, он вострепелся, прогнал тайные мысли и сказал:

– Где-то я читал, что политика – это постоянный выбор из двух зол. То, что Украина сегодня – зло для Крыма я уверен на сто процентов. Но неужели и Россия – зло? Бред. Не могу в это поверить.

Глава 36

Носков, Яшин и Федулов вошли по трапу со стороны хвоста, и военный стюард задраил дверь. Внутри было холодно. Носков, одетый в легкое пальто, зябко передернул плечами.

– Сейчас взлетим, и станет тепло, – сказал стюард.

В это верилось с трудом. Это как должно работать отопление, чтобы согреть нутро огромного самолета? Но уже в первые десять минут полета действительно стало теплее. Однако Носкова продолжало знобить. Он рассмеялся.

– Это чисто нервное. Думаю, вдруг братья-украинцы пальнут? Более идеального покушения трудно придумать.

Предчувствие не обманывало президента. В эти минуты министру обороны Украины позвонил Лисовский. Доклад состоял всего из двух слов:

– Он в воздухе.

Полковник обязан был доложить, и теперь не без внутреннего трепета ожидал ответа. Одно слово министра, и ракета земля-воздух понеслась бы на перехват военно-транспортного самолета, где летел Носков.

– Отбой, – сказал министр.

Нет, он не пожалел Носкова. Он ненавидел его всеми фибрами. Ему было жаль летчиков, их жен и детей.

Приземлились на подмосковном военном аэродроме “Чкаловское”. Стюард открыл чрево самолета. Первым по

трапу, как и положено, спустился Федулов. Он вертел во все стороны головой, не вынимая руки из-под мышки, где висела кобура с пистолетом. Такое поведение выглядело, по меньшей мере, смешным, поскольку на огромном поле, выложенном бетонными плитами, не было ни души.

Яшин подколол его:

– Игорь, расслабься, ты не в Киеве.

Подъехала черная “волга”. Из нее вышел офицер. Несколько секунд он переводил глаза с Носкова на Федулова, пытаясь понять, кто же из них президент Крыма. И...отдал честь Федулову. Это заметно расстроило Носкова. Он увидел в этой накладке плохой знак. К тому же он был уверен, что его встретит как минимум Шелепугин. А тот, как видно, не снизошел.

Носков не знал, что Шелепугин просто не смог приехать. Он связывался в это время то с Батуриным, то с Шахраем, но те, сначала согласившись, теперь отказывались встречаться с крымским президентом, опасаясь, что информация об этом контакте просочится в Киев. В атмосфере полнейшей неуверенности никто не хотел принимать никаких решений. Все ждали, что скажет президент Ельцин. А Ельцин боялся огласки ничуть не меньше своих подчиненных. Когда ему доложили, что президент Крыма ждет аудиенции, он гонял бильярдные шары. Опрокинув очередную рюмку коньяка, Ельцин раздраженно сказал:

– Скажите этому...как его... что у меня ангина. Или

грипп. Ну, придумайте, что-нибудь. Всегда нужно подсказывать, понимаешь.

Шелепугин принял Носкова в старинном особняке в одном из арбатских переулков, похожем на конспиративную квартиру какой-нибудь спецслужбы. До сих пор их знакомство ограничивалось разговорами по телефону, и первые минуты встречи они с интересом приглядывались друг к другу. Носков не скрывал, что разочарован приемом.

– Не обижайтесь, Олег Степанович, – сказал Шелепугин.

У него было грубое лицо и грубый голос. Вроде, извинился. А прозвучало: мол, не хрена губу дуть, скажи спасибо, что тебя вообще принимают.

Носков сухо бросил:

– Я должен знать, примет меня Ельцин или не примет.

Мне некогда здесь засиживаться.

Если он хотел поставить Шелепугина на место, то это у него получилось.

– Давайте подождем денек, – голос Шелепугина зазвучал гораздо мягче. – Борис Николаевич нездоров, у него грипп.

– Зачем вы тогда давали добро на мой прилет?

– Президент заболел совершенно неожиданно.

Интонация Шелепугина говорила о том, что он сам не верит в это объяснение и сочувствует президенту Крыма.

– Хорошо, давайте тогда хоть чем-то заниматься, – предложил Носков. – Можно хоть что-то делать без одобрения Ельцина?

– Можно, – обрадовано сказал Шелепугин. – Тут на встрече с вами рвется Сарычев. Помните, был одно время министром экономики? Он крымчанин, говорит, душа болит за малую родину.

– Крымчанин, говорите? – переспросил Носков. – А чего с министров турнули?

– Ну, вы знаете, какая у нас бывает чехарда. Вины Сарычева тут нет. Очень порядочный парень.

– Хорошо, я поговорю с ним, но только после встречи с Борисом Николаевичем.

Это условие явно не понравилось Шелепугину, но он промолчал.

Носков провел в шикарном номере “Президент-отеля” два дня. Звонили и приезжали думцы, поддерживавшие его сепаратистские лозунги. Привозили дорогие напитки и разную снедь. Произносили сочувственные речи. Носков старался выглядеть бодро. Но Яшин видел, что это всего лишь маска. На самом деле Носкова все раздражало: спиртное, деликатесы, болтовня. Он ждал звонка от Шелепугина. Но тот не звонил.

– Кравчук меня принял, а Ельцин не хочет. И этот человек считает себя мировым политиком! – возмущался Носков, когда остался в номере с Яшиным и Федуловым.

Яшин дал знак: мол, тут наверняка все начинено прослушкой. Но Носков отмахнулся. Он хотел, чтобы российская власть услышала его хотя бы таким образом.

– Этак Россия может потерять Крым безвозвратно, навсегда.

Спустя несколько минут позвонил Шелепугин и сказал, что надежд на встречу с Ельциным нет никаких.

– Как насчет встречи с Сарычевым? – напомнил Шелепугин.

– Пусть приезжает, – сказал Носков.

– Я пришлю еще одного парня, – сказал Шелепугин. – Может, пригодится. Его фамилия Воротников. Я всецело на вашей стороне, Олег Степанович. Мы должны отстоять Крым, и мы его отстоим.

Сарычев, появившийся в компании Воротникова, желая произвести на Носкова впечатление, излагал свои воззрения в популярной форме.

– Считается, что любая реформа заставляет людей затягивать пояса ради будущих поколений. Это полная чушь. Реформа может давать отдачу сразу. Тем более в Крыму. Республика не получает из Киева субсидий. Зато все налоги остаются на месте. Автономность в налоговой области – этого вполне достаточно, чтобы поправить бюджет, создать стабилизационный фонд, выровнять политическую ситуацию и начать развивать самый главный источник доходов – курортный бизнес.

Носков прервал Сарычева:

– Украинское законодательство как раз мешает организации мелкого бизнеса, на котором зиждется процветание ку-

рортного дела.

– Значит, надо ввести для малого бизнеса налог на вмененный доход, – важно попыхивая трубкой, продолжал Сарычев. – Любой человек, желающий открыть свое дело, покупает лицензию и ежемесячно платит приемлемую по крымским меркам сумму. И больше никаких налогов. Эта мера плюс точечные льготы по НДС для немногих предприятий позволят в считанные месяцы наполнить бюджет.

– И вы готовы назвать эти предприятия? – спросил Носков.

– Конечно, – невозмутимо отвечал Сарычев. – Как директор института инвестиционных проблем, я хорошо знаю ситуацию не только в России, но и в других странах, в том числе на Украине. Знаю и положение в Крыму, ведь я сам крымчанин.

Носков вопросительно посмотрел на Яшина. Советовался взглядом, как поступить? Яшин ответил мимикой: этого человека можно использовать.

Носков помолчал и неожиданно спросил Сарычева:

– Вы могли бы у нас поработать? Ну, хотя бы полгода?

Тот медленными движениями набил табаком трубку.

– В каком качестве?

– В каком сочете нужным.

– Это дело тонкое, – Сарычев попыхтел трубкой, но она никак не разгоралась. – В Киеве скажут: приехал московский империалист.

– Мне плевать, что скажут в Киеве, – отмахнулся Носков.

– На самом деле я считаю, что Крым может существовать в рамках Украины и при этом не отрываться от русской культуры, – сказал Сарычев.

– Вы слишком хорошего мнения об украинских политиках, – возразил Носков. – Если им удастся скинуть меня и оседлать Верховный совет Крыма, они тут же начнут украинизацию государственной службы и учебных заведений. Все стоны о деградации украинской нации служат лишь прикрытием для уничтожения на Украине русской культуры.

– Может, и так. Вам виднее, – согласился Сарычев. Ему явно не хотелось пререкаться Носковым. Но тот уже смотрел на своего собеседника с недоверием.

Вмешался Воротников, сменил тему разговора.

– Олег Степанович, мне поручено довести до вашего сведения, что многие в России с интересом смотрят на вас. Если вам удастся подавить преступность, это станет примером для других стран СНГ, в том числе и России. Но если отойти от предвыборной риторики, каковы ваши шансы? И насколько вы рискуете при этом собственной безопасностью и безопасностью вашей семьи?

– А почему это вас так интересует? – спросил Носков.

– Я выполняю поручение Шелепугина. Как сотрудник ФСК, – многозначительно произнес Воротников.

Носков посмотрел на него удивленно.

– Можно взглянуть на ваши удостоверения?

Документы были в порядке.

– И какое же поручение дал Шелепугин?

– Оказывать вам всемерное содействие. Я готов уволиться и перейти в ваше распоряжение.

– То есть переехать в Крым?

– Так точно.

Носков переглянулся с Яшиным: вот так поворот! Сарычев положил свою трубку в футляр и поднялся:

– Ладно, ребята, мне пора. Не буду вам мешать.

Яшин и Федулов вышли из номера вместе с Сарычевым. А Носков шептался с чекистом еще не меньше часа. Вернувшись в номер, Яшин отметил, что президент заметно повеселел.

– У меня возникла парадоксальная идея. Хочу предложить Сарычеву пост вице-премьера.

Яшин призадумался. Сарычев производил впечатление умного человека. Единственное, что смущало – его честолюбие.

Носков рассыпал смешок:

– Ну и черт с ним. Пусть ведет себя, как передовой баран. От этого он не перестанет быть бараном.

В тот же день они вернулись в Симферополь.

Глава 37

На очередном заседании администрации Носков представил новую сотрудницу – ярко разодетую, аппетитную женщину с красивым татарским лицом.

– Прошу любить и жаловать. Зульфия-ханум, будет заниматься у нас межнациональными отношениями.

Это назначение созрело. Кто-то должен был отвечать за непростые отношения Носкова с крымскими татарами. Но у Иванова после слов президента почему-то вытянулось лицо, а Цыганков сделал большие глаза.

После заседания глава администрации завел Яшина к себе в кабинет.

– Вы знаете, что такое ханум?

– Кажется, госпожа.

– Она ханум только для тех, кто ее не знает. У нее судимость! Конечно, откуда вам знать? Но этого не может не знать президент. Вы его друг. Спросите у него: что он делает?!

– Погодите, с чего вы взяли, что у нее судимость? За что ее судили?

Цыганков саркастически рассмеялся.

– Пустяки, мужа пырнула ножом.

Яшин почесал за ухом: ну и дела!

– Поговорите с президентом, – попросил Цыганков. – Мо-

жет, он к вам прислушается.

Яшин выбрал момент и спросил у Носкова про Зульфию-ханум. Ответ поразил его.

– Гордая женщина ответила на оскорбление. Каждый имеет право постоять за себя. Суд это учел и назначил наказание, не связанное с лишением свободы. Условный срок истек, судимость снята. Какие могут быть вопросы?

Яшин пустился в рассуждения: как может человек с судимостью работать на таком уровне? Это невозможно в принципе.

– Откуда она вообще взялась?

– Когда-то она открыла коммерческую фирму, я работал у нее адвокатом, – терпеливо пояснил Носков, хотя мог бы не вдаваться в такие подробности. – Зульфия очень знающий, очень работоспособный человек. Ей можно поручить любое дело, и она никогда не станет просить помощи, все сделает сама. Помимо межнациональных отношений она будет налаживать связи с Татарстаном.

– Но, говорят, у нее неважная репутация среди своих татар.

– Это все от зависти.

Носков приоткрывал карты. Татарстанская нефть была для него важнее симпатий крымских татар. И это, в общем-то, можно было понять. Татарстан мог помочь в оздоровлении экономики, в наполнении бюджета, а какой толк со своих татар? Ничего с ними не сделается. Подобреют, ко-

гда жизнь наладится. Цинично? Безусловно. Но вся политика строится на цинизме.

– Ну а теперь говори, кто тебя настропалил, – Носков усмехнулся. – Цыганков? Цыганков! Больше некому. Полковник мнит себя вторым лицом, вице-премьером, хочет быть ближе к уху. Кондовый армейский интриган. Представляю, как он всполошится, когда узнает о Сарычеве. Хочешь посмотреть на эту картину? Посиди в комнате отдыха.

Яшин видел по монитору потрясающую сцену. Носков сидел в своем кресле, а глава администрации стоял перед ним на коленях и умолял не назначать Сарычева вице-премьером.

– Не валяйте дурака, полковник, – говорил Носков. – Встаньте. Вдруг Кира войдет. Как вы будете ей в глаза смотреть?

– Не делайте этого, мой президент! Последствия будут непредсказуемыми – крымская элита не простит вам этого, – молил Цыганков. – У нас своих грамотных экономистов хоть пруд пруди.

– Назовите мне хотя бы одну фамилию, – потребовал Носков.

Глава администрации промышчал что-то нечленораздельное. Президент брезгливо поморщился.

– У вас может быть только одна кандидатура – вы сами. Валяйте, чего скромничать?

Цыганков поднялся с колен и сказал твердым голосом.

– Если вы поставите Сарычева, я тут же подам в отставку. Надеюсь, вы понимаете, что это означает? У вас без того непростые отношения с адмиралом Балтиным. На кого вы обопретесь в трудную минуту? На вчерашних военных учениях Кравчук появился в военной форме. Вам это ни о чем не говорит?

Носков рассмеялся.

– Это ответ пана Кравчука на мой указ о переходе на московское время, не больше.

– У меня и Иванова есть другие сведения, – многозначительно произнес Цыганков.

– То есть? – насторожился Носков.

– Киев готовится к введению в Крыму прямого президентского правления.

– Давайте сюда Иванова! – потребовал Носков.

Глава службы безопасности появился почти мгновенно. Похоже, он сидел у себя в кабинете и только ждал этого вызова. Он подтвердил сказанное главой администрации и прибавил две впечатляющие детали. В Крым под видом строительной бригады прибыл еще один отряд оуновцев. Всего, таким образом, число западно-украинских боевиков приблизилось к 300. А мэр Симферополя Правдюк распорядился о срочном ремонте одного из особняков, где, по всей вероятности, разместится со своим аппаратом наместник Кравчука в Крыму. Последний факт особенно взвинтил Носкова. Он тоже собирался обзавестись особняком, где можно было не

только работать, но и жить, но Правдюк поклялся, что свободных помещений в городе нет.

– Я хотел бы озвучить еще одну информацию, – тихо сказал Иванов.

Носков насупился.

– Что еще?

– Нет, эта информация из разряда приятных. В Крым, для встречи с вами собирается приехать посол США на Украине. И еще... Один из крымских бизнесменов, который ведет дела на Кипре, уверяет, что он мог бы привести сюда к нам значительные инвестиции. Просит встречи с вами и готов устроить вам приглашение лично от президента Кипра.

Носков поднялся и начал расхаживать по кабинету. Верный признак нервного возбуждения.

– Что ж, я готов к этой встрече, – сказал он своим царедворцам.

Федулов тут же позвонил Брагину и доложил обстановку.

– Это какая-то замануха, – сказал Максим. – Наш президент совсем потерял чутье. Ну, подскажи ты ему, что любые инвестиции можно найти прямо здесь, у себя дома. Зачем везду куда-то летать?

– Я уже пытался отговорить его, – шептал Федулов. – Не слушает. Не лезь, говорит, не в свои дела. Обозлился. Не хочет меня брать с собой.

– Тогда это точно замануха, – сказал Брагин.

Глава 38

После выборов Носковы как бы вернулись в свою маленькую квартиру. На самом деле переехала одна Галина. Носков работал допоздна и, чтобы не утомлять водителя и охранников, ночевал в комнате отдыха. Жене президента это не нравилось, но она не спешила со скандалом. Снова доставалось Сереже, охраннику Галины. В отсутствие Носкова спать в квартире ему было неудобно, и он мучился в “запорожце”, о чем Носков, естественно, не знал.

После поездки в Москву он приехал домой с единственной целью – показать дочери подаренную Кравчуком фотографию. Пусть знает, как подставила отца. Но Ларисы и Дениса не было. Молодожены уехали в свадебное путешествие на Канары.

– Есть по жизни многоженцы, и с этим все ясно, – стал выговаривать Галине президент. – Но есть, оказывается, еще и многомужки... Тьфу! По-моему, в русском языке слова-то такого нет.

– Есть будешь? – буднично спросила Галина. – У меня вареники с вишней.

Жена хотела угодить. Но Носков увидел в этом то, что хотел увидеть: жена с дочерью в сговоре. И совсем разбушевался.

– Вы посадили меня на крючок. В любой момент эта фо-

тография может попасть в газеты. Что тогда? Что говорить? Как объяснять? Позор на весь мир!

Галина ответила спокойно:

– У тебя была возможность поговорить с Денисом, но ты не захотел. Тебе было не до того. Хотя, на самом деле, думаю, все не так уж страшно. Нужно только Лариске быстренько развестись с Алексеем.

– А если он не захочет дать развод? А он наверняка не даст. Что тогда? Так и будет жить дочь президента – формально с двумя мужьями? Знаешь, что в таких случаях люди говорят? Ты хоть паспорт этого Дениса видела?

Носкова посмотрела на мужа снисходительно:

– Это первое, что я сделала, когда он к нам пришел в санаторий. Предложила снять пиджак и увела в другую комнату, а потом вернулась и проверила. В паспорте у него московская прописка. А в удостоверении написано, что он вице-президент банка. Известный, между прочим, банк. Денег в бумажнике не было, и это меня удивило. Но я нашла пластиковую карточку. Лариса говорит, что на его личном счету не меньше миллиона долларов. Причем он долларový, а не рублевый миллионер!

Носков слушал жену, прикрыв глаза. То, что она говорила, было ему не интересно. Его занимали совсем другие мысли.

А Галина между тем давала волю своему раздражению, рассчитываясь за то, что муж не ночует дома.

– Это у тебя никогда не было ничего светлого по отно-

шению к женщинам. А Денис любит Ларисочку, я это вижу. Лучше бы оценил тактичность молодого человека, его воспитанность. Видеть его не хочешь. Другой бы оскорбился, а он терпит. Знаешь, в чем твоя беда, Носков? Ты слишком трезвый человек. Раньше я часто думала: ну хоть бы он раз напился. Хоть бы раз я увидела его расслабленным. Или ты предпочитаешь расслабляться в мое отсутствие? Спрашиваешь, откуда взялся Денис. А откуда взялась эта ханумка, сказать не хочешь? Тебе стыдно за дочь, а мне и дочери стыдно за тебя. Неужели ты не понимаешь, что сегодня – не то, что раньше. Сегодня обсуждается каждый твой шаг. Откуда взялась эта турецкая шпионка? Где ты ее подобрал? Зачем за ней служебную “волгу” прикрепил? Зачем охрану приставил? В чем ее ценность?

Носков обалдело смотрел на жену. Она никогда с ним не разговаривала подобным тоном. И тем более не должна была так разговаривать теперь.

– Это ты для народа – президент, – совсем разошлась Галина. – А для меня ты такой же муж, каким был раньше. Не надувай щеки. После инаугурации ты нисколько не поумнел. Не можешь понять простой вещи – я теперь гораздо больше тебе нужна, чем ты мне.

– Кто тебе сказал, что Зульфия – турецкая шпионка? – тихо спросил Носков, других слов жены он, похоже, не услышал.

Галина усмехнулась с чувством превосходства:

– Я ж говорю: ты не поумнел. Что-то тебе мешает видеть вещи в их истинном свете. Каждый крымский татарин, Олег, мечтает, чтобы мы, русские, убрались из Крыма. И если этого татарина кто-нибудь попросит что-то сделать против русских, он сделает. Если, конечно, это несильно будет ему грозить. Татары – осторожный народ. А что может грозить Зульфийи-ханум, если у нее такой защитник? Ты, говорят, у нее адвокатом работал, так?

– Ну и что с того?

– Как же ты мог работать адвокатом, если такой ставки в ее фирме не было?

Президент грозно свел брови:

– Что ты мне устраиваешь?

– Следствие навожу. Ты меня достал, адвокат на ставке охранника.

– Откуда у тебя эта информация? – взревел Носков.

Галина избоченилась.

– Ага, так я тебе и сказала. У меня своя служба безопасности. Я тебя охраняю, твою репутацию. Со старушками твоими вожусь, с их пикетом, будь он неладен, любовь народную организую, а ты дома не показываешься, с ханумкой часами то воркуешь, то шоркаешься, люди к тебе на прием попасть не могут, ко мне бегут, просят посодействовать, как бы предстать перед твоими очами. С этим Правдюком глазки строю, резиденцию для тебя выпрашиваю. Ты ж у нас гордый, просить не хочешь. С предпринимателями встречаюсь, деньги

собираю в твой президентский фонд. У тебя ж Сережа последние полгода ни рубля не получил, и Федулов с ребятами до сих пор работают за спасибо. Ну, как же тебе об этом думать! У тебя в голове только государственные дела. А еще говорят, через два или три дня у тебя встреча с американским послом. И где ты его примешь? Чем угостишь? Какой подарок вручишь? Я об этом уже думаю. А ты? Во время приема американец наверняка обратит внимание на твои зубы. У них это не принято. Мне будет обидно. А тебе? Тебе нет. Я и об этом думаю: на какие деньги тебе зубы заменить. Почему ж ты на меня, как на врага смотришь? Как на какую-то тварь, которая тебя только позорит и мешает жить?

Носков смотрел на жену так, будто видел ее впервые. Он был не просто ошеломлен ее поведением. Она смяла его и разве что только ноги не вытерла.

– Ну, хватит, успокойся, – сказал он, обнимая супругу.

– Эх, ты! – из синих глаз Галины катились слезы.

Глава 39

Контр-адмирал Рыбаков подвел Зуева к вертолету Ка-25, снятому с только что проданного противолодочного крейсера “Москва”. Вертушка вылетала свой ресурс и не годилась для применения в боевых условиях, но просто так летать на ней можно было еще не один год.

Зуев сел за штурвал, осмотрел щиток приборов. В Югославии ему приходилось летать на двухместном французском военном вертолете. В первом же бою его подбили. Спасла линия электропередачи. Лопасты зацепились за провода. Зуев и летевший с ним Аркан отделались небольшими переломами. Через месяц, едва сняв гипс, они снова летали над позициями хорватов.

– Я могу слетать в Симферополь?

– Для начала – только с инструктором, – отозвался адмирал. – А без инструктора я бы советовал летать морем, вдоль берега. Все-таки горы...

– Я летал в горах.

– Надо знать рельеф, – стоял на своем Рыбаков.

Зуев взял у офицера-инструктора карту и изучал ее не меньше часа. Потом попросил проэкзаменовать.

– Однако, – удивленно произнес инструктор, получив удовлетворительные ответы на все вопросы.

Зуев нажал на кнопку стартера и уверенно взмыл в воз-

дух. Сидевший рядом инструктор вжался в сидение. Он не ожидал от ученика такой прыти. Они сделали круг над аэродромом, и Зуев посадил вертушку точно так же уверенно, как и поднял.

– Он прирожденный летчик, – сказал инструктор Рыбакову.

Зуев не стал скрывать своих планов:

– Я все-таки слетаю в Симферополь.

Женя Лаврова готовилась к урокам, писала сочинение на тему “Ваше представление о счастье”. “Я не могу точно сказать, что такое счастье, – писала девушка, – но мне не хотелось бы, чтобы это были деньги или даже много денег. На мой взгляд, счастье – это что-то нематериальное. Для меня будет счастьем, если вернется мама”.

Из другой комнаты пришел Артем, увидел на глазах Жени слезы и все понял.

– Они вернутся, – сказал Артем.

Он попробовал погладить Женю по голове, но девушка отшатнулась.

– Не трогай меня, пожалуйста. Ты что, уже написал?

– Нет, что-то не пишется.

– Я тоже не представляю, как можно писать о счастье целое сочинение, – согласилась Женя.

Зазвонил телефон. Девушка сняла трубку и услышала голос Зуева.

– Здравствуй, тетка.

– Здравствуйте, – голос у Жени зазвенел.

Ей захотелось, чтобы Артем немедленно испарился, но парнишка напротив, только наострил уши.

– Я звоню из Севастополя, – сказал Зуев.

– Что вы там делаете?

– Деньги.

– Деньги? – удивилась Женя. – И как вы их делаете?

– Я делаю их из юридически правильно оформленных документов. А ты чем занимаешься?

– Пишу сочинение на тему “Ваше представление о счастье”. Маркс ответил на этот вопрос одним словом “борьба”. А что бы ответили вы?

– Для меня счастье, когда ты рядом. А для тебя?

Женя замялась и с досадой смотрела на Артема.

– Ты не одна? – спросил Зуев.

– Да, тут Артем.

– Не давай ему списывать свое сочинение.

– Не дам, – пообещала Женя.

– Я скоро приеду, – сказал Зуев.

– Скоро – это когда?

– Минут через сорок.

– Не может быть, – удивилась Женя. – Как можно приехать из Севастополя через сорок минут?

– Ну, может, не через сорок, но через час – точно. Встречай меня возле стадиона.

Зуев понимал, что ведет себя, как мальчишка, но ничего

не мог с собой поделаться. Ему хотелось удивить Женю. Он перегрузил из автомашины в вертолет две охапки цветов и взмыл в воздух. Его душа пела, а организм качал адреналин. Он вспомнил, как был рад надеть черную униформу “тигров”. Правда, в ней было что-то ээсовское. Но в каждом обмундировании черного цвета есть что-то ээсовское. Потом он почему-то вспомнил, как они иногда дурачились после боев, когда никто не бывал ни убит, ни ранен: делали из тыкв маски и ездили по городу, забавляя и пугая людей. Они веселились с той беспечной и бесшабашной жестокостью, какая свойственна только молодости. Хотя, если разобраться, они просто радовались, что в очередной раз остались живы.

Женя сидела возле подъезда с Артемом и видела, как Зуев посадил вертолет на стадионе. Девочка была ошарашена не меньше местных жителей, только паренек смотрел исподлобья.

Зуев решил не откладывать выяснение отношений. Спросил прямо:

– Что такой грустный? Уж не хочешь ли меня убить?

Артемом отвел враждебный взгляд и ничего не ответил. Он был влюблен в Женю болезненно, как бывают влюблены мальчишки в девочек старше себя. Правда, она была старше всего на полгода, но все равно не принимала его всерьез.

– Я бы на твоём месте не торопился, – посоветовал Зуев. – Зачем нам враждовать? Давай я лучше подарю тебе мотоцикл, и будем дружить.

При слове “мотоцикл” глаза у Артема блеснули, и Зуев понял, что попал в точку. Он вынул из бумажника несколько 100-долларовых банкнот и протянул Артему.

– Не строй из себя гордого. Гордый – значит, глупый. Иди и купи себе мотоцикл. А я пока покатаю Женю. А потом тебя покатаю, если захочешь. Извини, но вертушка двухместная. А потом я тебя еще кое-чему научу. Ну!?

Артем не знал, как поступить. Доллары действовали магнетически. Но самолюбие брало верх. Зуев засунул деньги пареньку в карман и повлек Женю к вертолету.

Они взлетели под удивленные взгляды зевак. Женя с восторгом и страхом смотрела вниз. А Зуев смотрел на нее. Черт возьми, до чего ж хороша! А ведь будет еще лучше, когда красота пойдет в цвет. Все-таки он счастливый. Уцелел, вернулся, сел на бабки, отхватил такую девчонку. Господи, только бы и дальше все шло хорошо.

Глава 40

Позвонили из министерства иностранных дел Украины. Сообщили, что американский посол приедет не один, а с супругой. Носков поручил Иванову навести справки. Оказалось, жена посла не является сотрудником посольства США в Украине. Чего ради, в таком случае, прикатит с благоверным?

Иванов выдвинул свою версию:

– Американцы таскают с собой жен из чистого лицемерия.

Носкова это объяснение не удовлетворило, Он велел позвать Яшина и сказал ему:

– Черт знает, как их принимать. Выходит, я тоже должен быть с женой? И неясно: то ли ручку целовать, то ли ручку пожимать? То ли обед по всем правилам, то ли легкий фуршет?

Яшин точно помнил, что в Англии, Германии и странах Скандинавии руку дамам не целуют. Ограничиваются простым рукопожатием. В США наверняка то же самое. Что же касается жратвы, то чем обильнее, тем лучше. Все иностранцы страшные халявщики.

– Ну а чего ему надо, как думаешь? – спросил Носков. – Ведь не просто так едет. Какую хочет снять информацию?

Яшин ответил:

– Посол просто обязан познакомиться с тобой, что он и

делает. Он наверняка составит об этой встрече письменный отчет. И этим отчетом в госдепартаменте будут пользоваться долго. Так что нужно обратить эту встречу себе на пользу. То есть произвести самое благоприятное впечатление. Не думаю, что американцы в восторге от Кравчука. Они строят пану глазки, чтобы совратить, оторвать от России. Только и всего. По этой же причине они могут ненавидеть тебя. Ты мешаешь им откусывать южный край бывшей империи.

– То есть, хоть из кожи лезь вон, не полюбят?

– Похоже на то. Но не исключено, что посол потихоньку работает на какие-то деловые круги. Есть у них такая халтура. Если убедишь, что в Крыму будет спокойно и ты – заядлый рыночник, посол может подтянуть небольшие инвестиции.

Американец был лет пятидесяти пяти, но с молодым румянцем и тем особым искусственно здоровым цветом лица, который отличает иностранцев. Жена посла выглядела старше мужа. Она пристально рассматривала Носкова и Галину, словно считывала с их лиц только ей понятную информацию.

– По-моему, она психолог, – вполголоса сказал Яшин президенту.

Посол расслышал и заинтересовался:

– А как вы догадались.

– Может быть, мы будем говорить по-русски? – весело спросил Носков.

Посол раскатисто рассмеялся, хотя Носков не сказал ни-

чего смешного, и запротестовал.

– Нет-нет, будем говорить по-английски. Иначе моя жена ничего не поймет.

После веселого оживления посол перешел к деловой части разговора.

– Господин президент, как представитель США на Украине, я обязан способствовать тому, чтобы эта страна сохранила хорошие отношения со всеми своими соседями. И чтобы в самой Украине политическая ситуация становилась все более стабильной. Крым в этом смысле является как раз дестабилизирующим фактором. Крым напоминает нам очень дорогую вещь, которую одна сестра подарила другой, а когда отношения испортились, стала требовать обратно. Я хотел бы услышать от господина президента Носкова, как он собирается реализовать самую интересную свою идею, а именно – Крым – это мост между Украиной и Россией.

Носков кашлянул, у него неожиданно запершило в горле.

– Господин посол, Россия ничего не дарил своей сестре Украине. Такие подарки – нонсенс в практике международных отношений. Такого никогда нигде не было. Крым подарил своей родной Украине Хрущев. Это было волевое решение одного лица, коммунистического диктатора. Но все равно мне приятно, что вы отметили в моей программе самый главный пункт. Действительно, в Крыму одинаково комфортно должны чувствовать себя как украинцы, так и русские. В этом я вижу и юридическую и человеческую спра-

ведливость. Признаю, что эта позиция отдает идеализмом. Но мне кажется, что ошибаюсь не я, а те, кто считает юридически правомерным указ о передаче Крыма в состав Украины. Костяком советской империи была Россия. В рамках империи можно было сколько угодно передавать какую-то территорию из одной республики в другую. Ваш президент Рейган называл СССР империей зла. По этой логике все решения руководителей этой империи были крупинками этого зла. Когда империя перестала существовать, все должно вернуться на круги своя. Однако мы не настаиваем, чтобы Крымом владела какая-то одна страна, будь то Россия, частью которой он являлся, и будь то Украина, которой Крым был просто подарен. Мы – за особый статус, при котором Крым находился бы в совместной собственности России и Украины. Такого рода договор нетрудно подписать. Была бы на то политическая воля и политическое благородство. Если такой договор не будет подписан, Крым навсегда останется в отношениях России и Украины невозвращенной вещью. Так что Украина должна выбирать: либо моральное насилие над населением Крыма и глухая вражда из-за этого с Россией, либо совместное владение и вечная дружба.

– Вы хороший полемист, господин Носков, – отметил посол и сделал паузу.

Яшин напряженно ждал, когда посол закончит фразу. Первая ее часть означала, что дипломат категорически не согласен с Носковым. Можно было не сомневаться, что во

второй части он нанесет удар.

– Но боюсь, что мировое сообщество не согласится с вашими суждениями, – продолжал американец. – Они основаны на эмоциях, а не на букве закона. Согласно решениям Хельсинкского Сопещения, которые подписал и СССР, существующие в Европе границы нерушимы.

Носков молчал дольше, чем полагается в таких случаях. Он выбирал, что лучше: туманная перспектива вероятных инвестиций в Крым или возможность врезать акуле американского империализма промеж глаз.

Он выбрал второй вариант.

– Господин посол, – хитро посмеиваясь, ответил Носков, – я немного разбираюсь, на чем построена ваша дипломатия. Все другие страны вы делите на “свои” и “чужие”. И хорошо относитесь только к “своим”, считая, что быть добрыми и честными с “чужими” – глупо. Понятно, что Россия никогда не станет для вас “своей”. Вам не нравится так называемый империализм России ровно постольку, поскольку вы хотите утвердить свой империализм. Сегодня вы – не менее опасная империя зла, чем когда-то был Советский Союз. Говорю вам это открыто и прямо. Но я думаю, это не мешает нам иметь какие-то общие деловые интересы.

Носков не закончил. Посол перебил его.

– Пока вы у власти, господин Носков, ни один лидер не примет вас и не приедет к вам, и ни одна западная компания не вложит в экономику Крыма ни доллара. Крым при вас так

и останется территорией, где царит хаос, но не страной.

После беседы состоялся фуршет. Американская чета пила и ела только то, что уже попробовали хозяева. Жена посла не сводила глаз с Носкова, в особенности, когда он что-то говорил.

Яшину шепнул Галине:

– Она буквально ему в рот смотрит.

– Ну, правильно, ей удивительно. У них ведь как? Чем старше человек, тем лучше зубы.

Глава 41

Ночью Носковы окончательно помирились. Единственное, чего Галина никак не могла добиться от мужа – это немедленной отставки Зульфийи-ханум. Президент сказал, что увольнение татарки повредит ему гораздо больше, чем ее назначение. Пресса в очередной раз обвинит его в непродуманной кадровой политике. Зачем эта лишняя головная боль? Галина нехотя согласилась, но с условием: она потерпит это безобразие, если зятю Денису будет выписано удостоверение экономического советника. Ему нужен такой документ для переговоров с крымскими деловыми людьми. Носков опешил:

– погоди, мне ж надо тогда хотя бы поговорить с ним.

– Конечно, поговоришь. А пока вели Кире, пусть выпишет.

– Хорошо, – нехотя согласился Носков.

Они поднялись на шестой этаж Белого дома на специальном лифте. Но чтобы попасть в президентский кабинет, нужно было пройти по коридору, где уже сидели и стояли посетители. Это были не простые люди, которые пришли со своими челобитными, а чиновники и предприниматели, искавшие какую-то свою выгоду. И все вскочили со стульев, а кто стоял, те вытянулись чуть ли не по стойке смирно, заглядывая в глаза и лаская взглядами президента и его супругу.

– Сколько же у нас друзей! Я и не знала, – процедила Галина.

Носков поздоровался со всеми кивком головы и нырнул в приемную. Следом прошли Галина, Кира и Федулов. Двое коротко стриженных парней с тупыми лицами встали у дверей, широко расставив ноги и сложив ладони в области паха. Рабочий день начался.

– Что у нас сегодня? – спросил президент, сев в свое кресло.

Кира поднесла к глазам папочку.

– Доклад Иванова, аппаратное совещание, встреча с иностранными журналистами, фотографирование, затем доклад Вадика, встреча с Цукановым, встреча с какими-то предпринимателями, о чем просил Иванов, затем доклад Цыганкова о работе министерств.

– А почему не начать с этого? – спросил президент.

Кира переглянулась с подругой.

– Цыганков еще не готов.

– Олег, сегодня мы начнем с парикмахерской, – сказала Галина.

– То есть?

– Олег, во вчерашних “Известиях” снова появился снимок, где у тебя чуб висит, извини, как у Гитлера. Нужно сделать другой зачес и приучить к этому волосы. Парикмахерша ждет тебя.

– Галя, это черт знает что! Ты хочешь, чтобы я с этого

начинал рабочий день?

– А почему нет? После обеда у тебя снова встреча с журналистами, а потом тебя будет снимать фотограф из Белоруссии. Мы сделаем сразу много снимков, и будем выдавать их пишущим журналистам, а фотографам дадим отлуп. Пусть знают, как издеваться.

– Откуда взялся этот фотограф? Почему из Белоруссии?

– Я попросила Яшина, тот вызвал из Минска знакомого фотомастера. Зато никто не упрекнет, что твоим имиджем занимается Москва.

– Но это же стоит денег, – вяло сопротивлялся Носков.

– Пусть это тебя не волнует.

Носков обессилено вздохнул:

– Твою бы энергию, Галя, да в мирных целях...

Президент нетерпеливо ерзал в кресле, а парикмахерша, крупная женщина одних лет с клиентом, невозмутимо делала свое дело. Она колдовала над прической не меньше часа и добилась своего. Носков перестал ерзать, и ему понравилось его изображение в зеркале. На него смотрел седой красавец с благородным пробором. Просто фотомодель.

– Обрастайте, – басом сказала парикмахерша, смахивая с фартука его волосы.

– Сколько я вам должен? – президент пошарил рукой во внутреннем кармане.

– Вы должны прийти завтра в это же время, больше ничего, – без улыбки ответила парикмахерша.

В кабинете Носкова уже ждал весь небольшой аппарат администрации: Цыганков, Иванов, Зульфия-ханум, Вадик, еще несколько лиц. Президент сел в свое кресло, остальные расположились за длинным столом для заседаний. Цыганков вел совещание, а Носков слушал со стороны. Но поскольку в обсуждении каждого вопроса последнее слово было за ним, то все постоянно на него озирались и чаще всех вертел шей Цыганков. Всех удивляла эта рассадка, но сам президент считал ее нормальной.

Совещание продолжалось около полутора часов.

– Какие еще есть вопросы? – спросил под конец Цыганков.

Вадик поднял руку, как ученик в школе.

– Во-первых, я хотел бы уточнить, как мы должны писать слово “президент”? С большой буквы или с маленькой?

Все повернули головы к Носкову. Тот задумчиво почесал ручкой за ухом и сказал:

– А чего вы от меня ждете? Как хотите, так и пишете.

– Значит, будем писать с большой буквы, – сказал Цыганков.

– А где Яшин? Почему его нет? – спросил президент.

Кира позвонила Яшину. Тот пришел. Вадик повторил вопрос. Яшин усмехнулся про себя. Он знал, что точно такой же вопрос возник однажды на одном из первых аппаратных совещаний в администрации Ельцина. Нашли, над чем ломать голову. Писали бы с маленькой буквы, и не мучились. Ох уж эти аппаратные игрушки.

– Ельцин сказал: как хотите, так и пишете.

Слова Яшина были встречены общим смехом.

– Но к чему окончательно-то пришли? – спросил Вадик.

– Решили писать с большой буквы.

Цыганков повернулся к Вадику:

– У тебя все?

– Нет, – ответил Вадик, – Есть еще один вопрос, но я хотел бы обсудить его с президентом.

– Что-нибудь секретное? – спросил Носков.

– Деликатное. Но не личное.

– Тогда говори.

Вадик вынул из папочки письмо и прочел:

– Письмо Шулебиной Марины, отчество не указано. Здравствуйте многоуважаемый Олег Степанович! Я в отчаянии, не знаю, как жить, к кому обращаться за помощью. Я одинокая многодетная мать. У меня трое ребятишек. Я не могу оплачивать коммунальные услуги, не могу купить детям обувь, одежду, школьные принадлежности. Дети неделями ходят немывтыми, и стираю я без моющих средств. Пособий, которые я получаю, едва хватает, чтобы не умереть с голоду. От такой жизни я, тридцатилетняя женщина, выгляжу на все 45. Я не сплю ночами, все ноет, все болит, нервы на пределе. Все думаю: что делать утром, когда дети проснутся, мне нечем их кормить. А теперь я лишена возможности купить даже молоко для своей малышки. Что делать таким, как я? Или мы теперь никому не нужны? С уважением и на-

деждой Марина Шулелина.

Носков слушал очень внимательно, с озабоченным выражением лица. А когда Вадик закончил, спросил:

– Это письмо пришло в какую-то редакцию или к нам?

– К нам.

– Подготовь ответ. Напиши следующее. Первое: цены повысил Киев, а не Симферополь. И мы пока не можем ничего изменить. Но очередного повышения цен я не допущу. И второе: напиши, что мне непросто, но я как президент черпаю в таких письмах силы. Я подпишу письмо, а копию нужно передать в какую-нибудь газету.

– Так и написать: что вы черпаете в таких письмах силы? – решил уточнить Вадик.

– Так и напиши.

Совещание закончилось. Когда все вышли, Иванов ввел в кабинет двух новых русских в малиновых пиджаках. Беседа проходила в комнате отдыха в обстановке полной секретности. Была отключена телефонная связь и включен пряттствующий прослушиванию шумовой генератор. Кира объявила посетителям, что сегодня президент, скорее всего, больше никого уже не примет. Коридор опустел. Остались только трое иностранных газетчиков и среди них итальянка. Федулов называл ее Сильвией и был с ней на “ты”. Он вообще последнее время исполнял частично обязанности пресс-секретаря, то и дело приводя к президенту иностранных журналистов.

Президент проводил новых русских до дверей приемной. Такого внимания еще никто не удостоивался. Это означало, что гости внушили ему доверие и открыли какие-то заманчивые перспективы.

Следом зашли журналисты, Федулов и Яшин. Кира принесла кофе, глянула пантерой на Сильвию и удалилась походом от бедра. Посыпались комплименты по поводу новой прически президента. Носков небрежно отмахнулся, но было видно, что он польщен. Он не сводил взгляда с итальянки.

– Если женщина опускает глаза, значит, мужчина ей нравится, нет? – шепнул ей на ухо Носков.

– А если мужчина опускает глаза? – жеманно отозвалась Сильвия.

– Значит, ему нравятся ее ноги.

Они рассмеялись, как двое заговорщиков.

Чтобы не создавать неловкость, Сильвия спросила вслух, какое место в жизни президента занимали женщины раньше и какое место занимают сейчас.

– Я думаю, женщина нужна президенту для решения психологических или сексуальных проблем, – ответил Носков.

– А как же духовная связь?

– О чем вы? – рассмеялся Носков. – К концу рабочего дня любой президент – это мочалка. На связь он еще способен, но только не на духовную. Ему нужна разрядка, а не зарядка.

– Правда, что вы собираетесь прыгнуть с парашютом ради привлечения голосов в пользу кандидатов от Партии незави-

симости?

– Я совершу не просто прыжок, а затяжной прыжок, – поребячески хвастливо ответил Носков.

– Можно мне побыть рядом в самолете и сфотографировать прыжок? – спросила Сильвия.

Президент не сводил с нее глаз.

– А может, вместе прыгнем?

По лицу Сильвии было видно, что она готова обдумать это предложение.

Когда встреча окончилась и журналисты вышли, Носков раззадорено хлопнул в ладоши:

– Хороша чертовка!

– Еще одна встреча, и она тебя снимет, – тоном старого друга сказал Яшин.

Они бы еще позубоскалили на излюбленную мальчишескую тему, но на пороге неслышно возникла Кира.

– Олег Степанович, к вам Цуканов.

Президент поморщился.

– Он просит принять сейчас.

Носков махнул рукой.

– Впускай!

Цуканов пришел с недовольным видом. И сразу потребовал, чтобы разговор шел наедине. Яшин вышел, думая на ходу: “Наверно, узнал, что из Москвы едет Сарычев. Злится, что с ним не посоветовались. Он же как-никак метит в спикеры парламента”.

Яшин не ошибся. Цуканов узнал от своих друзей из числа московских думцев о плане Носкова.

– Олег, вице-премьер, взятый из России, это оскорбление местных кадров. Представляешь, что будет, если об этом узнают в партии? – выговаривал президенту Цуканов. – Парламент еще не избран, а ты уже устраиваешь раскол.

Носков терпеливо возражал:

– Витя, знаешь, что такое провинциализм в политике? Страшная вещь. Человеку кажется, что он все может. А на самом деле это сплошные амбиции и одна только видимость профессионализма. Наши крымские умники – именно такие. Слишком много о себе воображают. Но у них есть еще один очень существенный недостаток – они слишком на многое облизываются. Что, в общем-то, вполне объяснимо, если учесть, что впереди приватизация. Но мы-то с тобой должны мыслить совсем другими категориями. Что для нас главное? Стабильность. Чтобы ни один пан не ткнул нас носом и не сказал, что при нас народу Крыма стало жить хуже. А стабильность – это когда жизнь пусть понемногу, но налаживается. Когда зарплата хоть немного, но растет. А кто нам может дать такой результат? Только по-настоящему знающий экономист. Сарычев не только умные слова может говорить, но и вести конкретную экономическую политику.

Цуканов перебил президента:

– Одно дело Россия – тут у меня вопросов нет. Я русский и всегда буду за Россию. И совсем другое дело – лица мос-

ковской национальности. Этот Сарычев все равно будет тянуть одеяло на себя, на своих московских толстосумов. Киев сначала будет обижаться, потом психанет, и начнется свалка. Паны скажут: либо вы его уберете, либо мы придумаем для вас какую-нибудь хорошую пакость. Ты знаешь, я сам не слишком высокого мнения о наших крымских управленцах. Может, они хуже Сарычева. Но из-за них не будет большой свары с Киевом.

Носков и Цуканов спорили, исходя из самых лучших побуждений. Каждый искренне считал, что должен послужить народу и выполнить свои предвыборные обещания. Но кошка уже пробежала между ними. Цуканов еще не стал спикером, а Носков уже видел в нем соперника. И Цуканов уже понимал, что Носков с его характером просто не способен на равноправные отношения с парламентом.

Судя по крикам, доносившимся из президентского кабинета, Цуканов должен был вылететь оттуда, как ошпаренный. Однако он вышел степенно, аккуратно закрыл за собой дверь, спокойно посмотрел в глаза Яшину и спросил вполголоса:

– Ну, как? Разобрались в этом человеке?

Яшин молчал. Он обычно оставлял подобные вопросы без ответа. Цуканов усмехнулся.

– Ну-ну. Может, это вообще ваша идея позвать сюда Сарычева?

– Нет, – коротко ответил Яшин.

– Запомните, Андрей Васильевич и передайте там, в Москве: вера в Россию может погибнуть из-за недоверия к москвичам.

– Кому передать? – спросил Яшин.

– Тем, на кого вы работаете.

Не дожидаясь ответа, Цуканов вышел из приемной.

Яшин зашел к президенту. Тот сидел за столом и яростно жевал орешки.

– Фотограф ждет, – сказал Яшин.

– А нельзя это отложить? – раздраженно спросил Носков.

– Сейчас у тебя плохое настроение, но есть время. А завтра будет все наоборот. К тому же у тебя сегодня шикарный причесон.

– Завтра будет такой же, – буркнул Носков. – Они собираются мучить меня каждое утро по сорок минут.

– Скажи, чтобы меня через день мучили, вместо тебя, – пошутил Яшин.

Носков вяло улыбнулся.

– Фотограф хочет поснимать тебя не здесь, а где-нибудь на природе, в человеческой обстановке, – сказал Яшин.

– С этого бы и начал, – проворчал президент.

Яшин еще накануне сказал Федулову, что неплохо бы поснимать президента где-нибудь на природе. Поехали туда, где была надежная охрана, в санаторий “Россия”.

Фотограф, совсем еще парнишка, азартно щелкал затвором фотокамеры, не жалел пленки. А Носков проявил себя

с неожиданной стороны, хорошо позировал. Особенно получались крупные планы. В глазах президента светился ум, стояла боль, а складки вокруг рта говорили о воле и мужестве.

Потом фотограф попросил президента показать какой-нибудь прием каратэ. Носков с удовольствием выбросил ногу высоко вверх. Он симитировал этот удар несколько раз. “Интересно, кого он сейчас мысленно бьет? – подумал Яшин. – Наверняка Цуканова”.

– Отлично! Отлично! – восклицал фотограф.

– Надо бы покормить его, – шепнул Федулов.

– Не только покормить, но и налить, – воскликнул президент.

К нему вернулось хорошее настроение.

– Это несправедливо, – сказал Федулов, – всех надо покормить и всем налить.

Обедали в огромной столовой. Прислуживали две молодые официантки. Держались они странно. Вымученно улыбались и опасливо посматривали на охранников. И вообще в тишине санатория было что-то гнетущее. Раньше в марте здесь уже было полно отдыхающих, а сейчас не было видно ни души.

– Сейчас во всех санаториях так, – пояснил Яшину Федулов. – Богатенькие летают на Канары, средний класс – в Турцию, а бедные – отдыхают дома, на своих огородах.

– Из каких же денег персоналу платят зарплату?

– Почти весь персонал – в бессрочном отпуске. Подрабатывают кто где, в основном челночным бизнесом, – нехотя выдавил Федулов.

– А где директор? – спросил Носков. – Раньше глаз не казал и сейчас не видно. Может, ему не нравится, что мы здесь?

– Нет, все нормально, – быстро ответил Федулов. Глаза его почему-то забегали. И он быстро перевел разговор на другую тему.

Не мог же он сказать, что его ребята заперли директора в его кабинете вместе с секретаршей и отключили все телефоны. Позволять директору хотя бы накоротке пообщаться с президентом было бы непростительной оплошностью.

Возвращались к концу рабочего дня. На двух скамейках у Белого дома сидели старушки. Рядом стояли растяжки. На одной было красиво написано: “Мафию – на нары!” На другом: “Олег, крепись! Народ с тобой!” Одна из старушек держала в руках большую фотографию Носкова и время от времени осеняла ее крестным знаменем.

Откуда ни возьмись появилась Галина. Спросила мужа:

– Когда тебя сегодня ждать?

Президент поморщился.

– Даже не знаю. Скопилась груда бумаг. И надо бы пошептаться со штирлицами.

Галина тонко улыбнулась.

– Только с ними?

Федулов завозмушался: нельзя останавливаться, нужно

быстро проходить в здание. Президент юркнул в служебный вход. Яшин остался, решил понаблюдать за пикетом.

– Любит все-таки народ Олега, – констатировала Галина.

Холодало. Старушки зябко ежились, посматривая на служебную дверь. Потом снялись и, оставив растяжки, шустрой стайкой вошли в нее. А из двери тут же вышли другие старушки, среди них была Лаврова. “Э, да ведь это смена караула”, – сообразил Яшин.

Распрощавшись с Галиной, он подошел к Лавровой и узнал много интересного. Пенсию старики не получают уже полгода, вот и решили подрабатывать. За пикет платят неплохо, на жизнь хватает. Работают через день, чтобы никому не бросилось в глаза, что их не так уж много.

– Но народ действительно любит Олега Степановича, надеется на него, – извиняющимся тоном сказала Лаврова.

– Конечно, – охотно согласился Яшин.

А президент в это время выслушивал Иванова. Тот озвучивал секретную информацию, полученную из Киева. Слово “озвучивать” глава службы безопасности просто обожал. Первоначальные сведения находили подтверждение. Кравчук действительно настроен ввести в Крыму прямое президентское правление. На этом якобы настаивает “ястребы” из окружения Кравчука. Но подготовка идет пока вяло, Кравчук выжидает и хочет перейти к решительным действиям, как только Носков даст ему для этого подходящий повод. Назначить наместника без повода означало бы еще больше вос-

становить против себя население Крыма. А Кравчук старается выглядеть, особенно в глазах Запада, как президент всей Украины, не только ее националистической части.

В совещании участвовали также Цыганков и Зульфийа-ханум. Когда Иванов кончил доклад, президент обратился ко всем:

– Ну, какие будут соображения? Может быть, начнем с повода? Какой может быть у Киева серьезный повод?

Задав вопрос, Носков повернулся к Зульфийи-ханум, показывая, что намерен для начала выслушать ее мнение.

– Падение жизненного уровня, недовольство людей. Вообще, какие-либо волнения, по любому поводу. Что еще? Какой-нибудь громкий скандал в высших коридорах власти. По-моему, все, – сказала советница.

Президент перевел глаза на главу администрации. Цыганков вкрадчиво проговорил:

– Мой президент! Может, как-то помягче начать борьбу с преступностью? По крайней мере, без резкой риторики. По моим наблюдениям, иногда правительства проваливаются по удивительно простой причине. Министры слишком много говорят, причем, не то, что нужно. Лучше бы они действовали без лишних слов. Слова раздражают людей больше, чем неправильные дела.

Носков усмехнулся в усы и бросил:

– Рядом с вами Макиавелли отдыхает. Ладно, учтем. У вас все?

– Экономикой надо больше заниматься, Олег Степанович, – вздыхая, произнес Цыганков. – Если жизнь станет веселей, народ в обиду вас не даст.

– Сарычев заканчивает сборы. Будет на днях, – сказал президент.

Цыганков помрачнел.

– Все-таки Сарычев?

– Ни о ком другом я даже слышать не хочу, – отрезал Носков. – Это дело решенное. – И продолжал после паузы наставительным тоном. – В политике, Николай Валентинович, как в армии, нужно уметь подчиняться, смиряться и очень терпеливо ждать своего часа, даже если скулы сводит от кого-то или от чего-то. Тогда есть шанс дослужиться до генерала или даже до маршала.

– Это по сравнению с вами Макиавелли отдыхает, – грубо польстил Цыганков.

– Ну, а вы что скажете, Лев Сергеевич? – президент повернулся к Иванову.

– Нужно лететь на Кипр. Требуется прорыв. Если вас примет президент Кипра, а он, как вы знаете, к этому готов, вам будет легче устанавливать прямые контакты с президентами других стран. В этом случае не только Киев, но и Москва поймут, что на них свет клином не сошелся. Никто не хочет опоздать на ярмарку. Кстати, есть дополнительная информация. Президент Кипра предлагает сделать визит как бы частным.

– То есть? – спросил Носков.

– Ну, чтобы вы приехали на Кипр как бы в гости, на отдых.

Не один, а вместе с семьей.

– Это неприемлемо, – возразил Носков. – Что люди скажут? Работает без году неделю, а уже отдыхать полетел. И не один, а со своим выводком.

Иванов продолжал вкрадчивым тоном.

– Олег Степанович, поначалу никто не будет знать, что вы полетели с семьей. Секретность мы обеспечим. А когда узнают, дело будет уже сделано. Вы привезете инвестиции и скажете об этом народу в прямом эфире. Победителей не судят, господин президент. К тому же, о чем может говорить приглашение на отдых? Прежде всего, о дружеском расположении.

– Чьем? – спросил Носков.

– Президента Кипра.

– Он пришлет его в письменном виде?

– Разумеется.

– Сколько может продлиться визит?

– Сколько пожелаете.

Президент посмотрел в глаза советнице. Зульфия сидела, поджав губы и опустив глаза.

– Два дня. Мы должны уложиться в два дня, – сказал президент.

Когда Иванов и Цыганков ушли, Зульфия-ханум сказала Носкову:

– Олег, а почему ты не спросил, на какие деньги вы полетите? Все-то семейкой?

– Зоя, к жене не ревнуют, – мягко укорил Носков.

– Я не о ревности, я – о деньгах, – жестко произнесла советница.

– Мне как-то не пришло в голову, – пробормотал президент, – Последнее время я вообще перестал думать о деньгах. Если Иванов не говорит о финансировании, значит, решает это со своими коммерсантами. Он знает, что бюджетные деньги для меня неприкосновенны.

Взгляд Зульфийи-ханум потеплел.

– Ладно, – сказала она. – Давай ужинать, я привезла тут кое-что вкусненькое.

Глава 42

Яшину сидел в одном кабинете с пресс-секретарем. Вадик был только рад: так веселее и можно чему-то научиться. В парне каким-то чудом сохранилось то, что напрочь отсутствует у нового поколения молодежи – уважение к возрасту. Среди других сотрудников администрации он единственный сторонился интриг и дрызг, но всегда был в курсе последних слухов. Чем и был ценен для Яшина, который был жаден до любой информации.

Сегодня Вадик кончил печатать на машинке и работать с прессой раньше обычного. Поставил на стол бутылочку коньяка, соорудил нехитрую закуску и объявил, что у него день рождения – двадцать пять лет.

– Как же так? – удивился Яшин. – Тебя даже не поздравили. Неужели не знают?

Вадик грустно усмехнулся.

– Все у нас знают. Все и про всех. Просто еще коллектив не сложился.

– А чего такой грустный?

– Уйдут меня скоро, – вздохнул Вадик. – Гусев метит на мое место. А Гусеву Олег Степанович не откажет. Мне не себя, мне атмосферу жалко.

Они выпили по стопарю, закурили, и Вадик продолжал:

– Вы, наверно, знаете, Федулов берет за интервью по сто

баксов с носа. С одного журналистского носа берет сто баксов, представляете! Когда у нас зарплата тысяча гривен, то есть двадцать баксов. Я по дурусти сказал об этом Гусеву. Думал, он скажет президенту, и тот даст Федулову по рукам. А Гусев, видно, решил сделать иначе: отобрать у меня должность и оттеснить от кормушки Федулова.

– Первый раз слышу, – сказал Яшин. – Уверен, что и президент тоже ни о чем не догадывается.

Вадик плеснул еще коньяка.

– Президент – боец, а тут – рутина. Вспомните, как гибли неистовые революционеры после гражданской войны, как их засасывала бюрократия. Так и тут, один к одному. Только здесь еще и власть засасывает. Наша администрация уже сейчас – такое болото! А что дальше будет? Поговорили бы вы с президентом. Все-таки он ваш друг. А друзья должны говорить правду.

Яшин усмехнулся.

– Ну, да, когда их не просят.

– Ну, тогда русской идее – хана. А впереди – выборы в парламент, потом – приватизация.

Вадик продолжал изливать душу. Яшин внимательно слушал, но успевал делать из полученной информации свои выводы. Значит, впереди приватизация! Почему же он первый раз об этом слышит? Этой темы почему-то не касается даже пронырливая журналистская братия. Даже она не в курсе!

Когда они вышли из Белого дома, было еще светло. На

скамейках перед Белым домом вместо старушек тусовалась молодежь. Бренчала гитара.

Неожиданно кто-то тронул Яшина за локоть. Он оглянулся. Сзади стояла Алла. Он узнал ее сразу. Они тепло поздоровались. Вадик тут же тактично удалился.

– Можно поговорить с вами? – спросила Алла.

Яшин понял, что эта встреча не случайна.

– Как там Олег? Осваивается? Это у него горит свет?

Действительно, в окнах Носкова горел свет.

– Президент работает, – сказал Яшин.

– Я ему звоню, но нас не соединяют, – в голосе Аллы звучала обида. – Требуют назваться, сказать, по какому вопросу звоню, а что я скажу? А сам Олег мне почему-то не звонит. Мы с ним встречались накануне инаугурации. Он мне сказал, чтобы я тихонечко ждала. Я, конечно, жду. Я послушная. Но мне хотя бы узнать, сколько надо ждать. Может, вы его спросите, а потом мне передадите?

Яшин внимательно разглядел Аллу. О таких говорят: выделяется в толпе. Красивой не назовешь. Хорошенькая – тоже не то слово. Женщина с шармом – так будет точнее. С очень большим шармом, просто на редкость. В глазах – врожденная порядочность. А вот внутренней силы нет – это тоже видно. Потому и пришла. Бедная девочка, как же ей помочь?

– Что я должен сделать? – спросил Яшин.

– Пусть позвонит мне.

– Может, еще что-нибудь передать?

Алла чуть помолчала.

– Нет, только это. Всего хорошего.

Она грустно улыбнулась и пошла своей дорогой. А Яшин смотрел ей в след. Ему вдруг захотелось догнать ее и поговорить еще, проводить до дому. Он должен был сделать это. Это было бы с его стороны просто профессионально. Алла почти наверняка раскрыла бы ему душу, и он узнал бы для себя много интересного. Но ему вдруг показалось, что за ним кто-то наблюдает. Это подозрение возникло так внезапно и неожиданно, что у него по спине пробежал холодок. Яшин осторожно огляделся, проверился, как говорят разведчики. Молодежь резвилась, прохожие шли, голуби рвали друг у друга из клювов крошки хлеба. Никто не сидел на скамейке, прикрывшись газетой. Никто не прохаживался, глядя в противоположную сторону. “Показалось”, – подумал Яшин и пошел к себе в гостиницу.

На самом деле, предчувствие не обмануло его. Слежка была, только не за ним, а за Аллой. Делавший пробежку парень в спортивном костюме легкой трусцой направился за женщиной. Он был приставлен к ней, и Яшин его не интересовал.

См. текст далее!

1994-й ГОД, МАЙ

Глава 43

Носков вылетал на Кипр. Он шел к АН-24 вместе с Галиной. Галина вела за руку пятилетнего внука. Их провожали Цыганков, Иванов, Кира Стежкина и военный советник генерал Синцов.

Президент отвел генерала в сторонку. Сказал доверительно:

– Я ни на кого так не надеюсь, как на вас. Считайте себя министром обороны.

Генерал Синцов, крепыш с румянцем во все щеки, ветеран войны в Афганистане, был польщен. Иванов и Цыганков настороженно наблюдали со стороны.

Сначала по трапу шустро взбежали сопровождающие лица, затем степенно поднялись президент и члены его семьи. Перед тем, как войти в самолет, Носков и Галина помахали провожающим.

Глядя в иллюминатор, Галина еще раз помахала Кире и повернулась к мужу:

– Зря мы летим. И ты знаешь: предчувствие никогда меня не обманывает.

– Не каркай, – проворчал Носков, осторожно разглядывая симпатичную стюардессу.

– Где письменное приглашение президента Кипра? – зудила Галина. – Как можно лететь вот так, с бухты-барахты?

Носков посмотрел на нее ледяным взглядом: мол, что ты понимаешь в мужских делах? Он сам требовал, чтобы пришло письменное приглашение, но ему сказали, что это невозможно. Президент Кипра не хочет портить отношения с Украиной. Но сделает все, что от него зависит, чтобы свести его, Носкова, с кипрскими деловыми людьми, через которых в Крым будут направлены большие инвестиции.

Сопровождавшие президентскую чету лица сели в хвосте самолета и тут же заказали стюардессе выпивку. Их было немного: глава службы безопасности Иванов, двое работавших на Кипре новых русских и четверо крымских коммерсантов, согласившихся вложить кое-какие деньги в президентский фонд. Галина настояла, чтобы они тоже полетели – в порядке поощрения и в назидание другим – тем, кто не спешил раскрывать свои кошельки. Предчувствие не подсказало ей, что все шестеро выполняют задание Дзюбы.

А президент развернул “Киевские новости” и злорадно прочел вслух:

– “Никто из руководителей западных стран с Носковым встречаться не будет”.

– Кто это сказал? – поинтересовалась Галина.

– Пан Кравчук, кто ж еще? После поездки в США он с американским послом в одну дуду дует. Но я утру им нос.

Самолет только подлетал к Кипру, когда симферопольское телевидение прервало передачу и передало срочное сообщение. Правительство Крыма приняло решение повисить

цены на хлеб и хлебобулочные изделия. Яшин и Гусев ошеломленно смотрели друг на друга. Как такое может быть?

Они бросились к Цыганкову. Глава администрации был потрясен еще больше. За такой фортель он мог поплатиться должностью. И прости-прощай мечты о вице-премьерстве.

– Это провокация! – вскричал Цыганков и начал звонить председателю телерадиокомитета. Секретарша отвечала, что того нет на месте.

А телевидение между тем уже выдавало в прямой эфир первую реакцию крымчан на повышение цен. Негодованию простых людей не было предела.

После полудня появились первые комментарии из Киева. Пресс-секретарь украинского правительства заявил, что в самой Украине никакого повышения цен нет. Вероятно, это односторонняя акция президента Крыма Носкова, который теряет контроль над экономикой, что, собственно, и следовало ожидать, если учесть, насколько некомпетентна его команда.

– Но во главе министерства финансов Крыма как раз стоит человек, назначенный еще Кузьминым, – возразил корреспондент. – Напрашивается вывод, что это провокация со стороны старых кадров.

Ответ пресс-секретаря был очень жесткий:

– Теперь за все несет ответственность президент Носков.

Цыганков велел Вадику убавить звук в телевизоре и оглядел собравшихся. К этому времени пришли Зульфия-ханум

и генерал Синцов.

– Что будем делать?

Зульфия-ханум усмехнулась.

– Гляньте сначала в окно.

Цыганков откинул шторы. На площадке перед Белым домом собиралась толпа. Виднелись искаженные злобой лица, слышались ожесточенные выкрики.

– Это боевики УНСО. Они могут спровоцировать толпу на штурм здания. Нужно срочно вызывать милицию, – сказал Цыганков.

Он начал звонить генералу Валебному, но телефон молчал, даже секретарша не снимала трубку. Цыганков набрал 02, но там ответили, что не в курсе, где сейчас министр.

А внизу толпа скандировала “Нос-ко-ва! Нос-ко-ва!” И отдельные выкрики: “Носков, выходи, подлый трус!”

– Они думают, что президент здесь, – в глазах Гусева стоял страх. – А если узнают, что улетел? Повысил цены и улетел. Так ведь могут подумать. Что тогда?

Вошла Кира Стежкина, в руках у нее был листок бумаги.

– Факс из Киева. Текст указа Кравчука. Он назначил своим представителем какого-то Курпатова.

– Ну, вот, теперь все окончательно ясно. У них все спланировано, – пробормотал Цыганков, барабанил по столу пальцами. – Ну, а вы-то чего стоите? – накинулся он на генерала Синцова. – Почему ничего не предпринимаете?

– Из сухопутных сил нас может поддержать только 126-й

дивизион береговой охраны. Остальные уже приняли украинскую присягу, – сказал генерал.

– Какие силы у дивизиона?

– 30 танков, 20 БМП и от 200 до 300 личного состава. Но дивизион нельзя использовать в полицейских целях.

– Зачем тогда вы вообще здесь? – ядовито спросил Цыганков.

Розовощекое лицо генерала стало пунцовым. Сцепив крепче зубы, он молча терпел унижение.

– Нужно выставить у дверей президентскую охрану, – предложил Яшин.

– Этих выродков с дебильными рожами? – вздыбился Цыганков.

– А разве у нас есть другие? – нервно рассмеялся Гусев.

Новый пресс-секретарь был бледен и курил одну сигарету за другой, но бодрился, стараясь выглядеть спокойнее других.

Максим Брагин и Ритка Журавская тоже не отходили от телевизора и решали, что делать.

– Говорили же уроду – не ездите, – процедил Брагин.

Он тут же позвонил Зуеву:

– Ну что, Плакса? Все идет по плану? Или, может, сыграете отбой? А то я выведу на улицы своих гоблинов. Они из этих демонстрантов окрошку сделают.

– Макс, опять ты за свое, – отвечал Зуев. – Мы не имеем к этой игре никакого отношения.

– Ну, да, так я тебе и поверил.

– Вот в этом вся твоя беда, Макс, что ты мне не веришь.

– Это не моя? а твоя беда! – зарычал Брагин, бросая трубку.

– Ты всерьез решил вывести ребят? – спросила Журавская.

Не отвечая, Брагин набрал другой номер и сказал кому-то:

– Давай наряжай своих гоблинов и выдвигайся. Только с бабами и стариками поаккуратней. Не хватало нам еще гражданскую войну устроить.

Собранная по тревоге в одной из качалок братва, не меньше ста человек, корчась от смеха, переделалась в милиционерскую форму, села в два автобуса, подъехала к Белому дому и заняла позиции у дверей.

– Это кто такие? Кто разрешил? – возмущался в кругу подчиненных генерал Валебный.

Те только пожимали плечами.

– Значит, этих идиотов откуда-то привезли? Может, из Керчи? Но когда успели? – сокрушался Валебный.

В полку национальной гвардии, размещенном в Симферополе, тоже недоумевали.

– Неужели Валебный предал? Сволочь, на что он рассчитывает?

400 национальных гвардейцев, в основном выходцы из Западной Украины, находились в состоянии повышенной готовности и ждали приказа, чтобы взять под свой контроль

Белый дом. Но теперь, когда туда прибыли милиционеры, сохранявшие, как можно было предположить, верность президенту Носкову, появление национальных гвардейцев могло бы спровоцировать вооруженное столкновение с непредсказуемыми последствиями. Кто знает, что на уме у этого двурушника Валебного. Как-никак в Симферополе расквартирован также милицейский полк численностью в 400 штыков. Если прибавить к ним общее число обычных милиционеров, то перевес явно на стороне крымского МВД.

Командир полка национальной гвардии срочно связался с Киевом. Там приняли информацию к сведению и велели, вплоть до особого распоряжения, сидеть пока в казармах.

– Милиционеры прибыли, оцепили здание, – радостно сообщил не отходивший от окна Гусев.

– Сколько их? – спросил Цыганков.

– Человек сто. Значит, Валебный на нашей стороне, – с облегчением констатировал Гусев.

Цыганков снова набросился на Синцова.

– Ну, думайте, генерал, думайте. Кого еще можно задействовать? Сто милиционеров – это не сила. Смотрите, толпа все прибывает. Их сомнут за десять минут.

– Могу вызвать авиацию Черноморского флота, – мрачно усмехнулся генерал.

– А если без шуточек?

– Можно поднять по тревоге училище военных строителей. Это почти тысяча человек. Они пока не присягали Укра-

ине. Но у них никакого оружия.

– Так что ж молчите? Нам и не нужно, чтобы они были с оружием. Зачем провоцировать народ? Действуйте! И не по телефону. Поезжайте лично.

– Но обратно я уже едва ли войду, – сказал генерал. – Толпа не пропустит.

Зазвонил телефон прямой связи с Киевом. Цыганков схватил трубку и, выслушав сообщение, повторил его вслух.

– Курпатову готовится силовая поддержка. К нам вылетают министр обороны, начальник штаба Национальной гвардии, большая группа работников Генштаба, военной разведки, службы безопасности. Приземление на трех аэродромах, в том числе в Бельбеке. Встречающим офицерам предписано иметь при себе табельное оружие, а нам – сидеть тихо и не дергаться.

– А почему вы не звоните адмиралу Балтину? – неожиданно спросил генерал Синцов.

Все уставились на главу администрации: действительно, почему? Суровый адмирал может остановить авантюрные поползновения одним окриком.

Цыганков набрал номер Балтина. На другом конце провода спросили, кто звонит. Глава администрации назвал себя. Помощник командующего знавший полковника Цыганкова по голосу, тут же соединил его с адмиралом.

– Чего вы от меня хотите? – кричал Балтин. – Чтобы я спасал вашего президента? У меня язык встает колом, когда

я произношу это слово. Какой из него президент? Прощель-га. Не звоните мне больше. Я, конечно, сделаю все возможное и даже невозможное, но только в том случае, если мне придет приказ из Москвы.

– К кому нам обратиться в Москве? – спросил Цыганков.

– Ну, если у вас ума не хватает, чтобы сообразить, к кому обратиться, тогда о чем можно с вами говорить? – вне себя от возмущения адмирал бросил трубку.

Раздражение Балтина имело еще одно объяснение. Он знал, что его кабинет прослушивается украинской контрразведкой.

– Что будем делать? – спросил Цыганков.

– Прошу освободить кабинет, я буду говорить без свидетелей, – неожиданно сказал генерал Синцов.

– Идите к себе и звоните, – проворчал Цыганков.

– Мой телефон наверняка прослушивается.

– А мой – нет?

– Ваш, думаю, нет.

– Что вы хотите этим сказать, генерал? – повысил голос глава администрации.

– Полковник Цыганков, освободите кабинет! – командирским голосом, отработанным на строевых плацах, рявкнул Синцов.

– Вы хоть знаете, кому звонить, по каким телефонам? – сник Цыганков.

– Знаю, – отрезал генерал.

Когда все вышли, он набрал сначала прямой телефон начальника внешней разведки Примакова. Евгений Максимович сказал, что лично отслеживает ситуацию.

– Но ситуация выходит из-под контроля, – взволнованно произнес генерал. И сообщил последнюю информацию из Киева.

– Я сейчас же свяжусь с Батуриным** Ю. Батурин – в 1994 году секретарь Совета Безопасности России – авт.

, – сказал Примаков. Но вы тоже ему позвоните. Знаете его телефон?

– Знаю, – сказал генерал, – Но если не дозвонюсь, передайте ему, что силовое смещение Носкова – это пощечина не только народу Крыма, но и России. Именно так это будет расценено у нас здесь, когда люди во всем разберутся и узнают правду о сегодняшних событиях. Я думаю, один звонок Бориса Николаевича заставит Леонида Макаровича нажать на тормоза. А то уж больно прытко начал.

– Я передам ваши слова лично Борису Николаевичу, – сказал своим журчащим басом Примаков. – Держитесь, генерал, и не теряйте веры в Россию. Я думаю, мы остановим эту опасную игру мускулами.

Киевское телевидение показывало прибытие в симферопольский аэропорт Курпатова. Наместник оказался совсем молодым мужчиной, не старше 40. Диктор сказал, что полномочный представитель президента Украины был одно время директором птицефабрики. На шестом этаже Белого до-

ма даже ярые противники Носкова из Партии независимости зашлись в негодовании.

– Специально с птицефабрики прислали, чтобы унижить крымчан, – возмутился, выступая перед соратниками Мо- зуляк.

Курпатова встречал Федор Федорович Кузьмин. Увидев его на экране телевизора, Брагин процедил:

– И после этого Пискаля будет мне доказывать, что его па- хан не при чем?

– Кузьмин обязан встречать по протоколу, – сказала Жу- равская. Она купала в это время сынишку, вылитого Макси- ма Брагина.

– По какому протоколу? Этот старый пень уже никто! – прорычал Максим.

– Как никто? Он пока что Председатель Верховного Со- вета Крыма.

– А какого хрена этот козел захватил его кабинет?

– Это не козел захватил, а твой верный мент Федулов, – сказала Журавская, кутая ребенка в огромное полотенце.

– Папа, а кто козел? – спросил мальчик.

– Все козлы, – ответил отец.

– А волки?

– Ты мог бы хотя бы при ребенке выбирать слова? – упрек- нула мужа Журавская.

Время, когда Носковы должны были приземлиться в Ни- косии, уже вышло, а мобильный телефон президента не от-

вечал на вызовы. Прошел еще час, и стало ясно, что произошло самое худшее: президент либо не может пользоваться телефоном, либо вообще лишен этой возможности.

– Может быть, что-нибудь с самолетом? – предположил Синцов.

Связаться с аэропортом в Никосии было нетрудно, на другом конце провода говорили по-английски. Цыганков дал трубку Яшину.

Нет, ответили ему, самолет благополучно приземлился. Багаж давно выдан, все пассажиры разъехались.

– Ничего не можете сказать о пассажире по фамилии Носков? – спросил Яшин.

Через полминуты послышался ответ:

– Мистер Носков, его супруга и мальчик находятся в списке пассажиров. Но это единственное, что мы можем сообщить.

– Кто его встретил? Куда он поехал?

– Мы не располагаем такими сведениями.

Генерал Синцов тут же набрал телефон Внешней разведки России и сообщил, что президент Крыма прилетел в Никосию, но затем исчез.

– Мы знаем и принимаем меры, – сказал голос на другом конце провода.

Яшин в какой-то момент вспомнил про Воротникова: а чего, собственно, полковник молчит? Почему не звонит? Это было, по меньшей мере, странно.

Помощник Воротникова ответил сухо, даже не поинтересовавшись, кто спрашивает полковника:

– Юрий Кириллович в командировке.

– Давно отбыл? – Яшин пытался понять, когда Воротников вернется.

– А вы, собственно, кто? – спросил помощник.

“А может, Воротников вылетел сюда, в Симферополь?” – подумал Яшин, кладя трубку.

Догадка была верной только отчасти. Полковник Воротников и двое других сотрудников российской контрразведки в эти минуты летели обычным рейсом на Кипр с заданием подстраховать президента Носкова на тот случай, если возникнут какие-нибудь осложнения.

Воротников не раз бывал на Кипре, знал в лицо почти всю российскую агентуру из числа греков-киприотов. Приезжал он под видом то ли нового русского, то ли братка. Его уже знали в лицо в аэропорту Никосии.

Первые сведения о Носкове он получил, порасспросив персонал. Встретили президента, судя по внешности, тоже русские, посадили в микроавтобус с тонированными стеклами и увезли. Никакого сопротивления Носков не оказывал, был совершенно спокоен. Его супруга мило улыбалась. Мальчик шел рядом с ней вприпрыжку. На номер микроавтобуса никто внимания не обратил. Автомашина ушла в сторону Никосии. Все.

Встретивший Воротникова и его спутников сотрудник

консульства тоже ничего не мог сказать. За помощью к нему никто не обращался.

Полковник позвонил Шелепугину. Тот боялся говорить открытым текстом и только давал волю эмоциям:

– Я чувствовал, что мы намаемся с этим олухом. Ей-богу, даже не знаю, к кому идти и что делать. Но что-то предпринимать надо. Ты давай, Аркадий, пока на свой страх и риск действуй. Найди хоть какие-то следы, а уж потом мы тут впряжемся.

Глава 44

Встречавшие Носкова люди сотрудниками российского консульства. На всякий случай даже предъявили удостоверения. И президент на всякий случай в них заглянул. Никаких сомнений документы у него не вызвали.

Подкатили к двухэтажному особняку в центре Никосии. Открылись высокие ворота. Микроавтобус въехал. Ворота закрылись. Носковым показали их покои, две большие комнаты, и предложили немного отдохнуть, принять душ. Потом будет обед. А после обеда – встреча с представителем президента Кипра.

Галина повела внука в ванную, а Носков включил телевизор. Но изображения не появлялось. Президент чертыхнулся, проверил контакты, все было нормально, но телевизор не работал. Хотелось пить. Носков открыл бутылку минеральной воды, выпил стакан и сел в кресло. Через минуту уже не мог свободно пошевелить ни рукой, ни ногой.

Вошла Галина с мальчиком. Внук подбежал к деду. Но Носков не смог взять его на руки. Он сидел и жалко улыбался.

– Что с тобой? – спросила Галина.

– Даже не знаю, – с трудом выговорил Носков.

Вошли те двое, кто их встречал.

– Олег Степанович, просим на обед.

Президент Носков издал что-то нечленораздельное. Двое подошли к нему поближе, заглянули в глаза.

– Олег Степанович, что с вами?

– Н-н-н-е могу, – с трудом выдавил из себя Носков. – Вс-с-с-тять н-н-не могу.

– Кажется, инсульт, – сказал один из встречавших. – Нужно срочно врача.

Галина заметалась по комнате, ребенок заплакал. “Неотложка” появилась очень быстро. Сотрудник Безпеки, игравший роль врача, осмотрел Носкова, смерил давление и объявил по-английски, что, скорее всего, это инсульт и требуется срочная госпитализация.

– Я не оставлю мужа, – решительно сказала Галина.

Но ее остановили.

– Ну, куда же вы? Кто вас пустит в госпиталь с ребенком?

Галина со страхом смотрела на незнакомых мужчин. Она им не верила. Но боялась не столько за мужа, сколько за внука. Ей предложили пройти в другую комнату. Она захотела взять свою сумочку и мобильный телефон мужа. Ей не позволили. И тогда она поняла, что это – западня.

Через несколько минут ее усадили вместе с внуком в белый “Мерседес”. Автомашина выехала за город и понеслась по автостраде на юго-запад. За “мерседесом” следовал микроавтобус с тонированными стеклами. Обмирающая со страху Галина догадывалась, что муж в этом автобусе. Она видела в окно, что их везут через перевал массива Троодос.

По обеим сторонам дороги появилась горная деревенька Ганья. Машины остановились на несколько минут. Похитители Носковых купили в таверне вина и сыра.

Мероприятием Безпеки по выведению Носкова из политической игры руководил лично подполковник Дзюба. С помощью его агентов президент Крыма принял вместе с минеральной водой дозу сильнейшего снотворного. Хотя, если бы не хотел так сильно пить, ему бы подсунули снотворное во время обеда.

“Мерседес” и микроавтобус въехали во двор виллы на окраине Лимассола. Галину определили в одно крыло, президента Носкова – в другое. Его немедленно подключили к психотронному биорегулятору – электронному прибору, вызывающему эффект управляемого воздействия на мозг. Еще в советское время Украина была известна спецслужбам мира как серьезный разработчик таких приборов. После 1991 года республика отказалась от ядерных ракет на своей территории, но психотронное оружие оставила. На всякий случай. И вот – пригодилось.

Во второй половине дня Дзюба позвонил Лисовскому и коротко доложил:

– Вулкан уснул, а когда проснется, будет как шелковый.

– Не переусердствуйте, – предупредил Лисовский. – Тут не все складывается. Вполне возможно, сценарий будет изменен.

– Понял, – сказал Дзюба, хотя на самом деле ничего тол-

ком не понял. Вечно эти политики сначала порют горячку, требуют быстрых и решительных действий, а потом, когда уже все на мази, срывают стоп-кран. И тебя же сделают виноватым, даже если все выполнишь, как было велено.

Глава 45

Яшин вычислял, кто из двух сотрудников администрации Носкова работает на Безпеку: военный советник или глава администрации?

Факты и логика указывали на Цыганкова. Во-первых, Иванов – его бывший заместитель по работе в военной контрразведке Черноморского флота. И если предположить, что именно Иванов выманил президента на Кипр, а события показывают, что так и было, то вывод только один – эта пара действовала заодно. Во-вторых, более чем подозрительным было поведение Цыганкова сейчас, когда события нарастали, как снежный ком. Глава администрации постоянно звонил в Киев и получал информацию от каких-то своих информаторов, естественно, не называя ни фамилий, ни должностей. Спрашивается, когда бывший контрразведчик флота, никогда не живший в Киеве, мог обрасти такой агентурой? Ну и, в-третьих... Яшин достаточно уже к нему присмотрелся и мог в какой-то степени положиться на свою интуицию. А интуиция подсказывала, что этому человеку просто нельзя верить. Потому как Цыганков плут, и даже если работает на Безпеку, то не на все сто процентов, ибо всякий плут работает, прежде всего, на самого себя. При определенных обстоятельствах он мог бы вообще начать игру на два фронта. Если бы, к примеру, Носкову не пришло в голову пригласить в

вице-премьеры Сарычева.

Улучив момент, Яшин уединился с генералом Синцовым и поделился своими выводами.

Генерал вспыхнул, как порох:

– У меня вообще в голове не укладывается, как президент мог взять к себе эту парочку.

– Носков говорил, что их кандидатуры одобрил адмирал Балтин.

– Что за ерунда? Я только что говорил с Балтиным. Он этих двоих иначе, как прохвостами не называет. Но давайте пока не будем показывать виду. Посмотрим, как Цыганков поведет себя дальше.

А кабинет Цыганкова все больше напоминал штаб обороны Белого дома. Сюда свободно входили члены Партии независимости, предлагали свои идеи, и глава администрации всех внимательно выслушивал. Похоже, он почувствовал недоверие к себе и старался отвести от себя подозрения.

Как ни странно, телефонная связь в Белом доме продолжала работать бесперебойно. Хотя чего тут странного? Если в здании находились агенты Безопасности, они должны были передавать информацию и получать указания. Мобильные телефоны в то время были большой редкостью.

Позвонили двум ялтинским казачьим атаманам. Те готовы были хоть сейчас поднять не меньше двухсот хлопцев. Гусев наконец-то проявил себя как человек, для которого главное оружие – это слово. Он предложил сказать населе-

нию всю правду о происходящих событиях и призвать людей окружить Белый дом живым кольцом, взять резиденцию избранника народа под свою защиту. Это была самая толковая идея, но она не понравилась Цыганкову.

– Стоит ли баламутить народ? – сказал он задумчиво. – А если произойдет столкновение с национальными гвардейцами и прольется кровь? Нет, история нам этого не простит. Вспомните оборону Белого дома в Москве...

Большинство в Крыму не одобряло действия Ельцина осенью 1992 года. И поэтому с возражением Цыганкова многие согласились. Но вмешался генерал Синцов.

– Нет, ребята. Вдруг срочно нужно будет зачитать обращение, а текста нет. Пусть все-таки Гусев напишет заранее.

Слово генерала возымело действие. И Гусев с важным видом пошел к себе, тихонько попросив Яшина помочь ему в составлении исторического текста.

А на площадке перед Белым домом все громче заявляли о себе сторонники президента Носкова. Это были в основном люди старшего поколения, и среди них выделялся судья Поляков. Старик встал на скамейку и кричал тонким голоском:

– Граждане! Не дайте себя обмануть. Президент Носков не мог поднять цены и улететь за границу. Не враг же он самому себе!

Из толпы выкрикнули:

– А чем он лучше других? Такой же враг народа. Окружил себя хунтой и думает, что ему все сойдет с рук.

– Граждане! – продолжал убеждать Поляков. – Повышение цен – это провокация министров Кузьмина. Вот увидите, Носков вернет старые цены.

Из толпы раздался резкий молодой голос:

– А ты кто такой, что его защищаешь? Сколько тебе, старому Иуде, заплатили?

– Заплатили не мне, а тебе! – гневно ответил Поляков. – Граждане, послушайте старика. Не дайте втянуть себя в гражданскую войну. Вы все отлично знаете, сколько в Крыму складов с оружием, сколько военной техники. Если начнется стрельба, она скоро не остановится.

Брагин сидел в своем офисе и смотрел прямую трансляцию о событиях вокруг Белого дома, когда позвонил Федулов и сообщил последнюю новость: Носков не отвечает на телефонные звонки.

– Это операция Безпеки, – сделал вывод Федулов. – Что будем делать?

– Давай быстро – сюда! – скомандовал Брагин.

В дверях возникла Журавская.

– Что, Максик, президент потерялся?

– А ты откуда знаешь? – удивился Брагин.

– У меня свои люди в Белом доме.

Своим человеком была у Журавской машинистка, которая начала печатать обращение администрации президента к населению Крыма.

Через десять минут в офис вошел Федулов. Во рту у него

гуляла из стороны в сторону жвачка. Брагин не предложил ему сесть. Сказал тихо:

– Если мы его потеряем, я не заплачу тебе ни рубля.

Федулов перестал жевать и нервно перемялся.

– Моя-то какая вина? Я сколько ему доказывал, что ехать нельзя!

Брагин усмехнулся.

– Ну, кто-то ж должен ответить. Ты с ним работал? Ты. Но не отчаивайся. Шанс у тебя еще есть. Бери ребят, кого сочтешь нужным, загружай в чартерный рейс и – вперед! И без этого козла не возвращайся.

– С ним Безпека работает, куда нам? – сказал Федулов.

– А мне по хрену, пусть хоть кагэбэка, – выругался Брагин. – Ты команду понял?

– Понял, – выдохнул Федулов.

Спустя два часа он набил полный ЯК-40 братвой пополам с ментами и вылетел на Кипр. По выкупленным путевкам все были отдыхающие, и самолет взял курс на курортный город Лимассол.

Почему именно в этот греческий город? Однажды Федулову удалось подслушать разговор Иванова с теми, кто выдавал себя за коммерсантов, работающих на Кипре. И кто, как теперь стало ясно, выманил его на Кипр. Один из них имел виллу в Лимассоле. На всякий случай Федулов велел даже одному из своих ментов проследить, где останавливается, будучи в Симферополе, этот коммерсант. Оказалось,

он живет в доме своих родителей. Федулов поехал по этому адресу и на всякий случай выжал из стариков адрес их сына в Лимассоле. Вдруг не будет другого способа найти концы.

Глава 46

Воротников встретился со своим агентом – кипрским журналистом, передал ему фотографию Носкова и сказал в двух словах, что нужно сделать.

Через два часа телевидение греческой части острова передало чрезвычайное сообщение. Диктор сказал, что на Кипре похищен и насильственно удерживается президент Республики Крым Носков, его супруга и внук. Всем, кто мог видеть Носковых, предлагалось срочно сообщить об этом в полицию или в российское посольство. Во время сообщения во весь экран показывалась фотография Носкова и телефоны полиции и посольства.

Сеть на похитителей была заброшена. Но на удачу Воротников особо не рассчитывал. Он знал, что имеет дело не с Безпекой, как таковой, а с украинскими коллегами по КГБ. Школа-то была общая и класс работы один.

Воротников начал вычислять, где агенты Безпеки могут прятать Носковых. В Никосии КГБ использовала в свое время два особняка. Год назад один был отдан Украине. Может быть, там и надо искать? Но интуиция подсказывала Воротникову, что агенты Безпеки не станут рисковать. Ведь полиция может по первому сигналу нагрянуть в особняк. Где же, в таком случае, хитрые хохлы держат Носковых?

Воротников развернул карту Кипра и стал думать, куда бы

он повез похищенного президента. Наверное, в такое место, которое кипрская полиция и российские спецслужбы посчитали бы немислимым. А, с другой стороны, в такое место, которое было бы хорошо освоено Безпекой. Взгляд полковника уперся в курортный город Лимассол...

Прибор был сделан на совесть. Носков перестал соображать, кто он и что с ним происходит. Его воля была полностью парализована. Если бы агентам Безпеки нужно было что-то у него выпытать, они бы сделали это легко. Он бы дал ответы на все вопросы. Но Дзюбу и его людей не интересовали какие-либо секреты Носкова. Перед ними была поставлена другая задача. Привести президента в абсолютно невменяемое состояние, а затем зомбировать, чтобы он, несмотря на любую медицинскую помощь, никогда больше не смог выполнять президентскую работу.

Все в этой операции было предусмотрено до мелочей. Кроме того, что Носков не сможет без посторонней помощи отправлять свои естественные надобности. Увидев мокрое пятно на брюках президента и неприятный запах, агенты стали выяснять, кому выполнять роль сиделки. Добровольцев не нашлось. А приказать кому-то из коллег у Дзюбы просто не поворачивался язык. Выручить могла только женщина. Но не гречанка. Гречанка могла при малейшем подозрении сообщить в полицию. Проще было уговорить интердевочку из России или с Украины, сказать ей, что требуется кратковременный уход за тяжело больным человеком, пообещать

хорошие деньги.

Глава 47

Дзюба рассматривал женщину, которую привезли его люди. Зовут Лена. Приехала два года назад из Донецка. На вид лет 36, среди молодых клиентов, скорее всего, не котируется. А мужчины, кому за пятьдесят, от нее, наверно, без ума. Молодое лицо, в глубоком вырезе угадывается красивая грудь, тонкая талия, стройные ноги, умные карие глаза.

– Как вас зовут? Не Наташа? – спросил с иронией Дзюба.

– Вообще-то я Лена. Но если вам хочется меня поунижать, зовите Наташей, – ответила женщина.

– Кто вы по профессии? – спросил Дзюба.

– Музыкальный педагог.

На самом деле она была инженер-электронщик. Но если бы ее усадили за инструмент, сыграла бы за милую душу.

Дзюба предложил ей стул, и она присела по всем правилам этикета. Она всем понравилась подполковнику. Единственное, что настораживало – глаза. Они были холодны, и в них застыла подозрительность.

– Вам нравится здесь, на Кипре? – спросил Дзюба.

Лена молча пожала плечами.

– Не понял, – сказал Дзюба.

– Давайте перейдем к делу, – предложила Лена.

– Вы сегодня смотрели телевизор? Что вам показалось самым интересным? – спросил Дзюба.

Лена покачала головой.

– Я смотрю телевизор только вечером, когда собираюсь на работу. До обеда отсыпаюсь.

– Нам нужно, чтобы вы в течение трех-пяти дней поухаживали за тяжело больным человеком, – пояснил Дзюба. – За это вы получите 300 долларов в день, а аванс в размере 600 долларов – прямо сейчас.

– Я согласна, – ответила Лена. – Но у меня будет одно условие. Вы отвезете меня в Украину. А то я тут что-то загостилась.

– У вас нет паспорта?

– У меня отобрали паспорт.

– Жертва белого рабства?

– Вы угадали.

– Хорошо, мы вам поможем, – подумав, согласился Дзюба. – Теперь о наших проблемах. У больного пропала речь, но вполне возможно, что он заговорит. В этом случае вы должны немедленно поставить нас в известность.

– Хорошо.

Дзюба протянул Лене 600 долларов. Агент проводил ее в комнату, где в кресле лежал президент Носков, и вышел, плотно закрыв за собой дверь. В комнате было установлено видеонаблюдение, и оператор стал следить за каждым движением женщины.

Лена солгала Дзюбе. Она действительно обычно спала до обеда. Но вчера вечером закончила работу пораньше, по-

жилой клиент быстро уснул, и она уснула вместе с ним. И проснулась раньше обычного. И вместе с клиентом, греческим коммерсантом, слушала телевизионное сообщение о похищении президента Носкова и видела его фотографию. А когда увидела лежащего в кресле седого мужчину с усами, сразу опознала в нем своего земляка.

Лена также соврала Дзюбе, что она из Донецка. На самом деле она приехала из Симферополя. И фамилия у нее была Лаврова.

Бывшие сотрудники КГБ почти безошибочно определяют друг друга в толпе по внешности, выражению глаз, манере поведения и другим известным только им признакам. Так получилось и на этот раз. Когда агенты Дзюбы подошли к красивой женщине, сидевшей за стойкой бара, люди Воротникова засекли это мгновенно и проводили бывших коллег до самого особняка. Они сделали это просто так, на всякий случай, и доложили Воротникову.

Напротив особняка находился другой особняк, где сдавались комнаты, чем люди полковника немедленно воспользовались. А еще через несколько часов из консульства в Никосии была доставлена специальная аппаратура, позволяющая слышать в радиусе 100 метров практически каждый шорох и разглядывать очертания предметов даже сквозь шторы.

Первыми, кого увидели в свои приборы люди Воротникова, была Галина Носкова и ее внук. А в движениях женщины, которую агенты Безпеки привезли из гостиницы, угады-

валось, что она ухаживает за человеком, сидящим в глубоком кресле. К тому же подполковник Дзюба не считал нужным прятать свое лицо. Его фотография была пропущена по компьютерной базе данных и получены исчерпывающие сведения: фамилия имя и отчество, звание, должность, направление работы и т. д.

Воротников доложил о результатах наблюдений в Москву. Спустя час пришли инструкции в отношении дальнейших действий и сообщение: для транспортировки президента Носкова вылетает специальный самолет.

По инструкции Воротников должен был встретиться с Дзюбой в строго указанное Москвой время и поставить условие: либо оперативная группа Безпеки немедленно и без всяких условий выдает Носкова и его семью, либо разразится беспрецедентный международный скандал.

Провести переговоры с Дзюбой было не просто. Требовалась серьезная силовая поддержка. А людей у Воротникова было меньше минимум в три раза. Можно было, конечно, привлечь на свою сторону кипрскую полицию. Но в этом случае происходящие события тут же стали бы достоянием средств массовой информации. А полученная инструкция обязывала Воротникова действовать с максимальной аккуратностью, чтобы не нанести непоправимого ущерба братской дружбе народов России и Украины.

Приказ “встретиться в строго указанное время” означал, что в Москве пытаются разрешить кризисную ситуацию ди-

пломатическими методами. На самом деле так и было. Министерство иностранных дел России указало своим коллегам в министерстве иностранных дел Украины, что силовая акция против президента Носкова последовала после визита президента Кравчука в США. Однако Киев использовал только то, что ему было выгодно в американской позиции, а то, что было не выгодно – проигнорировал. А именно: руководство США дало понять президенту Кравчуку, что мир не хочет стать перед лицом куда более опасного конфликта, чем война в Боснии, но это вовсе не означает, что Киев может превращать Крым в одну из областей Украины. Американская точка зрения состоит в том, что Крым в настоящий исторический момент не может отделиться от Украины, но имеет право на полномасштабную автономию.

Российский МИД открытым текстом давал понять, что введение президентского правления в Крыму и назначение наместником Курпатова не могут быть одобрены в Вашингтоне. Так что пора, пока не поздно, давать отбой операции “Вулкан”.

Ответа на меморандум не было шесть часов. Киев консультировался с государственным департаментом США, пытаясь все же заручиться поддержкой, а Вашингтон не говорил ни “да”, ни “нет”. И тогда Москва решила ускорить развязку. ФСК* России официально информировал руководство Службы

Безопасности Украины, что местонахождение президента

Носкова установлено и, если в ближайшие два часа он не будет передан представителю ФСК полковнику Воротникову, в события вмешается кипрская полиция, а вся ответственность за международный скандал ляжет на руководство Безпеки.

Люди Воротникова перегородили двумя автомашинами выезд из виллы, где удерживался президент Носков. Их было мало, всего четыре человека, но они были уверены, что их украинские коллеги не посмеют вступить с ними в силовое противоборство.

Дзюба вышел за ворота и начал переговоры с Воротниковым, всячески затягивая время. Российский контрразведчик не мог знать, в каком состоянии находится президент Крыма, а Дзюба не мог выдать Носкова, обработанного психотропными средствами.

Неизвестно, сколько бы еще продолжалось их тягостное препирательство, если бы не Федулов и его люди. Они подъехали на четырех микроавтобусах и высыпали из них с видом, не предвещавшим культурного разговора.

Они были злы, потому что им пришлось на ходу привыкать к кипрскому левостороннему движению. Они сбились со счета, сколько раз нарушили правила движения. Полицейские, развращенные новыми русскими и братками, вытянули у Федулова чуть ли не половину всей наличности в долларах.

Сверля Дзюбу глазами, Федулов сунул ему под нос удостоверение начальника президентской охраны.

– Чего ты хочешь? – мрачно спросил Дзюба.

– Отдай президента, – грубо потребовал Федулов. – Быстро!

Дзюба усмехнулся.

– Ты откуда такой шустрый?

В руке у Федулова появился “магнум”. Через мгновение ствол был приставлен к животу Дзюбы. Братки и менты красноречиво держали руки за пазухами.

– Вот так! – укоризненно сказал Дзюбе Воротников. – Не хотел по-хорошему.

– А ты кто? – спросил Федулов.

– ФСК** ФСК – в 1994 году Федеральная служба контрразведки России – авт., – коротко ответил Воротников. – Я тоже за президентом.

– Стоять здесь, – приказал ему Федулов.

– Стою, – подчинился Воротников.

Федулов подтолкнул Дзюбу стволом.

– Пошли.

Люди Федулова осмотрели всю виллу – безрезультатно. Агенты Безпеки успели спрятать Носковых и Лену Лаврову в тайнике рядом с подземным гаражом.

Федулов навернул на ствол “магнума” глушитель и решительным жестом приставил к голове Дзюбы.

– Колись, Безпека.

Вид у начальника охраны был отчаянный. Дзюба решил не испытывать судьбу и показал тайник.

Президента Носкова вынесли на руках и уложили в микроавтобусе. Галина вышла, крепко держа за руку внука, ее была нервная дрожь. Лена Лаврова сказала, что она из Симферополя, попала здесь, на Кипре, в сексуальное рабство и хотела бы вернуться домой, но у нее нет паспорта, отобрали сутенеры.

– Слушай, я тебя где-то видел, – воскликнул Федулов. – Точно видел! Ну, ладно, потом вспомню. А как мы тебя вывезем без документов?

– Ну, подбросьте хотя бы до Никосии, – попросила Лаврова.

В Федулове заговорили земляческие чувства.

– Ладно, грузись.

Воротников подошел к Федулову.

– Ну и как думаешь лететь обратно?

– Еще не решил.

– По моему звонку из Москвы прилетит специальный самолет, – сказал Воротников. – Едем в российское консульство. Там переждем.

Федулов смотрел недоверчиво, но не возражал. У него не было более простого способа выбраться с Кипра с такой оравой. И нужной суммы денег тоже не было.

Воротников забрал у Дзюбы документы Носковых и мобильный телефон. Сказал на прощание:

– Ну что, коллега, до встречи на родной земле?

– Это какую землю ты считаешь родной? – скривился

Дзюба.

– Крымскую, – спокойно сказал Воротников. – И прибавил, заметив, как перекосилось от злобы лицо Дзюбы. – Мой тебе совет, коллега: кипи, но не брызгай.

В кабинет Цыганкова влетела Кира Стежкина. Ее глаза нашли генерала Синцова.

– Возьмите трубку.

Звонила Галина Носкова. Слышимость была отличная. Жена президента говорила усталым голосом.

– Мы в российском консульстве. Ждем: из Москвы специальный самолет.

– Что с вами случилось? – спросил генерал.

– Об этом потом. Мы попали в ловушку. Олега вынуждали подписать страшный документ.

– Какой документ? Где сам Олег Степанович?

– Он не может говорить.

– Что с ним?

– Пока не понятно. На обратном пути мы должны залететь в Краснодар. Там Олегом займутся специалисты. Теперь я буду держать вас в курсе. Надеюсь, больше ничего такого не произойдет, – рыдая, говорила Галина.

Во время этого разговора Кира вернулась в приемную и застала Зульфию-ханум с телефонной трубкой в руках. Советница подслушивала разговор Носковой с генералом Синцовым.

– Что вы тут делаете? – возмутилась Кира.

Зульфия-ханум мрачно посмотрела на нее.

– Тихо! Тише будешь – дольше проживешь.

Генерал Синцов ходил из угла в угол и возмущался.

– Зачем нужен Краснодар? Почему не привезти специалистов в Симферополь?

– Наверно, потому что надо держать очередную братскую пакость в секрете, в очередной раз спасти братскую дружбу, – ядовито предположил Яшин.

– Но почему все время должна спасать Россия? – рокотал генерал.

Его снова позвали к телефону. Звонили из полка национальной гвардии. Туда прибыл Курпатов, провел смотр и приказал нацгвардейцам быть в повышенной боевой готовности. Личный состав полка заявил, что готов к выполнению любого приказа.

Затем сообщения поступали почти каждые десять минут.

В Николаеве силами украинских военных захвачен 67-й район навигационного наблюдения, находившийся в составе Черноморского флота.

В Киеве готовятся к вылету в Симферополь два военно-транспортных самолета со спецназом “Беркут”.

В состоянии боевой готовности приведены три расквартированных в Крыму мотострелковых полка, один из которых находится в 10 минутах езды до Белого дома, и танковый полк в Перевальном, от которого до Симферополя не более часа езды.

На аэродроме в Бельбеке открыты в полный профиль и по всему периметру окопы.

В Севастополе проведена имитация атаки украинских истребителей на Главный штаб Черноморского флота и морской пехоты.

Последнее известие было особенно удручающим.

– Турки завернули самолет, – объявил генерал Синцов.

Посыпались вопросы.

– Какой самолет? Что значит завернули?

– Турция закрыла воздушный коридор для самолета, посланного из Москвы за президентом Носковым, – отчеканил генерал. – А из этого следует, что Турция действует заодно с Украиной.

Через десять минут к этому сообщению добавилось другое: силы противовоздушной обороны и военная авиация Турции приведены в состоянии боеготовности.

– Самолет почти наверняка шел в сопровождении истребителей авиации Черноморского флота, – сказал Синцов. – Надо звонить Балтину.

Телефон адмирала долго не отвечал, потом трубку снял его помощник.

– Адмирал ранен.

– Что с ним? – встревожено спросил Синцов.

– Огнестрельное ранение в бедро.

– С ним можно переговорить?

– Нет, он госпитализирован.

Синцов медленно положил трубку. Лицо его окаменело.

Все смотрели на генерала: ждали, что он скажет. Он сказал, что случилось с адмиралом Балтиным.

– Это война, – упавшим голосом произнес Гусев.

– Ну, может не война, но ситуация, прямо скажем, хреновая, – согласился генерал.

А еще через пять минут в кабинете воцарилась мертвая тишина. Было слышно, как на другом конце провода кто-то сказал генералу:

– Вооруженные силы Украины приведены в состояние повышенной боевой готовности. В ответ Россия объявила тревогу в войсках стратегического назначения.

– Твою мать! – выругался генерал Синцов. – Кажется, доигрались.

1994-й ГОД, ИЮЛЬ

Глава 48

Трудно сказать, что заставило президента Кравчука командовать своим силовикам “отбой”. То ли сознание того, что операция все равно провалилась. То ли заверения руководителей украинских спецслужб, что они уберут Носкова с политической арены другими средствами. То ли позиция западных стран, давших понять, что они не одобряют кипрской авантюры. То ли, наконец, боязнь Леонида Кравчука уступить на предстоявших в июле президентских выборах голоса миллионов избирателей восточной Украины его главному сопернику Леониду Кучме. Скорее всего, свою роль сыграл каждый из этих факторов.

Так Украина и Россия остановились у самого края пропасти. И даже более того: истинная подоплека и детали событий оказались скрыты от общественности в то время и до конца не известны до сих пор.

...Привезенные в Краснодар специалисты, врачи и электронщики в течение двух суток поставили Носкова на ноги и даже частично вернули память. Полное восстановление обещали не раньше, чем через месяц.

Едва придя в себя, президент засобирался в Симферополь. Его не удерживали.

Крымской общественности все преподносилось так, будто Носков только что вернулся из заграничной командиров-

ки. Слух об истинном и предельно драматическом развитии событий последних дней, конечно, гулял по Симферополю, но воспринимался как плод чьей-то буйной фантазии.

Здороваясь с Яшиным, Носков задержал его руку и шепнул:

– Мне надо что-то сказать крымчанам. Набросай пару страничек.

– Хорошо, – согласился Яшин. – Ну, как ты?

– Мне надо придти в себя, – сказал президент.

Структура Брагина устроила Федулову и его команде восторженный прием. Всегда сдержанный и сухой, Максим на этот раз расчувствовался и сказал присутствующим:

– Раньше мы могли почти все. Теперь мы можем все.

Братва была довольна собой, но эмоции проявляла сдержанно.

Брагин заметил среди прилетевших Лену Лаврову. Ее лицо показалось ему знакомым. Но женщина тут же скрылась в толпе. Уж она-то точно узнала Брагина. Не раз видела его восемь лет назад во время суда. Узнала она и Ритку Журавскую. А когда увидела рядом с Брагиным Дениса, ей все стало ясно. Мир тесен. Те, кто лишил ее когда-то мужа, принесли несчастье непосредственно ей самой.

Ритка Журавская давно уже ни в чем не нуждалась. Но Максим был всего лишь сожителем. В любой момент он мог отказать ей в деньгах. В любой момент мог даже бросить ее вместе с ребенком. Поэтому она должна была откладывать

на черный день, а еще лучше – иметь свой заработок.

Работа появилась как бы сама по себе. Ритке хотелось играть людьми. И она получила эту возможность при поддержке Брагина. Открыла массажный салон, куда заходили влиятельные люди Крыма и даже министры правительства. Максим общался с ними, решая свои вопросы, а оператор снимал их услады видеокамерой.

Умеющая делать всякое дело хорошо, Ритка собирала в своем салоне лучших проституток не только Крыма, но и всей Украины. А потом сообразила, что это не предел возможностей. Куда больше бабок можно рубить, поставляя девушек в зарубежные бордели. Но этому новому тогда бизнесу тоже требовалось прикрытие. И Ритка открыла фирму по вербовке девушек и женщин в страны Западной Европы якобы в качестве доработниц. На одно из таких рекламных объявлений и клюнула красивая, хорошо воспитанная и образованная женщина Елена Лаврова.

Лена взяла частника и поехала домой. Всю дорогу от аэропорта до Симферополя она оглядывалась: не едет ли кто следом?

Выйдя из машины возле своего дома, она присела на лавочку. Надо было хоть немного успокоиться. Она боялась встречи со свекровью и дочерью.

Но дома был один Артем. Он сказал, что Клавдия Ивановна, скорее всего, дежурит возле Белого дома. А Женя... Тут паренек отвел глаза и замолчал.

– Что с ней? – взволнованно спросила Лена.

– Ничего страшного. Все нормально. Просто она здесь больше не живет.

– А где она?

Артем рассказал про Зуева. Лену это убило. Она сидела с безжизненным лицом.

– А как там моя мама? – спросил паренек.

Лена долго смотрела на него, как бы не понимая, о чем он спрашивает. Потом сказала:

– Она скоро вернется. Не волнуйся, с ней все в порядке. Просто, понимаешь, бывают такие ситуации... – Лена не могла закончить, ее душили слезы.

На другой день Носков приехал на телестудию. Парикмахера не вызывали, прическа была в полном порядке. А вот гримеру пришлось поработать – выглядел президент неважно. И говорил негромко, почти не отрывая глаз от текста.

– Уважаемые сограждане! Говорят, власть меняет человека, ставшего президентом. Имеется в виду, что он отдалется от народа, перестает сопереживать простым людям, не оправдывает их надежд на улучшение жизни. Это грех, очень тяжкий грех, сродни предательству. Заверяю вас, что я не забыл о своих предвыборных обещаниях. Еще раз повторяю: они для меня святы. Но их выполнение все время зависит от взаимоотношений Республики Крым с Россией и Украиной, от позиции по этому некоторых западных стран. Кое-кому выгодно, чтобы разногласия по поводу Крыма и

Черноморского флота переросли в серьезный конфликт. Но мы со своей стороны сделаем все, чтобы эти надежды не оправдались. Русско-украинского фронта не будет, господа, даже не мечтайте!

Носков сделал паузу, отпил глоток воды и продолжал:

– Крым располагает сегодня полномасштабной автономией и немалыми экономическими возможностями. Но наши потенциальные партнеры воздерживаются от сотрудничества, чего-то выжидают, ссылаясь на нестабильность в нашей республике. Что можно сказать по этому поводу? На мой взгляд, самую страшную нестабильность может создать только сам народ, недовольный своим руководством.

Носков отложил текст в сторону, и продолжал своими словами:

– Дорогие сограждане! Я принял непростое, но, как мне кажется, правильное решение. Я назначил вице-премьером правительства Крыма известного российского экономиста Геннадия Андреевича Сарычева. Он крымчанин, родом из Ялты. Во время нашего знакомства он сказал мне, что у него душа болит за земляков. Ну, что ж, это как раз то, что нужно, чтобы улучшить нашу с вами жизнь. И последнее, что хочу сказать сегодня. Повышение цен на хлеб, хлебобулочные изделия и молоко я отменяю, хотя ответственности за это недоразумение с себя не снимаю.

Предчувствие не обмануло Лену Лаврову. Свекровь и дочь встретили ее прохладно. Что всего обидней, они ни о

чем не спрашивали, будто им все было ясно. А Лена не могла признаться, в какую она и ее подруга попали западню. Впрочем, как позже выяснилось, Клавдия Ивановна и Женя и не спрашивали, потому что догадывались. Боялись услышать правду.

Клавдия Ивановна плакала.

– Какой ужас! В какое время мы живем!

Теперь, когда Женя уехала от нее к Зуеву, старушка чувствовала себя особенно одиноко. С невесткой, как она считала, у нее уже не могло быть ничего общего.

Клавдия Ивановна не знала, что именно Женя в какой-то степени заставила Лену податься на заработки в Европу. Однажды она сказала ей в запале:

– Если ты такая бедная, зачем меня родила?

Девочка не хотела слышать никаких объяснений. Мол, в советское время ее родители, по профессии электронщики, занимали престижное положение в обществе и получали приличную зарплату. Женя жила настоящим временем, которое обернулось для их и без того несчастной семьи беспросветной нуждой.

Слава богу, Лена не знала, кто заманил в массажный салон ее дочь, обещая сделать из нее фотомоделю. Этот же лохотронщик, Денис Гаврин, обманул и ее, отправив вместо Италии на Кипр, продав в сексуальное рабство.

Глава 49

Яшин и Гусев сидели в комнате пресс-службы и смотрели телевизор. Передавали интервью с Цукановым. Журналисты донимали будущего спикера вопросами, как он относится к назначению Сарычева. Цуканов уходил от прямых ответов: все-таки впереди второй тур выборов, а большинство избирателей, конечно, за то, чтобы правительством руководил человек из Москвы.

После интервью показали сюжет, посвященный Сарычеву. Вот он раскуривает трубку в своем кабинете. Вот о чем-то разговаривает с Ельциным. Всюду степенный, преисполненный достоинства, контролирующий каждое свое движение, знающий, как себя держать, чтобы произвести благоприятное впечатление.

– В Киеве могут потирать руки: Носков сам подложил под себя бомбу, – высказал свое мнение Гусев.

Яшин промолчал.

– Что молчите, Андрей Васильевич? – насмешливо спросил Гусев. – Вы знаете этого Сарычева?

– Встречались однажды.

– Ну и как он вам?

– Как советник, может быть, и хорош. По крайней мере, безопасен. Совет можно принять, а можно и отвергнуть. А как вице-премьер... С гонором парень. Будет вести себя, как

московская штучка. На окраине империи таких не любят.

– Интересно, почему же?

– Потому, что окраина империи – это не провинция.

– Я так понял, что вы не советовали Носкову брать Сарычева? Или он вас не спрашивал?

– Все решения президент принимает сам, – нейтрально ответил Яшин.

– На кой черт ему тогда советники?

Неожиданно в дверь постучали, и в комнату ввалилась орава тележурналистов. Похоже, их появление не было для Гусева полной неожиданностью. Итальянка тут же отозвала пресс-секретаря в сторону, и они начали шептаться. При этом Гусев с досадой посмотрел на Яшина, будто тот ему чем-то мешал. Яшин отвел взгляд. Но периферическим зрением увидел, как Сильвия что-то сунула Гусеву в верхний карман пиджака.

Осветители поставили софиты, операторы настроили камеры, можно было начинать. Сильвия спросила Гусева:

– Когда прибудет господин Сарычев?

Гусев взглянул на свои часы, это было чисто нервное движение, похоже, его возбуждали лежавшие в кармане доллары.

– Я думаю, сегодня.

– Как относится к этому назначению Киев? Президент Носков согласовал это назначение с президентом Кравчуком? – спросила Сильвия.

Гусев замялся, его глаза беспокойно заметались. Он не знал, как правильно ответить. “Нелегкий у тебя, мерзавец, хлеб”, – подумал Яшин и вышел из комнаты.

В коридоре ему встретился генерал Синцов. В последние дни они прониклись друг к другу симпатией и уважением. Генерал предложил пойти пообедать. Сказал, когда спускались в буфет:

– Чудеса в решете. Я думал, Цыганков скроется, а он сидит в своем кабинете как ни в чем не бывало.

Глава 50

Глава администрации в это время информировал президента о поведении Сарычева. Москвич прилетел вчера вечером и до полуночи пил в гостинице со своими крымскими друзьями, в основном предпринимателями.

– Из записей сделаны выборки самого интересного, хотите послушать? – спросил Цыганков.

Президент отмахнулся.

– Некогда. Скажите своими словами.

– Сарычев сказал, цитирую дословно: “Мэр Ялты должен быть наш”.

Президент поморщился.

– Ну и что тут такого? Кто контролирует Ялту, тот контролирует весь южный берег полуострова, всю его курортно-санаторную структуру, которая может давать больше половины бюджета.

– Нет, мой президент, тут контекст совсем другой, – вкрадчиво возразил Цыганков. – Далее Сарычев сказал, цитирую: “Не пройдет и года, как я стану в Крыму первым”

Носков озадаченно молчал.

– Сарычев метит на ваше место, мой президент.

– Все куда-то метят, – заметил Носков, давая понять, что сам Цыганков не прочь занять место Сарычева.

– Как быть с записью? Распечатать, передать текст вам?

– Уничтожьте пленку, – распорядился Носков. И пытливо посмотрел главе администрации в глаза, как бы говоря: ведь наверняка не уничтожишь.

Спросил насмешливо:

– Полковник, а почему вы не спрашиваете, где ваш друг Иванов? Разве вам не интересно узнать, куда это он вдруг исчез? Или вы знаете, где он?

Цыганков, готовый к этому вопросу, ответил спокойно:

– Я могу только строить догадки, мой президент. Возможно, кто-то втянул Иванова в игру. А возможно, его просто подставили, чтобы дискредитировать меня. Все-таки он мой бывший заместитель по работе в контрразведке. И нас связывали не только служебные, но и приятельские отношения.

– Ну и что бы вы сделали на моем месте? – спросил Носков.

У Цыганкова забегали глаза, но голос звучал твердо:

– Я бы уволил Цыганкова без объяснения причин.

Президент Носков достал из папочки чистый лист бумаги и протянул главе администрации.

Тот не ожидал такого поворота.

– Написать прямо здесь?

– А чего тянуть? Ждать, когда вы меня пристрелите?

Лицо Цыганкова стало багровым.

– Мой президент, как юрист, вы должны знать, что сказано в презумпции невиновности.

– Каждый обычно цитирует то, что ему нужно, – ответил

Носков.

– Там сказано, что недоказанная виновность приравнивается к доказанной невинности.

Носков рассмеялся.

– Николай Валентинович, ну вы ж с Ивановым профессионалы. Разве вас схватишь за руку? С вами нужно расставаться на всякий случай, при первом серьезном подозрении. Что я и делаю по вашему же совету. Прощайте. Служите верой правдой и дальше ридной Украине.

Цыганков сказал с пафосом:

– Я никогда не разделял Россию и Украину. Я всегда служил и служить буду братству наших народов.

Носков ответил с сарказмом:

– Нельзя, Николай Валентинович, служить тому, чему не служит ваше начальство. А если ваше начальство провело вас на такой мякине, то вы не профи, а сибирский валенок. Куда вы полезли, скажите на милость? На что рассчитывали? Младшая сестра может, конечно, покуражиться над старшей, попользоваться ее добротой, поиспытывать ее терпение. Эта игра на родственных чувствах может продолжаться долго, но рано или поздно терпение у старшей сестры лопнет. И что тогда? Никто и никогда не заменит младшей сестре ее старшую сестру. Запомните это и передайте по инстанции до самого Киева: никто и никогда! Никакие тети в Европе и дяди в Америке. Прощайте!

Цыганков тяжело поднялся. А из дверей комнаты отдыха,

бесшумно возник Федулов, держа наготове пистолет. Мало ли что мог выкинуть на прощанье глава администрации.

Глава 51

Близилось время обеда. Буфет быстро наполнялся сотрудниками администрации и правительства. Появились журналисты. Сильвия подседа к Яшину и Синцову и вынула из сумки свой обед – помидор и яблоко.

– И это все? – в один голос воскликнули мужчины. Сами они лакомились запеченными в горшочках драниками с мясом.

Сильвия старалась казаться веселой, но настроение у нее было на самом деле не ахти. Наконец, она не выдержала:

– Господа, объясните, почему России выгодно, чтобы Крым был ничей?

Мужчины переглянулись.

– Разве Гусев вам не объяснил? – спросил Яшин.

– Ваш Гусев негодяй! – выпалила итальянка. – Почему вообще так много негодяев?

– Люди таковы, какова их жизнь, – заметил Синцов.

Сильвия сделала отметающий жест рукой:

– Я бывала в странах, где люди живут намного беднее. Извините, я здесь гостя, я не вправе так говорить. Но я хочу получить ответ на вопрос, что мешает вам наладить жизнь: правители или вы сами?

– А к какому ответу вы склоняетесь? – спросил Синцов.

– Мне кажется, виноват сам народ, – сказала Сильвия. –

Хотя в целом это такая же загадка, как вопрос: что было в начале – курица или яйцо? А вы что молчите, господин Яшин?

Яшин хотел было ответить, но у него зазвонил мобильник. Это была Кира Стежкина.

– Андрей Васильевич, вас хочет видеть президент.

После возвращения с Кипра Носков уклонялся от общения с Яшиным. И на работе бывал не долго. Во второй половине дня лицо президента серело, ухудшалась дикция. Когда Федулов увозил его домой, все смотрели вслед с сочувствием.

Многих, включая Яшина, одолевало и любопытство: что же все-таки случилось на Кипре? Галина не посвящала в эту тайну даже свою подружку Киру Стежкину. Сказала только однажды: “Олега надо свозить к святому источнику”. Свозили. Носков искупался и действительно стал выглядеть намного лучше. Потом свозили еще раз. И теперь он уже работал полный день. Хотя вид у него был по-прежнему болезненный.

– Я рад, что ты подружился с генералом Синцовым, – сказал президент, пожимая руку Яшину. – Вообще спасибо: я знаю, как ты вел себя в эти дни.

– Говорят, ты идешь на поправку.

Носков ничего не ответил и продолжал после паузы:

– Гусев утверждает, что мой рейтинг падает.

– А кто проводит опросы?

– Наши социологи.

– Своим как раз не стоит верить.

– Я близок к тому, чтобы не верить никому.

– На это жалуются многие политики, – заметил Яшин.

– И что ты об этом думаешь?

– Думаю, что вопрос, верят ли тебе люди, гораздо важнее.

– А они верят?

– Пока да.

– И сколько может продлиться это “пока”?

– После назначения Сарычева и парламентских выборов – не больше трех месяцев. Ожидания народа и возможности власти не совпадают по времени почти никогда.

– Что же делать?

– Народ может простить правителю плохую жизнь только в одном случае: если увидит, что правитель любит государство.

– Любить и то и другое невозможно?

– И не нужно. Это только отвлекает от дела. Что такое “любить государство”? Это значит – делать его сильнее. А чем оно сильнее, тем больше возможностей для улучшения жизни.

Носков поднялся из кресла и прошелся по кабинету. Что-то задело его за живое: то ли слова Яшина, то ли какие-то свои мысли. Вошла Кира Стежкина.

– Олег Степанович, снизу звонит охрана. К вам поднимается Шелепугин.

Носков удивленно смотрел на секретаршу. В его созна-

нии никак не укладывалось, как мог Шелепугин приехать так неожиданно, без предварительного согласования. Но до него тут же дошло, что иначе, вероятно, не было возможности, подобные контакты нужно конспирировать. И он выбежал навстречу важному московскому гостю. А Шелепугин уже вышел из лифта. Они столкнулись в коридоре.

– Слушай, где тут у тебя сортир? – спросил Шелепугин.

Вообще-то можно было для начала и поздороваться. Но Носков не обиделся.

– Пойдем ко мне.

– Нет, боюсь не донесу.

Шелепугин шмыгнул в общий туалет. Охранники встали по обе стороны двери. Носков топтался тут же.

Московский гость появился в дверях с облегчением на лице. Теперь можно было поговорить и о государственных делах.

Шелепугин приехал не один. Следом на шестой этаж поднялись Сарычев и Воротников. На плече у Сарычева висела кожаная сумка, и в ней что-то звякало.

Воротников как-то странно поглядывал по сторонам, потом сказал Носкову:

– Олег Степанович, я посчитал. От подъезда до шестого этажа вас можно ухлопать с четырнадцати позиций.

Вертевшийся тут же Федулов заиграл желваками. Это был камень в его огород.

– Мне теперь уже все по хрену, – отмахнулся президент.

В кабинете Шелепугин, посмеиваясь, вручил Носкову подарок – маленький браунинг.

– А удостоверение пусть тебе Кравчук выпишет.

Перешли в комнату отдыха. Кира накрыла стол. Сарычев начал раскуривать трубку. Носков недовольно покосился в его сторону. Но вице-премьер уже пускал струйки. Пил он характерно, цедил из рюмки, и пока бутылка водки не кончилась, из-за стола не поднялся. Носков искоса наблюдал за ним, переглядываясь с Яшиным.

Постепенно перешли от шуточек-прибауточек к делу. Сарычев заговорил о прогнозах синоптиков, предвещавших в этом году большую засуху в Крыму. Потом начал поругивать украинское правительство.

– В Киеве совершенно не понимают, что такое кредитно-денежная политика. А о валютной политике вообще представления не имеют. До сих пор фиксированные валютные курсы – это ж замшелое советское средневековье! Первое, что мы сделаем – введем свободный курс, создадим в Симферополе биржу. И к нам потекут деньги из других регионов Украины. Больше, чем уверен: председатель Центробанка Виктор Ющенко меня поддержит.

Это “меня” резануло слух, и Шелепугин поспешил сменить тему. Осторожно заговорил о приватизации. “Вот зачем ты здесь”, – подумал Яшин.

– Я очень надеюсь на приватизацию, – сказал Носков.

Сарычев поднял на него чуть замутненные выпитым гла-

за.

– В смысле?

– В смысле пополнения бюджета.

Сарычев попыхтел трубкой и важно произнес:

– Приватизация в ГДР показала, что приватизация для бюджета не прибыльная, а затратная процедура.

Носков удивленно поднял брови.

– Это что-то новенькое.

Сарычев снисходительно посмотрел на президента, Мол, это только для тебя новость. И пояснил:

– Когда завод лежит на боку, его можно отдать и за одну марку, лишь бы новый собственник вкладывал в этот завод деньги, сохранял рабочие места и платил налоги.

– Ладно, о деталях поговорим отдельно, – задумчиво проговорил Носков. – Какие еще у вас сомнения?

– Насчет приватизации? – уточнил Сарычев. – Русский бизнес не горит желанием идти в Крым, а украинского бизнеса еще, по сути, нет. Ну и самое главное – крымский криминалитет не даст нам провести приватизацию спокойно. Нас просто перестреляют.

Шелепугин прошелся по кабинету.

– Генерал Лебедь прав: поле экономики надо разминировать.

– Я давно это предлагаю, – подхватил Носков. – Но у меня связаны руки.

– Полковник Воротников поможет вам развязать, – со зна-

чением сказал Шелепугин.

В глазах Носкова промелькнула радость. Он повернулся к Воротникову. Тот встал и вытянулся.

– Прибыл в ваше распоряжение, господин президент.

– Уволились с прежнего места работы?

– Так точно!

– Отлично!

Сарычев выцедил еще одну рюмку и обратился к Носкову:

– Олег Степанович, с учетом последних событий, я имею в виду факты саботажа со стороны правительства Крыма, предлагаю взять несколько министров из Москвы. Предварительные переговоры я провел. Люди согласны приехать.

– На какие министерства вы хотите их посадить? – спросил Носков.

– Министерства финансов, юстиции, сельского хозяйства, промышленности, иностранных дел, – перечислял Сарычев.

– Вы хотите создать министерство иностранных дел? – в тоне Носкова удивление смешалось с осторожным восторгом.

– А почему нет? Кто-то ж должен заниматься внешними делами республики.

– Какую же зарплату запросят ваши москвичи?

– Мы все будем соблюдать крымские мерки.

Носков с облегчением кивнул.

Лицо Сарычева обволакивал сизый дым. Как все курильщики, он время от времени покашливал.

– Даже жилья не попросим, – продолжал будущий вице-премьер. – Будем жить в пансионате “Море” возле Алушты. А вам я бы советовал переехать в один из санаториев Нижней Ореанды. О расходах не беспокойтесь. Мы все уладим. Нам поможет Татарстан. Предварительная договоренность уже есть.

Носков слушал настороженно, не говоря ни “да”, ни “нет”. Но его молчание показывало, что у него нет возражений. “Ну, вот и приехали”, – подумал Яшин. Ему уже приходилось присутствовать при аналогичных разговорах сильных мира сего. Он знал, как одни ловко играют роль змеев-искусителей, а другие сопротивляются только до определенного предела. Увы, президент Носков не оказал ни малейшего сопротивления. И отчасти его можно понять. А на кого он еще может опереться в его отчаянном положении? Больше не на кого.

Шелепугин перестал, наконец, расхаживать по кабинету и сел в кресло напротив Носкова.

– Ну а теперь давай, Олег Степанович, о самом главном. Ты какие-то уроки извлек из случившегося? Институт президентства в Крыму оказался совершенно незащищенным. Как думаешь исправлять положение?

Носков развел руками:

– Что ж мне, армию свою создавать, что ли?

– Ну, армию – не армию, а свою президентскую роту сформировать не мешало бы.

– В бюджете Крыма на такие цели денег нет.

Шелепугин выразительно посмотрел на Сарычева.

– Надо наскрести.

– Тут сразу возникает слишком много вопросов, – озабоченно произнес Носков. – Где взять людей? Где их размещать? И кто будет ими командовать?

– Это не твоя забота, – сказал Шелепугин. – От тебя требуется только одно – дать добро и как-то узаконить это подразделение. Вся организационную работу возьмет на себя полковник Воротников.

– Есть еще одна сложность – как на это посмотрит парламент.

– Ну, парламент-то будет, надеюсь, пророссийский? – усмехнулся Шелепугин.

– Парламент будет, скорее всего, прокриминальный, – сказал Носков.

Зазвонил внутренний телефон. Это была Кира.

– Олег Степанович, вам звонит какая-то женщина.

– Что ей надо?

– Ну, это уж она сама вам скажет. Говорит, по личному вопросу, не терпящему отлагательства.

Носков перешел в кабинет, плотно закрыл за собой дверь и снял трубку городского телефона.

– Олежек, это я, – сказала на другом конце провода Алла.

В трубке раздался легкий щелчок. Выполняя поручение Галины, Кира включила на запись магнитофон. По заданию

Брагина Федулов однажды как бы проговорился Кире, сказал, что у Носкова есть давняя зазноба. А Кира, как и следовало ожидать, тут же поставила в известность Галину. Подруги посоветовались и решили, что эту связь нужно оборвать раз и навсегда.

– Я очень занят, – досадливо морщась, ответил Носков.

Алла вздохнула.

– А я очень тревожусь за тебя.

– Все неприятности позади, – сухо бросил Носков.

– Когда же мы увидимся? – жалобно спросила Алла.

– Я тебе, по-моему, сказал: сиди тихонечко и жди.

В голосе Носкова прозвучало раздражение. И Алла ответила ему в тон:

– Как бы не засидеться. Я ведь не одна.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Экий ты стал недогадливый. Но пора, однако, сказать: у нас будет малыш, Олежек. Врач говорит, мальчик. У вас будет сын, господин президент. Ведь вы хотели сына.

– Я позвоню позже. Сейчас у меня люди, – Носкову нужно было хоть какое-то время, чтобы прийти в себя.

Он вернулся в комнату отдыха. А Кира вынула пленку из кассетника и положила себе в сумочку. Сидевший напротив Федулов подмигнул ей. Кира ответила ему заговорщической улыбкой.

Глава 52

Федулов подвез мать и дочь Носковых к дому, где жила Алла. Было решено не тянуть с ответными действиями. Вдруг президент проявит слабость.

– Какая у нее квартира? – спросила Галя.

– Четвертый этаж, крайняя справа, – сказал Федулов. –

Но я вам ничего не говорил.

Галина посмотрела на него холодно.

– Не хнычь. Ты спасаешь честь президента.

Федулов покачал головой.

– Нет, я лучше уеду. Мне нельзя светиться.

Отъезжая от дома, он видел, как Галина и Лариса решительно вошли в подъезд.

– А если она не откроет? – спросила Лариса, когда они поднимались по лестнице, дом был без лифта.

– Откроет, никуда денется. Скажешь, что внизу залива-ет, – отдуваясь, проговорила Галина. У нее было слабое сердце.

– Кто там? – спросила Алла, когда позвонили в дверь.

– Вы нас залили, – скандальным тоном выкрикнула Лариса.

– Неправда, – послышалось из-за двери. – Я не могла вас залить.

– Откройте! – завопила Лариса.

– Я лучше вызову милицию, – спокойно ответила Алла.

– Вот тварь! – прошипела Лариса.

Галина потянула дочь за собой.

– Пошли. Не хочет по-хорошему, поступим по-плохому.

Они подкараулили Аллу на другой день, когда та вышла из дома. Только на этот раз с ними были две алкаголички, которым они хорошо заплатили. Галина показала на Аллу издали, и алкашки приступили к выполнению задания. Они встали на пути у женщины и начали осыпать ее руганью и угрозами:

– Грязная тварь, отстань от мужика, или мы тебе выкидыш сделаем.

Алла растерянно оглядывалась по сторонам в надежде, что кто-нибудь придет ей на помощь. Но прохожие насмешливо оглядывали скандалящих женщин и шли дальше. Ей могли помочь только двое парней, сидевших неподалеку в «жигулях». Но они были заняты. Они снимали эту сцену на видеокамеру.

Алла пыталась идти своей дорогой, она спешила на работу, но алкашки вцепились в нее, сорвали с шеи бусы, помяли прическу, порвали ворот платья.

– Вызовите милицию! – кричала Алла прохожим, но никто даже не приостановился.

И тогда Алла бросилась обратно в свой подъезд. Она надеялась спастись от хулиганок, но только ухудшила свое положение. В подъезде алкашки вошли в раж, повалили свою

жертву на заплеванный пол и стали пинать, стараясь попасть по животу. Они прекратили работать ногами только, когда совсем выдохлись.

– Грязная сука, – сказала одна из алкашек. – Скажи спасибо, что легко отделалась.

– Не отвяжешься от мужика – убьем! – пригрозила другая.

Президент Носков летел в это время в “кукурузнике”, за спиной у него висел ранец с парашютом, а рядом сидела Сильвия.

– Может, все-таки прыгнешь? – крикнул ей Носков.

Сидевший напротив молодой парень-инструктор молча улыбался. Рядом с ним лежало еще два парашюта, и он готов был один надеть на себя, а другой – на итальянку.

– Нет, я лучше буду снимать, – прокричала в ответ Сильвия. – Эта фотография попадет в лучшие газеты мира. Вы станете героем. Я только боюсь, как бы ветер не занес вас на украинскую базу ПВО.

– Вот и хорошо, заодно проверю ее боеспособность, – расхохотался Носков.

“Кукурузник” заложил вираж и выпрямил крылья.

– Пора, – крикнул инструктор.

Зуев в это время летел в своем вертолете. Он ничего не знал о затее Носкова. И когда увидел выпрыгнувшего из “кукурузника” парашютиста, решил понаблюдать за ним. Но человек камнем летел вниз, почему-то не раскрывая парашю-

та, хотя земля была уже близко.

Ужас отразился на лице Сильвии.

– Он разобьется! – вскричала она.

Инструктору тоже показалось, что президент проявил смертельную лихость.

И собравшиеся на аэродроме зрители, среди которых были Мозуляк и Гусев, подумали, что это конец.

Носков раскрыл парашют, когда до земли оставалось меньше ста метров. Вопли ужаса сменились восторженными криками. Но не все были довольны таким исходом. Мозуляк и Гусев мрачно перемигнулись: надо же, все-таки уцелел.

Глава 53

Симферополь голосовал. Люди шли к школам, где разместились избирательные участки, как в советское время: семьями, принаряженные, а некоторые навеселе.

Ехавший по центру города Брагин велел остановить машину. Его внимание привлекла очередь у магазина с вывеской “Хлеб”. В очереди стояли старики с орденами и орденскими планками. Некоторые были в старой флотской форме со звездами на погонах.

Один из них держал на поводке старого пса. Брагин опустил в машине стекло и обратился к нему:

– Знаешь, отец, чей хлеб ешь?

– Торгового дома Тусуева.

– Говорят, этот Тусуев на бандитов работает, – насмешливо обронил Брагин.

– У нас государство – бандит, а не Тусуев, – заискивающе произнес старый моряк. Он узнал “папу”.

Брагин протянул ему сто долларовую купюру.

– Купи своему псу консервов, а то он у тебя, наверно, совсем вегетарианцем стал.

Старик усмехнулся в усы:

– Нет уж, пусть он огуречную кожуру жрет, а я себе лучше бутылочку куплю.

– За кого голосовать будешь? – поинтересовался Брагин.

– Понятно, за Тусуева. А хочешь, за тебя проголосую.

Старого моряка, мужика простецкого, распирало от гордости, что он может говорить на “ты” с первым бандитом Крыма.

Глава 54

Зуев смотрел по телевизору балет “Дон Кихот”, финальные танцы заводили его. Сказывалось, что сам любил танцевать. Когда-то Ритка разучила с ним зажигательный пасодобль, и они исполнили танец в каком-то ресторане. Все были в восторге, орали “бис”, а Макс не мог скрыть ревнивой ярости.

Но сейчас Женька просто хандрил. Он только что вернулся с деловой встречи. Адмирал Рыбаков привез очередного покупателя из Южной Америки. Просто удивительно, как он его нашел, и как вообще находил покупателей. Они заключили очередную сделку, подписали документы. Можно было не сомневаться, что через неделю деньги будут перечислены. Много денег. Хотя самому Зуеву доставалось всего 20 процентов, он уже был долларовым миллионером. Но большие деньги не приводили его, как раньше, в состояние эйфории и даже не радовали.

Он никак не мог до конца выйти из хандры. Перед его глазами то и дело вставали картины боев и откровенных убийств. “Тигры” добивали раненых врагов выстрелом в глаз. Поначалу он ненавидел своих соратников за этот садизм. А потом привык. И вот сейчас, когда все ужасы войны остались где-то далеко на западе, эта ненависть вспыхнула вновь. Только теперь она была обращена на себя. Му-

чила мысль: зачем он в этом участвовал? Кошмары преследовали Женьку не только ночью, но среди бела дня. Иные сцены возникали в самые неподходящие моменты. И он не знал, что с этим делать. Иногда ему приходила мысль пойти исповедаться, но он не мог довериться попам. Он допускал вероятность существования Бога, но не верил священнослужителям.

Видя состояние сына, Кузьмин посоветовал ему заняться строительством своего дома. Это была хорошая идея. Зуев заказал архитекторам проект и выбрал роскошное место – на вершине мыса Фиолент, прямо у моря. Строительством и покупкой мебели занимался специально нанятый приказчик, дизайнер по профессии. Женька приезжал не чаще раза в неделю, высказывал свои пожелания и снова уезжал в свой охотничий домик. Там ему было спокойнее.

Басовито залаяла собака, большая московская овчарка. Зуев выглянул в окно. К дому подкатывала черная “волга” отца.

– Я к тебе не просто так, – сказал Федор Федорович, когда они сели ужинать. – Есть идея. Я как в воду глядел: шапка Мономаха нашему Носкову явно не подошла. Нет человека, который был бы им доволен. А в органах власти сверху донизу его просто презирают и не хотят выполнять ни одного его распоряжения. В Киеве уже все решено, там только ждут только удобного случая. Это плохо, потому что вместе с Носковым уберут всю президентскую власть в Крыму.

Нужно что-то делать, сын, причем, как можно быстрее.

Зуев покачал головой:

– Нанимать политиков я готов, заниматься политикой – избави бог, это не для меня.

– погоди, не спеши отказываться, – мягко произнес Кузьмин. – Мы создадим партию, ты станешь председателем, а всю скучную работу будут делать другие. Есть такие люди – любят упиваться своим влиянием, будучи в тени.

– Мне-то как раз и нельзя быть на виду, – сказал Зуев.

– Отбрось эти мысли раз и навсегда, – махнул рукой Кузьмин. – Никто тут не выдаст тебя ни Интерполу, ни Гаагскому трибуналу. Я вообще не понимаю, зачем они требуют твоей выдачи. Ведь ты сам говоришь, что лично ни в чем таком не участвовал.

– Я был среди “тигров”, и этого достаточно. Это была самая настоящая банда, отец. И то, что их сейчас начинают привлекать, это правильно.

Кузьмин озадаченно посмотрел на сына.

– Странно ты, однако, рассуждаешь. Как там говорили древние? На войне – как на войне. Я сам воевал, и по себе знаю, как человек ожесточается, переходит границы дозволенного. Если на то пошло, каждого второго из тех, кто воевал, можно привлекать за какие-то грешки. Выбрось ты это из головы.

– Я хочу делать добро, – сказал Зуев.

– Вот и хорошо! – обрадовано воскликнул Кузьмин. – Ты

будешь делать что-то полезное для детей, молодежи, стариков. Почему этим занимаются Тусуев и Брагин, а мы в стороне? У нас появилось много денег, и мы должны найти им правильное применение. Тебе нравится строить свой дом. Но я уверен: тебе еще больше понравится строить что-то для людей. Ты будешь тратить не только свои деньги. Мы соберем в партии всех более-менее состоятельных людей Крыма. Мы аккумулируем все наши средства в специальном фонде и направим их на поддержку детей, молодежи, стариков и просто бедных людей. Я уже говорил кое с кем и заручился поддержкой. Нас готовы поддержать те, кто отказался принимать украинскую присягу, а их тысячи. Многие из них поверили в Носкова, но теперь понимают, что ошиблись. А в кого-то верить надо, иначе невозможно жить. И они готовы поверить в нас. Мы не должны обмануть их надежды.

– Отец, ну ты прямо, как на митинге, – скривился Зуев. – Сейчас так не говорят с людьми.

– Значит, знаешь, как говорить! – подхватил Кузьмин. – Тогда в чем дело? Действуй!

Зуев перестал есть, и потянулся к сигаретам. “Неужели он сам не понимает, куда толкает меня? – подумал он об отце.

– А ты подумал, как на это посмотрит Макс?

– Мы его сомнем, – сказал Кузьмин. – От него мокрого места не останется.

Зуев покачал головой: нет, только не это.

– Ты что-то не то подумал, – сказал Кузьмин. – Мы просто

перекупим всех его депутатов и всех его боевиков. Мои люди подсчитали: наша партия будет иметь до десяти миллионов долларов в квартал.

Зуев молча курил. Последняя цифра произвела на него сильное впечатление. Если отец не преувеличивает, то и впрямь открывается возможность сыграть по-крупному. А чего не попробовать? Все-таки он тоже игрок, очень азартный игрок.

Глава 55

Кузьмин советовал создать сначала партактив. Адмирал Рыбаков привез несколько офицеров, отказавшихся принять украинскую присягу. Вместе провели инструктаж, как вербовать в партию предпринимателей. Но дальше дело шло туго. Кто-то нарисовал Кузьмину слишком радужные перспективы. Деловые люди видели в партии всего лишь новое прикрытие обычного рэкета. А у каждого из них уже была “крыша”.

Зуев быстро сориентировался и велел своему подрядчику форсировать строительство замка. Так он теперь называл свой будущий дом, действительно чем-то похожий на замок, с бойницами на верхушках башен, с подъемным мостиком перед воротами и подземным бункером.

Из Москвы и городов Европы пришли несколько фур. Из них выгрузили наимоднейшую мебель, дорогие картины, шкуры зверей. Апартаменты главы партии должны были поражать воображение гостей и создавать впечатление, что богаче и сильнее его в Крыму нет никого. А когда все работы были закончены и все вещи заняли свои места, адмирал Рыбаков установил в замке охрану. Это были рослые морские пехотинцы в полной парадной форме, с боевым оружием в руках.

Не отгалкивая от себя офицеров, Зуев стал опираться на

спортсменов. Перед его глазами был пример Аркана, который, почуяв, что в воздухе пахнет гражданской войной, создал футбольный клуб и свою армию болельщиков, которые впоследствии, когда начались боевые действия, стали его “тиграми”.

Позиции Брагина в Севастополе были довольно слабы. Здесь предпринимателей обирали другие группировки. Одну из них поддерживал «крестный отец» Москвы (так, по крайней мере, подавали его средства массовой информации) Отари Квантришвили. Приехав поддержать своих людей, он встретился с Зуевым и на свою беду обошелся с ним небрежно.

– Парень, зря ты считаешь себя таким прытким, – зловеще попенял он ему. – У меня таких в Москве в каждом районе штук по пять.

Зуев молча проглотил обиду, но одарил грузина таким взглядом, что тот потом жаловался своим браткам, что его сглазили. Это опасение отчасти было подтверждено естественным течением жизни. Вскоре киллер расстрелял Квантришвили в Москве, по слухам, из обыкновенной мелкашки, а на другой день после убийства спортсмены Зуева устроили ставленникам «крестного отца» в Севастополе кровавую трепку, запретив полагающиеся после таких побоищ пышные похороны.

Так в считанные недели Женька Зуев стал полновластным хозяином Севастополя, подмяв под себя не только всех брат-

ков и предпринимателей, но и варягов, среди которых была казанская группировка Хайдера, контролировавшая транзит нефти. Лозунг партии “Крым – крымчанам” начал претворяться в жизнь.

Все шло, как по маслу: большие деньги и большой напор – страшная вещь. Партия росла, состоять в ней деловые люди почитали за честь и благо. Вовсю шло строительство спортивного клуба для трудных подростков и бассейна для детей-инвалидов, начал возводиться православный храм, для пенсионеров открыли специальный магазин, где можно было за полцены купить продукты первой необходимости. Зуева, который все чаще появлялся на людях, севастопольцы знали в лицо и называли “папой”.

Но завелись новые враги. Как-то сразу, в невероятном количестве и грозном качестве. Затревожился Брагин, понимая, что старый дружок рано или поздно полезет в его вотчину – Ялту. Представитель казанской группировки Хайдера умолял Сарычева помочь освободиться от хватки непонятной партии, угрожая в противном случае прекратить оплату счетов за проживание московских министров в пансионате “Морской берег”.

Партия с самого начала строилась по земляческому принципу. В немалой степени это подогревалось действиями украинских националистов. Однажды адмирал Рыбаков положил на стол Зуеву листовку.

– Крым будет украинским или безлюдным... – прочел Зу-

ев. – Мы будем сражаться до последней капли крови наших врагов...

– Мы должны быть готовы к большой буче, – сказал адмирал. – Нужно форсировать рост партии. Севастополь – главный город Крыма, но еще не весь Крым. Нужно идти дальше.

Для Зуева это было тяжелое решение. Он понимал, что идет на прямое столкновение с Брагиным. Но он понимал также, что если будет топтаться на месте, его не поймут его же соратники.

Через неделю в Севастополе были собраны предприниматели из других городов Крыма. Их привезли прямо в замок Зуева. Мэр Севастополя, ставший к тому времени его правой рукой, зачитал что-то вроде декларации. Сказал, что партия добивается подлинного народовластия в Крыму и хочет собрать всех бизнесменов в один кулак. Предприниматели слушали внимательно, но без воодушевления. Ну, разве так нужно с ними разговаривать? Дождавшись, когда мэр закончит, Зуев поднялся и сказал:

– У нас партия патриотов. Мы должны любить свой народ. А народ – это дети, старики, бедные. Они тоже люди, а вы дали на них хоть одну гривну? Вы жиреете, а им жрать нечего. Короче так: кто хочет быть в партии – декларацию о доходах – нам, и потом только в фининспекцию. 10 процентов надо отстегивать народу. А кто не хочет быть с нами – скатертью дорога. Собрал чемоданы и – пошел, мы не держим. Тем, кто не патриот, нечего делать в Крыму. Вычистим всех

до одного. У меня все.

Предприниматели разволновались, такая речь была им понятнее. Стали один за другим подниматься со своих мест и заверять в безоговорочной поддержке. Один даже сказал, что 10 процентов мало, надо бы 15.

Потом в соседнем зале был фуршет. Звенели вилки и бокалы, стоял гомон, но когда начал говорить Зуев, все смолкло.

– Вот тут спрашивают, как быть, если своей доли потребуют те, кому вы платили до сих пор. Скажите, что их ждет ад. В лучшем случае выстрел в глаз. Они – паразиты, с ними иначе нельзя. А мы, господа, будем созидать, творить добро. Еще немного и мы открыто объявим о создании нашей партии, – Зуев поднял бокал с шампанским. – Да поможет нам Бог!

– Ура! – гаркнули новобранцы партии.

У одного из предпринимателей был с собой диктофон. Через день пленка с записью была у Лисовского. Он прокрутил ее в присутствии своих сотрудников.

Потом первым высказался Дзюба:

– Еще немного и мы получим в Крыму бандитскую республику. Начинать надо с Севастополя, тем более, что это город в прямом подчинении у Киева. Мэра нужно срочно менять. И вообще требуются экстренные меры. Иначе эта зараза перекинется на другие города, и тогда придется воевать. Этот Зуев – второй Дудаев.

– Что вы имеете в виду под экстренными мерами? – спросил Лисовский.

– Я думаю, мы должны использовать югославский опыт.

– Скажите яснее, чтобы всем было понятно.

– Югославы во времена Тито боролись против сепаратистов руками уголовников. Акции выглядели, как разборки. Я думаю, это вполне оправданно, и вполне укладывается в известную формулу: тот, кто спасает государство, не нарушает законов, – отчеканил Дзюба. – Кстати, мы до последнего момента надеялись, что судно с патронами пойдет к Дарданеллам и потом на Ближний Восток, но оно, похоже, направляется в Крым. Какие тут еще требуются аргументы в пользу экстренных мер?

Глава 56

В Белый дом стекались вновь избранные депутаты Верховного Совета. Некоторые уже вырядились в новые дорогие костюмы. Встречавшиеся накануне раскрывали друг другу объятия, будто не виделись сто лет. В воздухе витали пьяные пары эйфории.

Особой жизнерадостностью выделялись депутаты, купленные Брагиным. Они сразу консолидировались – заняли правую часть зала и посматривали на остальных с выражением снисходительного превосходства. Среди них выделялся Сергей Фадеевич Тусуев, сегодня он был особенно импозантен.

Войдя в зал, Яшин начал искать глазами, где бы сесть. Все места были заняты. Выручил Вадик, который работал теперь пресс-секретарем у Цуканова. Вадик принес из-за кулис два стула, и они сели очень удобно, сбоку от сцены, откуда был виден весь зал.

В сопровождении Воротникова появился Сарычев и с ними еще четверо незнакомых мужчин, по виду не местных. Все шестеро стали рассаживаться в первом ряду.

– Ты его знаешь? – спросил Яшин, показывая на Воротникова.

– Его уже все знают, – отозвался Вадик. – Чудны дела твои, господи. Кого тут только нет. Каких только агентов,

каких только разведок и контрразведок. Просто танец кобр какой-то.

– А ты откуда знаешь, кто тут есть кто? – спросил Яшин.

– Так ведь я тут со всеми разговариваю. Эти кобры сами друг на друга показывают. Правда, при этом не говорят, на чьей стороне сами танцуют.

Неожиданно правая часть зала встала, как по команде.

– А вот и наша достопримечательность, – сказал Вадик.

В зал вошел Максим Брагин. Привыкший к закулисной жизни, он чувствовал себя неловко и скрывал смущение высокомерным выражением лица.

Носков, стоявший в это время за кулисами, готовясь вместе с Цукановым выйти на сцену, не мог скрыть изумления:

– Кто пропустил сюда этого бандюгу?

Цуканов с притворной горестью вздохнул:

– У этого бандюги, Олег, теперь депутатская неприкосновенность.

Носков смотрел на соратника с презрением. Он был уверен, что такой фокус Брагин мог выкинуть только с помощью Цуканова.

– Давай обсудим это потом, – сказал Цуканов, жестом предлагая президенту первым выйти на сцену.

Через несколько торжественных минут Виктор Павлович Цуканов был избран спикером парламента. Прозвучали два гимна: российский и украинский. Затем слово было предоставлено президенту. Носков объявил то, что все давно уже

знали: на должность вице-премьера предлагается Сарычев.

Тусуев поднялся с кресла и спросил:

– Геннадий Андреевич, вам сколько лет?

Сарычев лениво встал:

– А какое это имеет значение?

– Очень простое. В одном из своих интервью вы заявили, что министр не должен быть старше сорока пяти лет. Мол, по-настоящему продуктивная работа требует слишком больших психологических и физических нагрузок. Вам, насколько мы знаем, почти на десять лет больше. Как так можно: говорить одно, а делать другое?

– Он ведь к тому же еще квасит, – зашептал на ухо Яшину Вадик. – Его уже знаете, как прозвали? Синяком. По-моему, очень точно, посмотрите на его нос.

Нос у Сарычева и впрямь был подозрительно сизоват.

Сарычев откашлялся и ответил с достоинством:

– Я крымчанин. Меня попросили помочь малой родине в трудную минуту. Я отказывался, но меня уговорили. Если хотите, чтобы я сейчас отказался, пожалуйста, голосуйте. Если большинство будет против, вернусь в Москву.

Тусуев рассмеялся и вкрадчиво сказал:

– Ну, зачем же сразу так ставить вопрос? Политики не должны обижаться. Политики должны внимательно прислушиваться друг к другу. Видите ли, уважаемый Геннадий Андреевич, крымчанам не хотелось бы в вас разочароваться. Потому, что в этом случае они в какой-то степени разочаро-

вались бы в России. Скажите, кто вас будет поддерживать в Москве?

– Некоторые министры.

– И только?

– Некоторые главы регионов.

– У вас есть программа вывода Крыма из экономического кризиса?

– Наметки, безусловно, есть.

Сарычев говорил негромко, но его голос был слышен во всех уголках зала. Тишина была мертвая.

– Насколько реально ввести в обращение рубль? – спросил Тусуев.

– Я думаю, в Крыму должны на равных ходить как гривна, так и рубль. Переход на какую-то одну валюту – это не актуально. В этом нет острой необходимости, скажем так.

Тусуев поблагодарил и опустился в кресло. Создавалось впечатление, что лично против Сарычева у него ничего нет. Просто он хотел дать понять Сарычеву, кто тут задает тон и от кого зависит исход голосования.

Потом Сарычев отвечал на вопросы других депутатов. А в зале происходило движение. Шел обмен мнениями, стоит ли утверждать вице-премьера из Москвы. Многие поглядывали в сторону Брагина и Тусуева, пытаясь угадать, что у них на уме.

Тусуев решил помочь колеблющимся:

– Наша фракция, которую, кстати, мы решили назвать

“Россия”, заявляет, что будет голосовать за Геннадия Андреевича Сарычева.

– Голосование будет открытым, – объявил Цуканов, – Кто за то, чтобы утвердить Геннадия Андреевича Сарычева в должности вице-премьера?

Кандидатура Сарычева прошла большинством голосов. После поздравлений новый вице-премьер вышел на трибуну.

– А теперь, с вашего позволения, я объявлю состав правительства.

Уже при первых фамилиях по залу прошел гул недоумения. Этот гул нарастал, и после того, как Сарычев закончил представление членов правительства, перешел в гвалт. Возмущение объяснялось просто. На посты министров финансов, юстиции, сельского хозяйства и социальной политики Сарычев предлагал своих друзей, тоже москвичей. Пятый пост главы службы государственных дел (фактически министра иностранных дел) отдавался Воротникову.

Особенно были возмущены депутаты из фракции “Россия”. Они-то рассчитывали, что Сарычев отблагодарит их за поддержку и учтет их мнение при назначении ключевых министров. А он, неблагодарный, повел себя так коварно.

Слово снова взял Тусуев:

– Геннадий Андреевич, мы уважаем и ценим москвичей. Но почему москвичи не уважают и не ценят крымчан? Неужели вы думаете, что у нас не нашлось бы достойных кандидатур?

Сарычев был все так же невозмутим:

– Придет время показать себя и крымчанам. Но не сейчас. Начать мне удобнее с людьми, которых я хорошо знаю, а не вы. Потому, что мне работать, а не вам. Мне отвечать за результаты, а не вам.

Тусуев поднял руку, призывая депутатов к тишине:

– Сколько вам нужно времени для получения результатов?

– Ну, хотя бы год, – сказал Сарычев.

Тусуев обратился к депутатам:

– Сколько времени дадим москвичам?

Со всех сторон посыпались предложения. Кто-то сказал о трех месяцах.

– Даем три месяца? – спросил Тусуев.

Зал поддержал его дружными аплодисментами. Все еще стоявший на трибуне Сарычев поморщился. Эти неблагодарные крымчане вели себя совсем не так, как должны были вести, если учесть, в каком положении находится Крым.

– А теперь послушайте меня, – сказал Сарычев. – 26 процентов экономики Крыма составляют предприятия военно-промышленного комплекса, но почти все они лежат, что называется, на боку. Санатории в запущенном состоянии, и зарабатывать на отдыхающих не в состоянии. Сельское хозяйство ориентировано в основном на растениеводство, животноводческой базы нет, а значит, собственных мясopодуkтов в Крыму в ближайшем будущем не будет. Полезных

ископаемых и источников энергии практически тоже нет.

– Как нет? – перебил Тусуев. – А месторождения нефти и газа на шельфе Черного моря и на Керченском полуострове?

Сарычев отмахнулся.

– Бросьте, их разработка потребует таких капиталовложений, о которых в ближайшие десять лет можно даже не мечтать. – И продолжал свое выступление. – Немногие действующие предприятия работают в основном на привозном сырье, которое нужно закупать, а денег в казне нет. И дальше, господа-товарищи, лучше не будет. Будет еще хуже. И в этом положении, уважаемые, вы еще крутите носом. Да вы благодарить должны, что нашлись люди, которые взялись сделать почти невозможное. Никто из крымчан на нашем месте положения не поправит. Никто! Так что давайте так: или вы голосуете “за” предложенные мной кандидатуры, или я и мои министры прямо из этого зала едем в аэропорт. И объяснять, почему мы это сделали, вы своим избирателям будете сами.

Носков смотрел на Сарычева с одобрением, не скрывая торжества. И все в зале это видели. Депутаты понимали, что, выступив против Сарычева, они фактически выступят против президента. Два миллиона семьсот тысяч крымчан им этого не простят.

Тусуев посоветовался с Брагиным и взял слово.

– Хорошо, – сказал он, – мы даем вам полгода.

– Вы даете нам год, – твердо ответил Сарычев.

Тусуев посоветовался взглядом с Брагиным и сказал по-

лушутливо:

– Хорошо, мы даем вам год. Но если обманете, можете не доехать до аэропорта. Крымчане – народ горячий.

Слова попросил Мозуляк. Он, как и Тусуев, говорил с места.

– Если все так плохо и на все нужны деньги, то где уважаемые москвичи собираются их брать? Рассчитывают на приватизацию? Или может, на зарубежные инвестиции?

– Привлечение инвестиций, безусловно, главнейшая задача правительства, – отвечал Сарычев. – Но сразу скажу, дело это трудное. У Украины мало средств, у Запада мало интереса, остается Россия и страны СНГ. Хотя русский бизнес тоже не горит желанием идти в Крым.

Похоже, последнее высказывание вице-премьера не очень понравилось Носкову. Президент скептически поджал губы и начал что-то рисовать на листке бумаги.

– У вас другое мнение, Олег Степанович? – выкрикнул Мозуляк.

– Просто у меня есть информация, которой пока не владеет Геннадий Андреевич, – сказал Носков. – Интерес к нам сегодня проявляют многие страны. Единственное, что их смущает, это попытки известных сил на Украине обострить обстановку в Крыму. Большие деньги любят стабильность.

– Потрясающая у вас способность, Олег Степанович, – сказал Тусуев, – говорить правильные слова и делать все наоборот. Вы же сами обостряете обстановку.

Носков усмехнулся:

– Это вам господин Брагин на ухо шепнул?

– Ну, вот видите, – укоризненно произнес Тусуев. – Первое заседание парламента, и вы уже нагнетаете. Неужели нельзя решать вопросы мирно? Почему бы вам не пригласить нашу фракцию к себе? Может, мы что-нибудь подскажем, в чем-то поможем?

Носков выслушал с язвительной улыбкой.

– Встретиться, конечно, можно. Только что завтра об этом напишут газеты? Давайте лучше дослушаем Геннадия Андреевича. Кажется, он хотел что-то сказать о приватизации. По-моему, это как раз тот вопрос, который особенно волнует фракцию “Россия”.

Сарычев продолжал:

– Откровенно говоря, я даже боюсь касаться этого вопроса. В обществе сложилось мнение, что приватизация должна приносить в бюджет большие деньги. Увы, это не совсем так. Точнее, это совсем не так. Приватизация нерентабельных и обанкротившихся предприятий – это не прибыльная, а затратная процедура.

Зал затаил дыхание. Депутаты переглядывались, стараясь понять, к чему клонит вице-премьер. Ведь к чему-то же клонит.

– Ближе к делу, Геннадий Андреевич, – выкрикнул Мозуляк.

– О планируемой схеме приватизации я доложу вам при-

мерно через месяц, – неожиданно заявил Сарычев.

Вице-премьер сошел с трибуны и сел за стол вместе с президентом и спикером. Депутаты обменивались впечатлениями.

– Хитрован, – пророкотал Мозуляк.

– Московская штучка, – прошипел Тусуев.

– Пусть хитрит, – сказал Брагин. – Но пусть знает, что после того, как обхитрит, и дня не проживет.

1994-й ГОД, СЕНТЯБРЬ

Глава 57

Зуев стоял у окна гостиницы “Ялта” и смотрел на рейд. Вид морских судов навевал легкую грусть. Так и не пришлось ему побородить океаны, побывать в Бермудском треугольнике. А ведь была такая мечта. Черт бы побрал тот вечер восемь лет назад и характер Максима. Хотя, если разобраться, в нем, Женьке Зуеве, тоже хватало чертей.

Но как бы то ни было, он кое-чего добился в жизни, и сегодня его день. Зуев посмотрел вниз. К гостинице одна за другой подъезжали импортные лимузины. Швейцары открывали дверцы. Из машин выходили разодетые люди: мужчины и женщины. Он всех предупредил: “Чтобы все было как в лучших домах Лондона”. А кто посмеет его послушаться?

Зуев оглядел себя: брюки, кажется, не длинноваты, как это обычно бывает у русских мужчин. А рукава пиджака, как полагается, слегка коротковаты, зато видны манжеты белоснежной сорочки. И 100-долларовый галстук в самый раз, не ниже и не выше ремешка на брюках.

На террасу, где он стоял, вышла в сопровождении охранника Женя. Она была обворожительна. Платье для нее прислали из Парижа. В декольте она выглядела старше. Это было как раз то, чего хотел Зуев. Ему не хотелось, чтобы она выглядела много младше его.

Ему позвонили по мобильнику и что-то сказали. Он взял

Женю под руку, и они спустились на первый этаж. Нужно было встретить особо именитых гостей. На машинах были киевские и московские номера. Приехали некоторые украинские министры, генералы и адмиралы. Все были с женами, как было указано в пригласительных билетах. В синем небе выписывал фигуры высшего пилотажа взятый напрокат реактивный истребитель.

Все шло, как по нотам. Через несколько минут многочисленные гости сидели за ресторанными столами, а Зуев подошел к микрофону. Он волновался и не пытался этого скрыть.

– Черт возьми, – начал он, – даже ладони вспотели: как это страшно – говорить, когда тебя слышат и тебе верят. Страшно – не говорить, а что-то не сделать из сказанного. В самом деле, господа, мы живем в жуткое время: слова ничего не значат, а человек и его здоровье и даже жизнь – просто ничто. Не состояться и умереть молодым – дело обычное. Любви нет: ни к ближнему, ни к женщине, ни к детям, ни к родине. А главное – нет справедливости. И вот мы собрались здесь, чтобы вернуть хотя бы часть того, что потеряно. И мы, собравшиеся здесь, всего лишь часть той силы, которая выходит на арену борьбы. В нашей Христианско-либеральной партии сегодня 160 тысяч, в основном молодые, сильные и целеустремленные люди. Мы выходим, чтобы вернуть народу веру во власть. Мы будем с теми, кому сегодня плохо. Мы осознали, что надо делать добро...

После Зуева выступили два министра украинского прави-

тельства, мэры Симферополя, Севастополя и других городов Крыма. Все говорили одно и то же, только разными словами. Христианско-либеральную партию нужно поддержать, потому что она представляет собой единственную действительно организованную легальную структуру, на которой может держаться власть в Крыму.

Потом выступления прекратились, и официальная часть презентации новой партии плавно перешла в банкет. Федор Федорович Кузьмин не сводил с сына восхищенного отеческого взгляда. Зуев и его юная избранница были в центре внимания. Оркестр заиграл вальс, и они закружились в танце.

– Вот увидишь, я стану президентом, – сказал Зуев на ухо Жене. – А ты будешь первой леди Крыма.

– Это какой-то сон! Я боюсь проснуться! – воскликнула девушка.

– Это не сон, – отвечал счастливый Зуев.

Он только выглядел счастливым, а на душе у него скребли кошки. Он знал, что чем сильнее становится, тем неизбежней смертельное столкновение с Максимом. Накануне он побывал на кладбище и был поражен, как много там лежит молодых парней. “И я здесь буду, и Макс”, – мелькнуло у него. Он долго не мог прогнать эту мысль, побороть предчувствие беды.

“Нужно побыстрее обвенчаться с Женькой, – думал он сейчас, вальсируя с девушкой. – Пусть все останется ей”.

Размышляя о своем отношении к Жене, Зуев неожиданно пришел к выводу, что относится к ней не только как к красивой девушке. Было что-то и от отцовского чувства. Наверно, он по природе своей был семейным человеком. Это, между прочим, и сблизило его с Ражнятовичем, для которого если и было что-то святое, то только семья.

У него зазвонил мобильник. Он включил его и приложил к уху, не прерывая танца.

– Привет, Пискля, – это был голос Брагина.

– Макс, мы же договорились, что Пискли нет, – сказал Зуев.

– Да, ладно тебе, – обидно расхохотался Макс. – Ты всегда будешь для меня Писклей.

– Чего ты хочешь, Макс? – спросил Зуев.

– Стрелу тебе забить.

Зуев усадил Женю за столик и продолжил разговор:

– Все-таки хочешь кусалово устроить?

– Ты сам меня вынуждаешь. Кроме меня, тебя никто не остановит.

– Хорошо, – согласился Зуев. – Когда и где?

Брагин велел подготовить машину, оборудованную портативной капельницей и другими медицинскими приборами, необходимыми при оказании помощи тяжело раненым. Зная Зуева, он был уверен, что тот едва ли первым нажмет на курок, если вдруг их переговоры примут скандальный характер. Но мало ли что. Вдруг за эти восемь лет тоже набрал-

ся коварства. Короче, береженого бог бережет. Максим даже мысленно не мог признаться самому себе, что на самом деле держит в уме. Но Ритка его разгадала.

– Неужели ты убьешь Женьку?

Они сидели на огромной кухне и пили утренний кофе.

Брагин поднял на нее воспаленные глаза, эту ночь он почти не спал.

– С чего ты взяла?

– Взяла, – тихо проронила Ритка и потянулась к сигаретам.

– Не собираюсь я его убивать, но в нашей крымской луже хватает воды только одному крокодилу, – в голосе Брагина звучала фальшь.

– Вместе с Женькой ты убьешь и себя. Ты потом этого себе не простишь, – сказала Ритка.

Она старалась говорить спокойно, но ее выдавали слегка раздувающиеся ноздри.

Брагин решил переубедить подругу:

– Пискаля подобрал под себя Севастополь и подбирается к Ялте. Его партактив уже работает в Симферополе, перекупает моих депутатов. Ждать, когда он меня в свой карман засунет? Ритуля, либо мы с тобой будем первыми, либо о нас начнут вытирать ноги.

– Попробуй все-таки договориться. И не называй его Пискалей, – посоветовала Ритка.

Они встретились, как условились, на окраине Понизовки,

недалеко от Фороса. Там Зуев мог свободно сесть на своем вертолете. Увидев его одного, Брагин пришел в замешательство. Или старый дружок совсем потерял страх или что-то задумал.

Первые слова Зуева показали, что он просто хочет договориться. Причем совершенно искренне.

– Макс, ты знаешь: ты всегда был мне как брат. Нам хватит всего на двоих.

Брагин молчал. Когда он принимал решение, что будет убивать человека, каждое слово давалось ему с трудом, возникало непреодолимое желание сделать дело поскорее.

Он сказал, выцезживая каждое слово:

– Я застолбил Ялту, и ты это знаешь. Я тебя предупредил: не лезь туда. Но тебе не сидится в Севастополе. Ты нарушил наш уговор. Твоя партия распускает щупальца по всему Крыму.

Зуев повел глазами по сторонам, пытаясь понять, откуда может прилететь пуля, и спокойно ответил:

– Всем заправляют люди отца. У них свои планы, и я не могу сказать им: остановитесь! Точно так же я не могу отвечать за них. Если то, что они делают, тебе не нравится, почему бы тебе не поговорить с ними?

У Брагина загуляли желваки.

– Что ты гонишь, Пискаля? Даже не пытайся меня провести. Хотя извини, – прибавил он издевательским тоном, – ну, какой ты Пискаля? Ты теперь у нас “папа”. Интересно, если

ты “папа”, то кто я?

Зуев внутренне тоже завелся, но держал себя в руках. Он давно усвоил: кто чувствует себя более сильным, тот должен быть и более спокойным.

– Говоришь, застолбил Ялту, – терпеливо отвечал он. – А как же москвичи? Полковник Воротников уже работает по всему Южному побережью. А у него, по моим подсчетам, минимум сто стволов. Что ж ты его не мочишь? А еще есть генерал Валебный, который теперь гуляет сам по себе и, похоже, вот-вот снюхается с Носковым и Воротниковым. Нам надо вместе держаться, Макс. Друг с другом мы еще можем договориться, а с ними – никогда. Давай вернем дружбу, Макс. Мы с тобой естественные союзники. То, что ты застолбил, останется твоим. А дальше будем все дела решать вместе и все делить разумно.

Брагин стоял со странным выражением лица. “Он меня не слышит, – подумал Зуев. – Значит, он что-то решил, и переубеждать его бесполезно. Он всегда был таким. Что же делать? Нет, надо все-таки попробовать пробиться к его мозгу”.

Но Брагин неожиданно показал, что он все отлично слышит.

– Разумно – это как? По мне, разумно – это поровну. Как минимум, поровну.

– Поровну не получится, Макс. Мне без того будет трудно отстоять для тебя то, что ты застолбил.

Брагин задумался. Сделал вид, что Зуев поколебал его решимость развязать узел противоречий одним ударом. Это была его обычная тактика. К концу крутой разборки он делал вид, что находит с противником общий язык. Тот уезжал со “стрелки” успокоенным, но на пути его ждала засада.

– Ну, допустим, я готов обсудить условия союза. Какая будет моя доля?

– Двадцать пять процентов, я думаю, смогу для тебя отстоять, – сказал Зуев. – Это, на самом деле, много, Макс.

– Мне надо подумать.

Брагин снял бейсболку и провел рукой по волосам. Это был сигнал киллеру.

– Нет, давай решим сейчас. Такие вопросы нельзя откладывать, – настаивал Зуев.

Брагин угрюмо молчал.

– У меня есть конкретное предложение, – сказал Зуев. – Мы убираем со всех министерств москвичей и ставим вице-премьером Тусуева. Он наш, крымский. Он против Носкова. И он на сто процентов твой человек.

Максим устремил на Зуева недоверчивый взгляд. Он знал только одно правило: когда тебе идут на уступки, значит, тебя хотят провести.

Зуев протянул Брагину руку.

– Крым – только для крымчан, Макс. Для нас с тобой. Это судьба. Нельзя идти против судьбы. Соглашайся.

Брагин протянул ему руку. Они обнялись. Отстранились,

посмотрели друг на друга и снова обнялись. Зуев сделал это от всей души, а Брагин только подыграл.

– Поехали ко мне, – предложил Зуев. – Мы не должны сейчас просто так разъехаться. Надо посидеть, обсудить ситуацию. Я покажу тебе свой дом. У меня, наконец, появился свой дом, Макс. Хозяйку ты знаешь. Я так тебе благодарен за Женьку. Тебе и Ритке. Поехали.

– Не сейчас, – отказался Брагин.

– Ну, как знаешь.

Зуев пошел к вертолету. Брагин смотрел ему вслед: неужели не обернется? Почему ничего не боится? Объяснение могло быть только одно: Зуев расставил снайперов, и они держат его, Брагина, на мушке. Ну и пусть держат. Он успеет уехать. А Зуев успеет только взлететь.

Брагин сел на заднее сидение БМВ, велел водителю трогать, а сам прилип к стеклу. Хотел своими глазами увидеть, как снайпер собьет вертолет из портативного комплекса “Игла”. Как хорошо, что он приберег этот комплекс, просто так, на всякий случай, когда он попал ему в руки.

Лопасты вертолета заработали на полную мощность. Машина поднялась на высоту не больше трех метров и понеслась над землей. Брагин выхватил из кармана мобильник и заорал “Стреляй!” Снайпер выполнил команду без промедления, но за секунду до выстрела Зуев на всякий случай выпустил две отвлекающие ракеты, и снаряд прошел мимо.

Брагин впился зубами в костяшки пальцев. Черт, сорва-

лось! Но ничего, есть запасной вариант. Он снова включил мобильник и приказал: “Берите их!” По этой команде его люди, дежурившие возле дома Лавровых, выскочили из машины и бросились в подъезд. Они не знали, что Зуев предусмотрел и этот вариант. В квартире сидели трое спецназовцев морской пехоты. Они обезоружили и уложили на пол битюгов Брагина, как малых детей.

Зуев благополучно долетел до своего замка. Его все еще пробирает озноб. Он понимал, что остался жив только чудом. Если бы отвлекающие ракеты вылетели секундой, нет, одним мгновением позже, не сидеть бы ему сейчас на огромной мраморной веранде, не смотреть на море в гребешках волн. Но это все эмоции. Главное, что Макс понял, с кем имеет дело, и значит, должен одуматься. Не может не одуматься, не полный же он кретин. Им надо держаться вместе. Они действительно естественные союзники. Поодиночке им против Киева и Москвы не устоять. В общем, нужно пересилить себя и простить старому другу его слабость. Вдруг, поймет?

Зуев набрал по мобильнику телефон Макса и сказал:

– Хреново стреляют твои ребята.

Брагин обессиленно молчал. Этот Пискаля переигрывал его по всем статьям.

– Но я готов все забыть, – неожиданно предложил Женька.

– Я бы не забыл, – сказал Брагин.

– Я забуду, – пообещал Зуев. – Ситуация требует: мы должны быть вместе. У меня тоже есть самолюбие, Макс, но

я, как видишь, звоню: дело важнее.

– Ну, предположим, я согласен, – ответил после паузы Брагин. – Что нужно делать?

– Я уже сказал: валить Сарычева и всех его москвичей, убирать со всех постов. Они одним своим присутствием заминировали Крым. Вместо Сарычева ставим Тусуева. Я не отказываюсь ни от одного своего слова, Макс.

Закончив разговор с Зуевым, Брагин тут же набрал Тусуева и поинтересовался, как ведет себя Сарычев. Оказывается, тот снова отличился. Водитель, приехав в пансионат “Море”, выносил в стельку пьяного вице-премьера из машины на руках. А сотрудницы Белого дома обнаружили в комнате заседания правительства дорогой пиджак, очень похожий на пиджак Сарычева. Полезли в карман, чтобы найти хоть какой-нибудь документ, по которому можно было бы найти хозяина, и обнаружили в кармане три тысячи долларов.

Брагин вскипел:

– Что ты мне байки рассказываешь? Давай о деле: с кем Синяк встречался, о чем говорил? За что мы сыскарям бабки платим? Где информация?

– Встречался с какими-то французами. Лягушатники предлагали вложить инвестиции в курортный сервис. Синяк отказывался.

– А почему? Что говорил?

– Ну, якобы это слишком долгая песня. Ссылался на запутанное украинское законодательство. И это уже не первый

случай, когда он отфутболивает западных интересантов.

– И хохлов отфутболивает.

– Да, и хохлов.

– В общем, решение такое, – приказал Брагин. – Сарычева валим.

– Зачем? – всполошился Тусуев. – На хрена нам мокруха?

Он сам рухнет.

– Я не про то. Отказываем в доверии, – уточнил Брагин.

– А кого – вместо?

– Тебя.

– Да ну?

– Я не шучу, работай! – с этими словами Брагин отключил связь.

Он тут же набрал номер одного из замов Валебного:

– Выдавливаем москвичей. Нагоняем изжогу: типа, живете далеко от места работы, и мы не ручаемся, что по дороге с вами никогда ничего не случится. Москвичи обращаются к вам – вы даете понять, что защищать их некому.

– Будет сделано, – с энтузиазмом ответил замминистра.

А Тусуев тут же понесся к Цуканову. Спикер читал “Киевские ведомости” и был рад поделиться впечатлением.

– В украинской прессе снова нагнетается тема русского империализма.

– А чего ж ее не нагнетать, – поддержал взволнованный Тусуев. – Каждый день новый повод.

– Эти доллары в кармане пиджака – правда? Не подста-

ва? – спросил спикер.

– Какая подстава, Виктор Павлович? – воскликнул Ту-
суев. – Откуда у крымских министров и парламентариев та-
кие пиджаки и такие деньги?

– А у московских министров откуда?

– Им приносят – они берут.

– За что? За какие такие услуги? – спокойно допытывался
Цуканов.

– Сам удивляюсь. Ведь ничегошеньки не делают. До обеда
посидели в своих кабинетах и – в свое “Море”. А крымская
экономика, Виктор Павлович, еще немного и упадет навз-
ничь. Что они сделали за три месяца? Ну, отменили фиксиро-
ванный курс валют. Ну, открыли в Симферополе биржу.
Из других регионов Украины к нам пришли деньги. А где
эти деньги работают? Что от них досталось малому бизнесу?
Ничего. Для малого бизнеса ввели налог на вмененный до-
ход. Как в России душат, так теперь и здесь. Лавочники во-
ют. Теперь вот отменили дотации на хлеб. Якобы в курорт-
ный сезон эти дотации идут в основном к приезжим, которые
купили бы хлеб по более высокой цене. Еще день-другой и
на улицы выйдут пенсионеры.

– Вы уверены, что выйдут? – спросил Цуканов.

– Ну, старые люди – робкие. Если не решатся – поддер-
жим, выведем.

– Надо поддержать, – тихо сказал Цуканов.

– Теперь эта тихая приватизация, – горячо продолжал Ту-

суев. – Чем Сарычев в пансионате занимается? Принимает посетителей, в основном из Москвы. Если бы вы видели, какие машины подъезжают! Я уж ему давеча прямо сказал: ну нельзя же все себе да себе, то есть своим москвичам, надо и крымчанам что-то оставить. Смеется. Сосет свою трубку и смеется. Я ему про цены на хлеб. Он мне Магомета цитирует: мол, даже пророк не мог повлиять на цены, все, мол, в руках Аллаха. Долго еще это терпеть будем, Виктор Павлович?

– Носков просит немного обождать, – все так же тихо сказал Цуканов. – Он понимает, что вляпался с этими москвичами, но назад отыграть не может. Что-то мешает.

– Значит, завязался с ними, бессребреник наш.

Цуканов пожевал губами:

– Не думаю, хотя... что-то больно рьяно ищет он иностранных инвесторов. Недавно загорелся: мол, надо немедленно лететь в Брюссель, там внук Дэн Сяопина, он даст на реконструкцию здравниц 90 миллиардов долларов.

– Сколько? – удивился Тусуев. – Девяносто миллиардов? Может, девять? Девятисот миллионов за глаза бы хватило. Какой же он все-таки болван, этот Носков. И когда же вы заставите его отчитаться о всех его заграпоездках?

Цуканов усмехнулся:

– Каждый раз говорит: результаты превзошли мои ожидания. Спрашиваю: где они, эти результаты? Погоди, говорит, отчитаюсь за все разом.

Тусуев понял, что настал нужный момент.

– Так пусть отчитается! Давайте, я от имени нашей фракции потребую от него отчета. А заодно и с Сарычева спросим. Против не будете?

Цуканов развел руками:

– Нас всех избирал народ. И все мы отчитываемся перед народом. Как я могу быть против?

Глава 58

– Что происходит, Андрей Васильевич?

Яшин оторвался от газеты и посмотрел на своего молодого друга с недоумением.

– Неужели вы не знаете, чем занимается полковник Воротников? – спросил Вадик. – Ведь он ваш друг.

– Он мне не друг, – сказал Яшин. – Просто старый знакомый. А чем он занимается?

– В наших глазах вы, москвичи, все – друзья. Пройдите по первому этажу, загляните в кабинеты, полюбуйтесь, какие там мальчики сидят. Знаете, сколько их Воротников уже собрал? Сотню, не меньше! Спрашивается, зачем президенту столько ребят со стволами в карманах?

То, что говорил Вадик, не было новостью для Яшина. Он сам с тревогой прохаживался по первому этажу Белого дома. А не далее, как вчера управделами шепотом поделился с ним, что новые сотрудники Воротникова заняли четырнадцатый по счету кабинет.

– Что они там делают? – спрашивал Яшин.

– Понятия не имею, я боюсь даже туда заглядывать, – говорил управделами. – Вижу только, что они куда-то выезжают и возвращаются.

Воротников сам дал Яшину почитать подписанный Носковым указ “О службе президента Республики Крым по без-

опасности и межгосударственным связям”. Положение об этой службе предусматривало оснащение ее специальными самолетами, вертолетами и средствами связи, включая космическую, и давало ее сотрудникам право беспрепятственного проезда по любым дорогам и въезда на любую территорию Крыма.

– Зачем вам это надо? – спросил Яшин.

– Значит, надо, – туманно ответил Воротников.

“Если это так секретно, зачем сам же болтаешь?” – подумал Яшин. Последнее время его представление о работниках спецслужб быстро менялось. “Этих ребят нужно держать в узде, иначе они начинают вести собственную игру”.

– К этому указу есть секретное дополнение, но с ним не знаком даже Цуканов, – сказал Вадик. – Непонятно, на что рассчитывает Носков: парламент не утвердит указ ни за какие коврижки. В Киеве, наверно, потирают руки. Зачем сталкивать нас лбами, мы сами готовы бодаться.

Глава 59

Полковник Воротников в это время ехал в Ялту. В кармане у него лежало подписанное Носковым удостоверение, по которому он являлся председателем республиканской инвентаризационной комиссии, призванной осматривать здравницы Южного побережья и определять их примерную стоимость. На самом деле он выполнял поручение банка “Аргонавт” банкротить здравницы с целью занижения их стоимости и тем самым готовить их для конкретных приватизаторов.

У санаторного комплекса “Зори России” полковник понял, что здесь его опередили. Крепкие хлопцы сбили отбойными молотками старую надпись из железобетона и поставили новую “Зори Украины”, сделанную из тонкой жести.

– Было ваше – стало наше, – сказал один из хлопцев.

В Мисхоре Воротников обнаружил, что бывшая госдача Сергея Королева теперь скрывается под названием “Лаванда” и принадлежит какому-то новому украинцу.

– Хапнул по нахалке, – весело признался новый украинец. «Вы этак и Крым хапнули», – подумал Воротников.

В Ялте положение было еще хуже. Неизвестная финансовая структура уже провела ту работу, которая была поручена Воротникову. Его мандат не производил никакого впечатления. Чувствовалось, что персонал просто запуган.

К санаторию “Россия” полковник подъехал с надеждой. Огромный комплекс, неужели и на него кто-то уже наложил лапу?

У ворот стоял джип. Предъявив вахтеру удостоверение, Воротников прошел в административный корпус.

– У директора посетитель, – сказала секретарша.

– Кто?

– Наш постоянный клиент.

– Скажите, что у меня мало времени, – сказал Воротников.

Секретарша вошла в кабинет директора и тотчас же выскочила оттуда с выражением ужаса на лице. Полковник ворвался следом. Директор сидел в своем кресле, свесив голову. Из настежь открытого окна было видно, что какой-то парень быстрым шагом, срываясь на бег, направляется к воротам.

Секретарша бросилась за врачом, а Воротников приказал по рации своим людям, остававшимся у ворот, задержать джип. Но посетитель уже сел в машину, и его напарник дал по газам.

– Догнать! – приказал своим парням полковник.

Санаторий “Россия” Брагин давно уже считал своим владением. Сюда его ребята привозили девочек и расслаблялись по полной программе. Если кто-то из персонала и мешал Брагину, то директор, оказавшийся замшелым совком. Старик, не желавший понять, что государственной власти в

Крымму на сегодняшний день нет, упорно искал правду, хотя никто не хотел его даже слушать: ни в милиции, ни в местной администрации. Брагин купил и запугал всех.

И вот теперь для директора настал самый тяжелый момент. Денис требовал от него передать санаторий в долгосрочную аренду за тридцать тысяч долларов. Предложение казалось старику кощунственным. Во-первых, санаторий стоил в десятки раз дороже. А, во-вторых, сделка была абсолютно незаконной.

– Ладно, ваша цена? – теряя терпение, спросил Денис.

Директор тяжело задышал и поморщился. У него появилась боль в левом плече и левой части челюсти, а на лбу выступил холодный пот.

– Хорошо, получите не три, получите пять процентов, – предложил Денис, думая, что директор выторговывает для себя ставку гонорара. – Пять процентов от тридцати тысяч долларов – это полторы тысячи долларов. Неужели мало? Вы их получаете и остаетесь на своем месте.

– Уходите, – сказал директор и посмотрел на свои пальцы. Ему не нужно было тонометра, чтобы понять, какое у него давление. Ногти были сизыми, значит примерно 160 на 120.

Если бы Денис не впал в азарт вымогательства, он бы заметил, что лицо у директора стало бледно-серым, а кончики носа и мочки ушей посинели. Но Гаврин, не обращая внимания на состояние старика, достал из кармана оценочный акт.

– Ну, так какую сумму вписываем?

– Никакую. Санаторий останется государственной собственностью, – с трудом выговорил директор. – А если и будет передаваться в долгосрочную аренду, то не на ваших условиях.

Денис ядовито улыбнулся:

– Не извольте беспокоиться, под этим актом тоже будет стоять не только ваша подпись. Каждый, кто распишется, получит свой процент.

– Я понимаю, на что вы меня толкаете, – слабым голосом сказал директор. – Сегодня вы берете санаторий в долгосрочную аренду и как бы становитесь его собственником. А когда начнется приватизация, оформите его на себя, поскольку к тому времени юридическое оформление будет находиться в руках ваших людей. – Директор сделал глубокий вдох и закончил. – Я ничего не подпишу.

Последние слова вызвали у Дениса приступ злобы. Если он не дождет старпера, это выйдет ему боком. Брагин не прощает подобных неудач.

Он подошел к директору и схватил его за горло.

– Слушай ты, плесень, динозавр, Ублюд Ублюдыч. Ну почему ты такой непонятливый? Я ж с тобой по-хорошему. А по-плохому знаешь, как будет? У тебя исчезнет внучка, ей начнут отсоединять позвоночник, а потом пришлют тебе какую-нибудь часть тела. Например, кисти рук. Тебе это надо?

Денис протянул директору ручку. Тот пытался взять и не мог – пальцы не слушались, и глаза смотрели как-то странно.

– Эй, ты чего? – встревожено прошептал Денис.

Но было поздно, директор заваливался на стол, лицо его искажалось от боли, губы стали багрово-синими. Еще несколько мгновений агонии и он замер с открытыми глазами.

Денису стало дурно. Он знал: Брагин ему этого не простит. Он бросился к открытому окну и увидел рядом со своим джипом микроавтобус с тонированными стеклами. Кто-то приехал в санаторий. Выходить через приемную было опасно. Проще выпрыгнуть с высоты второго этажа.

Заметив погоню, Денис скомкал и выбросил в окно акт передачи санатория в аренду. Теперь можно было остановиться.

Их вытащили из джипа и обыскали. У Гаврина нашли удостоверение экономического советника президента. Воротников всмотрелся – документ настоящий.

– Откуда это у тебя?

Гаврин усмехнулся.

– Так вам все и расскажи. А вы кто такой? Предъявите ваши документы.

– А что выкинул? – спросил Воротников.

Денис пожал плечами.

– Ничего я не выкидывал.

Полковник кивнул своим ребятам. Те усадили Дениса и его напарника в микроавтобус, а сами поехали искать.

Воротников с интересом рассматривал Дениса. Он знал

его по фотографиям, сделанным агентами. Ребята полковника давно уже наблюдали за центральным офисом Брагина. Но даже если бы он видел Дениса впервые, то сразу бы определил: этот красивый малый жесток, испорчен деньгами, ради достижения своих целей не остановится ни перед чем, а вот на расплату, при всей его бравате, жидковат. Все это читалось на лице молодчика.

– Ну что за молодежь пошла? – забрюзжал Воротников. – Считает, что все принадлежит ей. Вам даже на ум не приходит, что люди постарше тоже хотят пожить. Тихо, спокойно, никого не трогая и ни в чем не нуждаясь. А для вас, молодых волков, слово “жить” – как у одного поэта сказано, – словно шашки взмах. Ж-жи-ить и нет человека.

Полковник был большим мастером по части психологической обработки молодых людей. Долгое время работал в отделе по вербовке студентов в ряды стукачей и отбору наиболее подходящих из них в КГБ. Но тогда он сам ничем зазорным не занимался. А сейчас был не меньшим авантюристом и хищником, чем этот Денис. И потому ссылка на поэта и брюзжание в адрес молодежи прозвучало так фальшиво, что самому резануло слух. Но Денису было не до этих тонкостей. Впервые попавший в такую переделку, он лихорадочно прокручивал по извилинам, что бы такое сказать про акт. А что говорить? Ничего он не выбрасывал. И мало ли скомканных бумажек валяется на обочине?

Парни Воротникова вернулись быстро. Полковник прочел

акт и сказал, что надо вернуться. Дениса показали вахтеру, секретарше. Все его опознали и обещали подтвердить свои показания на следствии.

Воротников позвонил Носкову и доложил обстановку. Президент озадаченно молчал. Он молчал долго. Полковнику даже показалось, что связь прервалась, и он спросил:

– Олег Степанович, вы меня слышите?

– Слышу, – отозвался, наконец, Носков, продолжая сообщать, что можно предпринять в такой ситуации. Ему казалось, что он летит в пропасть.

Наконец, он принял решение.

– Везите этого проходимца сюда.

Поехали в Симферополь. Денис был уверен, что его отвезут в милицию, но микроавтобус припарковался возле служебного входа в Белый дом.

Поднялись в лифте на шестой этаж. Коридор был пуст. Всюду на расстоянии пятнадцати метров друг от друга стояли коротко стриженные парни из охраны.

Кира Стежкина был предупреждена. Она распустила всех посетителей, ожидавших встречи с президентом. Кроме нее в приемной остался только Федулов.

Воротников ввел Дениса в кабинет президента. Носков оторвал глаза от документов. Он сразу узнал зятя, но ничем не выдал своих чувств.

Воротников молча положил удостоверение Гаврина на стол. Но президент не удостоил его даже мимолетного взгля-

да.

Воротников усадил Дениса на диван. Федулов стоял в дверях. Он напряженно смотрел то на Дениса, то на Воротникова, пытаясь понять, не сдал ли его брагинский канцельери.

Носков прошелся по кабинету, что-то напряженно обдумывая, потом неожиданно остановился возле Федулова.

– Помнишь, Игорек, наш разговор про сатори? А ты не верил, говорил, что все это ерунда. Знаешь, что мне сейчас подсказывает мое сатори? Это ведь ты меня в подъезде арматуриной огрел.

Главный охранник изобразил благородное возмущение.

– Да вы что, Олег Степанович!

– Это не ответ, – отрезал Носков. – Знаешь, когда ты прокололся? Когда мы подъехали однажды к дому Аллы и ты сам замедлил ход. Откуда тебе было знать, где она живет? А значит, Игорек, и взрыв на избирательном участке – тоже твоя работа. Твоя и «папы». Как лихо ты тогда меня спас! Артист! Я тебя недооценил.

– Если вы мне не верите, я могу уйти хоть сейчас! – заявил Федулов.

– И это не ответ, – решительно констатировал Носков.

Для него, привыкшего мгновенно сопоставлять в памяти разрозненные эпизоды и подозрительные факты, все было ясно: Денис и Федулов тихонько работают у него под боком на Брагина.

Воротников неспешно поднялся, подошел в Федулову и

жестом предложил сдать оружие. Начальник охраны начал яростно жевать резинку, показывая всем своим видом, что и не подумает разоружаться. На каком основании? Ствол у него законный, зарегистрирован в охранном предприятии.

– Не имеете права!

– Убирайся, – прошипел Носков. – И заberi своих мордоротов. – Он повернулся к Воротникову. – Полковник, замените всю охрану, немедленно.

– Слушаюсь, – полковник скрылся в дверях.

Федулов яростно помотал головой:

– Зря, Олег Степанович. Ой, зря. Если я что-то делал не так, то не ради себя. Хотел сохранить ваше доверие.

– Ты меня предал, Игорьь.

В глазах Носкова читался окончательный приговор: своего решения он не изменит. В ответ Федулов окинул президента презрительным взглядом и неожиданно перешел на “ты”:

– Требуешь преданности, а сам кого только не предал.

– Ты с кем так разговариваешь, шкодливый мент? – взорвался Носков. – А ну, пошел отсюда!

В ответ вскипел и Федулов:

– Я, конечно, уйду, но скажу тебе напоследок: а ты помнишь, кто тебя с Кипра вывез? Или у тебя память отшибло? Твой полковник напел тебе, наверно, что он твой спаситель...

В этот момент Воротников появился в дверях. Он, конеч-

но, слышал последние слова Федулова. Но его лицо оставалось невозмутимым.

– Пусть он сам тебе подтвердит: что было бы, если бы не я и мои люди. Где бы ты был сейчас вместе с Галей и внуком?

Носков перевел взгляд на Воротникова:

– Федулов действительно был на Кипре?

– Был, – подтвердил полковник, – но свою роль он явно преувеличивает.

Носков обессиленно опустился в свое кресло.

– Черт побери, – произнес он слабым голосом, – как же мне надоели эти игры. Когда же я буду заниматься народом? Иди, Игорь, не поминай лихом.

Федулов потоптался несколько мгновений в дверях. Он хотел что-то сказать, но передумал и тихонько закрыл за собой дверь.

– А что с этим делать? – Воротников кивнул на Гаврина.

Президент снял трубку, медленными движениями набрал телефон министра внутренних дел и велел ему немедленно приехать, прихватив с собой парочку оперов.

Через десять минут Валебный был уже в кабинете президента. Двое сопровождавших его милиционеров увезли Дениса в камеру предварительного заключения. Министр остался у президента.

– Давайте начистоту, генерал, – сказал Носков. – Я не просто так отдал этого типа вам лично. Весь Крым говорит, что наши высшие милицейские чины получают зарплату у Бра-

гина. Надо бы, Борис Дмитриевич, хорошенько покрутить этого Гаврина. Он много чего знает. Если не возражаете, я сделаю это сам.

– Как скажете, – неожиданно согласился генерал. И угодливо подхватил. – Знаете, что мне давно хочется сказать этому Брагину? То, что ты до сих пор на свободе, не твоя заслуга, а наша недоработка.

Носков неестественно рассмеялся, смех был нервный.

– Отлично, Борис Дмитриевич. Я очень рад, что мы, наконец, начинаем понимать друг друга. И надеюсь, мы на это не остановимся, а пойдем в нашем сотрудничестве дальше. То, что еще вчера казалось невысказанным, сегодня воспринимается, как веление времени, не так ли, Борис Дмитриевич?

Едва Валебный скрылся в дверях, Носков заметался по кабинету:

– Ну, когда я, наконец, смогу заняться народом? Не дают работать, не дают!

Воротников смотрел сочувственно, но в глубине его зрачков и в складках губ таилось презрение.

Вошла Галина, в руках у нее была кассета.

– Вот, Игорь просил передать. Он какой-то странный. Что-то случилось?

– У нас все время что-то случается, – раздраженно ответил Носков. – Я ж говорю – некогда работать. Что за кассета? Что в ней?

– Просил полюбоваться.

Воротников деликатно вышел. А Носковы сели у телевизора и стали смотреть видеозапись. На пленке было два эпизода: сначала венчание Ларисы с Денисом, потом избивание Аллы. Крупным планом была снята сидящая в служебной машине Галина. Было понятно, что именно она наняла алкашек и устроила расправу.

После долгой паузы Носков сказал:

– Мне конец.

– Я хотела как лучше, – прошептала Галина.

– Они покажут эту пленку по телевидению, и мне конец, – упавшим голосом повторил Носков.

– У Ларочки будет ребенок, – прошептала Галина.

– Что? – лицо Носкова исказилось. – Что ты сказала?

– У Ларочки от Дениса будет ребенок.

– Дура, – в бешенстве процедил Носков. – Этот Денис никакой не банкир. Он бандит. Я только что отправил его за решетку.

– Зря, – сказала Галина. – Что плохого он нам сделал?

– А что значит зря?

– Денис оформил на Ларочку долгосрочную аренду санатория в Мисхоре.

– Может, он и на твое имя что-то оформил?

– Я тоже должна думать о будущем, – поджав губы, сказала Галина.

Носков свел брови. У него радрожали губы.

– Уйди, или я тебя ударю.

Галина испуганно посмотрела на него и поднялась. Передразнила на безопасном расстоянии, в дверях:

– Он меня ударит, неблагодарный.

Президент бросился к жене. Она думала, что он действительно решил дать волю рукам. Но он только плотнее прикрыл дверь и сказал жарким шепотом:

– Лариску – быстро в госпиталь для афганцев! Медсестрой. Немедленно!

– Зачем? – вытаращилась Галина.

– Не понимаешь?

Глаза у Галины напряженно метались, она соображала. Наконец, кивнула.

– Понимаю.

Вошел Воротников и сразу направился к окну.

– Полюбуйтесь, Олег Степанович.

Внизу стояло целое стадо иномарок с включенными фарами. Появились телевизионщики.

– Психическая атака, – небрежным тоном констатировал президент.

– Люди у меня засиделись, – многозначительно проговорил Воротников. – Давно пора, Олег Степанович, кое-кому по башке настучать.

Носков усмехнулся:

– Не время, полковник, еще не время. А этих телевизионщиков давайте-ка сюда. Как они говорят? Мы делаем новости? Нет, сегодняшнюю новость сделаю я.

Была пятница, любимый день Валебного. В этот день один из замов вручал ему служебный конверт с хрустящими долларами. Генерал всякий раз удивлялся, откуда в Крыму столько новеньких банкнот. И испытывал приятное ощущение независимости от Федора Федоровича Кузьмина. Тот платил за личные услуги. А зам – за то, что бандитское крышевание менялось на милицейское.

Работа эта была непростой. Преступные группировки бо-ролись за свое место под солнцем. Знамя сопротивления держал в своих руках Брагин. И сейчас, лично препровождая его подручного в КПЗ, генерал Валебный давал понять первому бандиту Крыма, что скоро доберется и до самого “папы”.

Возле камеры предварительного заключения уже собрались оповещенные Гусевым журналисты. Министр не стал распространяться о причинах задержания Гаврина. Сказал только о странной смерти директора санатория и добавил, что немедленно отдаст распоряжение о возбуждении следствия.

На другой день газеты распишут, что президент стоит стеной на пути бандитов, стремящихся тихой сапой прибрать к рукам “золотую курортную зону”, а генерал Валебный начал, наконец, действовать с президентом рука об руку.

Кира Стежкина причесала Носкова, поправила ему галстук. Телевизионщики включили свет, режиссер скомандовал оператору “запись”, и съемка началась.

– Уважаемые сограждане, я должен сделать заявление, – сказал президент. – Вы, наверное, догадываетесь, в каком положении я нахожусь. Каждый мой шаг контролируют спецслужбы Украины и наша крымская братва. Эту мышиную возню я почувствовал в самом начале избирательной компании, но заниматься расследованием самому было некогда, а охранять себя самому – тем более. А те, кому я доверился, меня подвели. Мне могут сказать, что трудно замазать того, кто чист. Представьте, в наше время можно. Можно подделать видеозапись, документы, все что угодно. И все будет выглядеть, как настоящее. Предупреждаю вас, дорогие сограждане: в ближайшее время на страницы газет и экраны телевизоров будет вброшен компромат, цель которого – замазать президента и максимально отвлечь его от дел. А теперь я попрошу второго оператора подойти к окну и направить камеру вниз. У Белого дома машины с включенными фарами. Это братва, за спиной которой крымская мафия. Не исключаю, что в ближайшее время противостояние президента и враждебных ему сил достигнет критической точки. И потому прошу сохранять спокойствие и веру, что наше с вами дело право, мы победим.

– Все? – спросил режиссер.

– Все, – Носков устало улыбнулся. – Когда это пойдет в эфир?

– Я думаю, немедленно.

Телевизионщики удалились. Президент велел Кире дер-

жать телевизор включенным, чтобы не прозевать трансляцию его заявления. А сам скрылся с полковником Воротниковым в комнате отдыха. Им надо было посоветоваться.

Они беседовали долго, часа два. Потом включили телевизор и продолжали разговор. Прошло еще не меньше двух часов. Президент велел Кире позвонить на телевидение и узнать, в чем дело.

Кира появилась в дверях с расстроенным видом.

– Они сказали, что ни о каком заявлении президента даже не слышали.

Президент и Воротников многозначительно переглянулись. Похоже, эта новость только добавила им решимости для тех действий, о которых они только что говорили с глазу на глаз.

Поздно вечером к КПЗ подъехали два джипа. Из них вышли несколько мужчин и направились к проходной. Один нес большую коробку, двое тащили на плечах большие прочные мешки из джинсовой ткани. А тот, что шел впереди, держал руки глубоко в карманах плаща. Это был Брагин.

Тяжелая, обитая железом дверь открылась перед ним. В КПЗ содержалось несколько его ребят, и он, по уже сложившейся традиции, привез им грев: сигареты, не скоропортящиеся продукты, консервы, немного пива и телевизор. Поговорив с ребятами, он в сопровождении дежурного капитана прошел к камере, где содержали важных и опасных подслед-

ственных. Капитан открыл кованную железом дверь и впустил Брагина, а сам остался снаружи.

Лежавший на нарах Денис подскочил, как от удара током. Войдя, Брагин не подал руки, глянул мрачно, брезгливо повел носом. Он терпеть не мог кислый тюремный воздух.

– Я не ответил ни на один вопрос, – поспешил сказать Денис.

Здесь, среди бетона и решеток, в узком замкнутом пространстве он был похож на жалкого щенка, которого лишили привычной уютной квартиры.

– Ладно, пошли, – Брагин шагнул обратно к двери.

– Куда? – со страхом спросил Денис.

Брагин обернулся.

– А куда бы ты хотел?

Денис сообразил, что босс решил выдернуть его отсюда, пока менты не развязали ему язык, но радости не было. Напротив, охватило тревожное предчувствие: может, босс решил избавиться от него? Тогда зачем приехал сам? Нет, кажется, это еще не конец.

– Неплохо бы домой, – через силу пошутил Денис.

– В Москву, что ли?

– Ну, да.

– Хорошо, – сказал Брагин. – Полетишь в Москву, расскажешь о наших трудовых буднях.

– Так ведь утром меня хватятся.

Брагин усмехнулся:

– Тогда, может, останешься?

Денис жалко улыбался.

Увидев выходящего из камеры Гаврина, капитан сказал Брагину:

– Максим Петрович, меня ж под суд отдадут.

– Давно пора, – бросил Брагин.

– Я серьезно.

– И я серьезно. Сколько тебе тут платят? Если мне не изменяет память, шестьсот карбованцев. Получишь шесть тысяч и исчезнешь на время. Собачья работа – зачем она тебе? Собирайся, поедешь со мной. Ты ж механик классный. Поживешь у меня в гараже, там подвал лучше, чем твоя квартира. Потом пристроим тебя где-нибудь на поверхности. Короче, как карта ляжет.

...Вместе с капитаном в гараже «папы» заперли и Дениса. Он, как и мент, мог еще пригодиться. Брагин не откручивал головы почем зря.

Президент и Воротников продолжали совещаться, когда по внутреннему телефону позвонила Кира.

– Олег Степанович, Валебный на проводе.

Носков включил линию прямой связи с министерством внутренних дел.

– У меня плохая новость, Олег Степанович, – сказал Валебный. – Гаврин исчез из капэзэ вместе с дежурным капитаном.

– Замечательно, – сказал Носков. – Это говорит о том, что

у нас в Крыму есть еще один президент. Президент преступного мира по фамилии Брагин. Ну и что будем с этим делать, генерал? Терпеть это двоевластие или вы все же согласитесь со мной?

– Не могу я принять ваше предложение, Олег Степанович, – ответил Валебный. – Боком нам может выйти правоохранительный террор.

Президент положил трубку и поднял глаза на полковника Воротникова:

– Ну, что ж, Юрий Кириллович, кажется, вы с Шелепугиным правы. С этими людьми надо разговаривать совсем другим языком.

Глава 60

Парламент собрался на очередную сессию. Депутаты рас-саживались, перебрасывались шутками. Телевизионщики неторопливо настраивали камеры. Но Яшин чувствовал, как в атмосфере зала потрескивают электрические разряды.

Наконец, министры правительства заняли свои места за длинным столом президиума, президент Носков опустил-ся в отдельно стоявшее на сцене кресло, а Сарычев вышел на трибуну и начал доклад, похожий на странную смесь лекции и нотации.

– Ближе к делу, – выкрикнул Мозуляк. – Где ваша программа?

Сарычев отвечал высокомерным тоном:

– При подготовке программы мы пытались собрать всю информацию об экономике Крыма, все предложения с мест, но нас упорно игнорируют. То ли по причине высокой корпоративности местных кадров, то ли Крым представляет собой интеллектуально высушенную территорию. Что, в общем-то, объяснимо: империя работала, как пылесос. Все развитые ребята оказывались в Москве.

Сегодня Тусуев почему-то отсутствовал, и Мозуляк всю демонстрировал активность запасного игрока:

– Слышали? Это он – развитый, а мы тут – дебилы. Удивительная манера у этих экономистов. Что бы ни молולי,

чувствуешь себя дураком. Лучше скажите нам по-простому: почему средний уровень жизни крымчанина ниже среднего украинского уровня почти на треть? И что вы собираетесь сделать, чтобы сократить этот разрыв? Хватит словоблудия. Изложите парламенту вашу программу. Или ее нет?

Сарычев о чем-то переговаривался со своими министрами, делая вид, что не слышит.

– Вашего поведения не потерпел бы даже сельсовет, – яростно выкрикнул Мозуляк.

– Я битых полчаса объяснял вам, что все наши действия саботируются органами власти на местах, – медленно проговорил Сарычев. – Какой может быть план, когда вообще невозможно работать?

Мозуляк саркастически рассмеялся:

– И поэтому вы предпочитаете загорать в рабочее время в пансионате “Море”?

– С чего вы взяли? – с оскорбленным видом отвечал Сарычев.

– За вами не только мы, за вами весь Крым наблюдает, – отчитывал его Мозуляк. – И запомните: когда вас здесь уже не будет, никто даже не вспомнит, какие планы строил вице-премьер Сарычев, какие речи произносил и чего он, как ему казалось, добился. А будут вспоминать, как он себя вел, где жил. Кстати, какая у вас зарплата, господин Сарычев?

Вице-премьер молчал, лицо его стало пунцовым.

– Ваша зарплата – полтора миллиона карбованцев, – то-

ном обвинителя продолжал Мозуляк. – Но живете вы в пансионате, где цена номера в сутки равняется этой сумме. Не хило! Может, откроете секрет, откуда денежки берете? Молчите? Ну, так я скажу. Проживание вам оплачивает один из российских банков, не буду его называть, чтобы не делать рекламу. Но если вы подадите на меня в суд, то назову. Не удивлюсь, если вскоре этот банк купит по дешевке этот самый пансионат “Море”. И вы, таким образом, рассчитаетесь за проживание. А в это время промышленность и сельское хозяйство Крыма приходят в еще больший упадок, уровень жизни становится еще ниже. И рано или поздно избиратели скажут нам: вы что наделали? Вы зачем приветили этих москвичей? Ведь им совсем не то нужно, что нам. Нам нужна Россия, а им – их выгода. Так что мы сегодня от имени избирателей с вами разговариваем. А вы кого представляете и на кого работаете?

Сарычев выразительно посматривал на Носкова: мол, Олег Степанович, скажите свое слово, в такой обстановке невозможно конструктивно работать. Но президент что-то чертил в своем блокноте, делая вид, что погружен в свои мысли и ничего вокруг себя не видит и не слышит.

– Не посматривайте на президента, господин Сарычев, – разошелся Мозуляк. – Он вам не поможет. Ему тоже трудно будет объяснить, как он, с зарплатой равной вашей, живет в “Нижней Ореанде”.

– То, что у вас до сих пор нет программы, очень странно, –

сказал Сарычеву до сих пор молчавший спикер Цуканов. – Как же вы собираетесь дальше работать?

Сарычев ответил, не раздумывая, он словно ждал этого вопроса:

– Считаю, что президент должен получить указное право. Тогда местные власти не смогут игнорировать наши решения. И зарубежные инвесторы станут смелее. Никто из них не хочет вкладывать в экономику Крыма ни доллара, пока лично президент не будет гарантировать им сохранения их инвестиций.

– Вот как! – воскликнул Цуканов, разгадав, как ему показалось, что задумал Носков и его окружение. – Ну, что ж, давайте обсудим. Кто хочет высказаться?

На трибуну вылетел Мозуляк:

– Ребята, за каких лохов нас держит господин Носков и его московские дружки? Скажите, кому не ясно, что у них на уме? Хватит разговоров в кулуарах, мы только теряем время. И хватит ждать манны небесной, ее не будет. Предлагаю прекратить тайное строительство президентского самодержавия. Предлагаю признать не имеющим юридической силы указ президента о создании службы безопасности и межгосударственных связей. Полковник Воротников набрал в эту службу не только бывших сотрудников КГБ и МВД, но и самых отъявленных уголовников. А самое главное, предлагаю вернуться к первоначальной редакции Конституции Республики Крым, по которой исполнительная власть находится в

руках парламента.

Президент Носков дал знак Цуканову, что хочет выступить. Спикер сказал:

– Слово предоставляется президенту.

– Уважаемые граждане Республики Крым! – начал Носков, глядя в глазок камеры и подчеркнуто обращаясь не к депутатам, а к телезрителям. – Это хорошо, что идет прямая трансляция. Вы своими глазами видите, как предпринимается попытка изменить конституцию и проигнорировать ваше волеизъявление. Избрали меня вы, а убрать меня хотят они, – он ткнул пальцем в зал. – Я знаю, что сейчас спикер поставит вопрос на голосование, и поэтому призываю депутатов осознать свою ответственность. Еще не поздно воздержаться от рокового шага, за которым последует хаос. Требую, чтобы голосование было поименным, чтобы народ знал, кто как проголосовал.

Носков вернулся в свое кресло, а Цуканов обратился к депутатам:

– Кто за то, чтобы голосование было поименным?

Все смотрели на табло.

– Решение не принято, – констатировал Цуканов. – Кто за то, чтобы привести “Закон о президенте” в соответствие с Конституцией Республики Крым от 1992 года, то есть признать этот закон не соответствующим этой конституции, прошу голосовать.

– Подождите! – раздался голос Мозуляка. – Что вы дела-

ете? Вы же сами себе противоречите. Виктор Павлович, вы же голодовку держали за этот закон, а теперь хотите его отменить. Как вы объясните это народу?

Голос Цуканова был звонким и твердым:

– У народа было время во всем разобраться. Все уже поняли, что избранник оказался, мягко говоря, не на высоте своей должности. Народ нас поймет: тянуть с этим решением – значит только усугублять и без того тяжелое положение. Повторяю свой вопрос: кто за то, чтобы возобновить действие Конституции Крыма 1992 года?

Голос Цуканова потонул в выкриках депутатов, которые почти единогласно проголосовали “за”.

– Но это конфроктация! – воскликнул Мозуляк.

– Не конфроктация, а конфронтация, – поправили его.

– Не так надо было делать, – повысил голос Мозуляк. Но его никто не слушал.

Цуканов придвинул к себе микрофон и обратился к Носкову:

– Поздравляю, Олег Степанович, за вашей спиной больше нет Партии независимости.

Носков поднял руку, призывая к тишине. Шум в зале по-утих.

– Это я вас поздравляю, – сказал президент. – Поздравляю парламент, эту крупнейшую в Крыму коммерческую организацию, с победой. Бандиты могут быть довольны, а в Киеве, наверно, уже откупоривают шампанское. Браво, господа!

В зале поднялся невообразимый гвалт – депутаты давали волю оскорбленным чувствам.

Неожиданно крики начали стихать. Все оборачивались на входную дверь. По боковому проходу, раскачиваясь из стороны в сторону, шел человек. Казалось, он вдребезги пьян. Но когда приблизился к сцене, стало ясно, что это Тусуев. Он не был похож на самого себя. Костюм изодран в клочья, лицо в крови.

Тусуев заплетающимися ногами вышел на сцену.

– Что случилось, Сергей Фадеевич? Кто вас так? – оторопело спросил Цуканов.

Тусуев хотел ответить, но не мог выдать из себя ни слова. Похоже, он был в шоке. Потом поднял руку и молча ткнул пальцем в Носкова.

Президент отреагировал презрительной усмешкой:

– Вы не в себе, господин Тусуев, кто вас так отделал?

К сцене подошел охранник Тусуева, совсем молодой парень с хорошим лицом. Он был весь в крови. Спикер поднялся из-за стола и подошел к нему. Охранник сказал ему что-то и свалился на пол.

– Господа, – объявил Цуканов. – На нашего товарища только что было совершенно покушение.

– Это он, – неожиданно подал голос Тусуев, показывая на президента.

– Провокатор! – Носков готов был броситься на Тусуева с кулаками. Но тому на выручку уже бежали депутаты.

Президент выругался и покинул зал заседаний.

Сидевшая в ложе для прессы Сильвия, опережая коллег, бросилась к выходу. У нее была масса вопросов, надо только успеть перехватить президента на пути к кабинету.

– Ко мне – никого! – приказал Носков секретарше, заводя к себе итальянку.

Кира тут же позвонила Галине:

– Эта сучка у него.

– Пришли за мной машину, – приказала Галина.

Носков был рад Сильвии. Ему надо было придти в себя.

Они сразу прошли в комнату отдыха и сели на длинный кожаный диван.

– Что-нибудь выпьете? – спросил Носков.

Сильвия жестом показала, что не откажется.

Носков плеснул коньяка в пузатые рюмки.

– Вы меня удивляете, – сказала итальянка, – Как это у вас говорится, я от вас торчу. Обычно политики очень трусливы и осторожны. А вы будто совсем не боитесь потерять власть. Это для меня загадка. Может быть, вам есть чем компенсировать эту потерю? Может быть, любовь? Что для вас дороже: власть или любовь?

Носков выпил коньяк и устало улыбнулся.

– Странно. Вы без камеры, без фотоаппарата и даже без диктофона.

– Зачем? В такой момент? – воскликнула Сильвия.

Носков плеснул еще коньяка.

– У меня был запасной аэродром, а теперь его нет.

– Вы – про любовь?

– Да. Я примерно знаю, что у меня впереди. Полное забвение. Никто не вспомнит добрым словом. Никто и никогда.

– А может, еще не поздно что-то изменить?

– Нет, развитие событий предопределено, и другим быть не может.

– То есть схватку с парламентом вы проиграете?

– За парламентом стоят бандиты, на стороне парламента – Киев. А кто за меня?

– Разве народ Крыма не за вас? – спросила Сильвия.

– Вы предлагаете обратиться к народу?

– А почему нет? У вас до сих пор довольно высокий рейтинг.

Носков покачал головой.

– Знаете, к чему приводит обращение к народу? Люди выходят на улицы и начинаются столкновения. А где столкновения, там жертвы. Нет, что угодно, только не это!

– Что же вы собираетесь делать?

– Сильвия, – Носков улыбнулся, – я от вас без ума, но не настолько, чтобы выдавать свои планы. Мне иногда хочется заключить вас в объятия, но ведь я терплю. Потерпите и вы.

Итальянка слушала его с полуоткрытым ртом, посматривая на его губы. Спросила полупшепотом:

– То есть вы не сдаетесь?

– Ну, зачем же мне падать в ваших глазах?

– Не падайте, – прошептала Сильвия.

Носков взял ее за руку. Она не сопротивлялась. У президента закружилась голова. Он расслабленно откинулся на спинку дивана, привлекая к себе экзотическую женщину.

– Хорошо сидим, – послышался знакомый голос. В дверях стояла Галина.

Итальянка выпрямилась и поставила рюмку на журнальный столик.

– А теперь пошла отсюда, – процедила Галина.

– Ты что себе позволяешь? – повысил голос Носков.

Но Галина смотрела не на мужа, а на журналистку.

– Быстро вали отсюда!

С красными пятнами на лице итальянка выскользнула за дверь.

– Хабалка, – прошипел на жену Носков.

– По-моему, я тебе уже говорила: тебя должен любить только народ. И эта любовь должна быть взаимной. То есть ты должен любить только народ, – сказала Галина. – Налей-ка мне коньяка.

Носков плеснул ей немного.

– Лей полную! – скомандовала Галина.

Носков начал лить.

– Лей, лей, лей, – подгоняла его Галина.

Она выпила полный коньячный фужер одним духом и сказала:

– Ты не президент. Ты – неисправимый озабоченный ко-

бель, который бросается на все, что шевелится. Вам, подлым мужикам, вообще нельзя доверять управление государством. Как только вы садитесь на трон, вы тут же забываете о своих обещаниях, о совести, чести, долге. Власть требует морали, а вы аморальны по своей сути. Только что произошло дикое событие: тебя хотят лишить всего, может быть, даже жизни. Тебе нужно думать, как на это ответить, а ты развлекаешься с новой сучкой. Ну, кто ты после этого? Натуральный кобель.

Выйдя из Белого дома, взъерошенная Галина увидела Федулова. Бывший главный охранник сидел за рулем “жигулей” и смотрел на жену президента мечтательным взглядом.

– Отвези меня, Игорек, – попросила Галина.

Некоторое время они ехали молча, потом Галина спросила:

– А у тебя, Игорек, есть комната отдыха?

– Нет, Галина Аверьяновна, еще не дослужился.

Носкова оглядела его все тем же странным взглядом.

– Дослужишься. Давай немного покатаемся. Что-то неохота мне домой.

Федулов понял, что пришла минута, которой он так долго ждал.

– А может, заедем тут в одно место, посидим?

– Ну, правильно, – задумчиво отозвалась Галина. – Прежде, чем лечь, надо посидеть.

Кажется, перед ее глазами все еще стояла картина, кото-

рую она увидела, когда отворила дверь в комнату отдыха мужа.

Федулов свернул к обочине и остановил машину. Галина никак не отреагировала, и он понял, что можно идти дальше. Он положил руку на обнаженное плечо женщины. Кожа у Галины была жаркая, упругая. Мужик заводной, Федулов уже не мог остановиться и умелым движением расстегнул лифчик. Вот с этим он зря поспешил, нарушил последовательность действий. Хоть бы поцеловал для начала. Галине это не понравилось. Но она не дернулась, не ударила по рукам. Только глядела на Федулова так, будто хотела сказать: ну-ну, посмотрим, до какой степени ты обнаглеешь.

Этот взгляд подействовал на бывшего охранника, как холодный душ. Он убрал руки и положил их на руль.

– Давай, Игорек, домой, – устало сказала Галина.

Глава 61

В воскресенье 11 сентября Носкова разбудил звонок. Начальник эпидемиологической службы, не справляясь с волнением, сообщал:

– Четырнадцать человек госпитализировано с признаками холеры. Нужно предпринимать срочные меры, Олег Степанович.

– Может, вы что-то путаете? – пробормотал президент, он был поглощен своими мыслями. – Откуда в Крыму холера? Может, это крымская лихорадка?

– Лихорадка у нас в политической жизни, Олег Степанович. – А в больнице – холера. Нужно оповестить население.

– Вы думаете, что говорите? – возмутился Носков. – Мы лишимся курортников.

– Но в противном случае мы лишимся части населения, – сказал эпидемиолог.

– Ладно, что нужно делать?

– Если возникнет эпидемия, нам понадобится не меньше сорока тонн медикаментов. У нас таких запасов нет. Боюсь, что и в Киеве не найдется.

– Погодите каркать! – оборвал своего собеседника Носков. – Какая эпидемия? Никакой эпидемии пока что нет.

– Мой долг предупредить вас, – запальчиво произнес эпидемиолог. – Ваш долг – принимать адекватные меры.

– Черт! – Носков в сердцах бросил трубку.

В кабинет с решительным видом вошел Воротников. Он был в темно-сером костюме из плотной ткани. В руках – автомат.

– Все готово, Олег Степанович. Машины у подъезда.

– Дайте мне на всякий случай еще один пистолет, – попросил президент.

Воротников протянул свой “макаров”.

Носков набрал полную грудь воздуха. Он всегда так делал, прежде чем шагнуть за борт самолета с парашютом за плечами. Но сейчас был не прыжок, а жуткая авантюра. И хуже всего было то, что это сознавал.

– Ну, с богом!

Воротников поднес к губам рацию:

– Начинаем!

По команде полковника молодые ребята в одинаковых темно-серых костюмах начали занимать ключевые посты на телевидении, в издательстве “Таврида”, в радиотрансляционном центре. Охрану распускали по домам.

Затем к радиоцентру подъехал президентский кортеж. Через полчаса Носков вышел в эфир и твердым голосом заявил:

– В связи с посягательствами Верховного Совета на законные полномочия, установленные президенту республики народом Крыма, постановляю приостановить деятельность Верховного Совета и передать его полномочия президенту

Республики Крым...

В этот день крымчане были в основной своей массе либо на море, либо на своих дачах, либо смотрели телевизор. Но ближе обеда слух о том, что по радио через каждые полчаса передают специальное обращение Носкова, распространился по всему полуострову, и крымчане включили свои приемники.

К этому времени парни Воротникова сняли со здания Белого дома вывеску “Верховный Совет Республики Крым”. Пенсионеры из группы поддержки президента уже стояли с новыми растяжками, на которых было написано: “Настоящие патриоты Крыма за тебя, Олег!” Бабульки выкрикивали тонкими голосами:

– Давно пора разогнать эту мафию!

– Этих парламентариев не разгонять, а сажать надо!

Здесь же обменивались мнениями зеваки:

– Носков-то все советы донизу распустил, будет теперь глав администраций сам назначать, своих кругом поставит и начнет приватизацию.

– Ага, так ему Украина и позволит.

– А когда все будет роздано, попробуй, отними. Это, брат, уже гражданская война.

– Вот Носков этим и пугает – войной. Будет у нас вторая Чечня.

На Белом доме висели громкоговорители, которые каждые полчаса оглашали в записи обращение президента:

– Верховный Совет спланировал и пытался осуществить действия, направленные на разрушение крымской государственности и превращение республики в криминогенную зону...

Зеваки комментировали:

– У нас давно криминогенная зона.

А из громкоговорителя вырывался полный металла голос Носкова:

– Конституционному совету под председательством министра юстиции представить проект новой конституции не позднее 9 декабря 1994 года.

Обыватели реагировали:

– Так ведь этот министр из Москвы. Баба она. Как ее? Фамилия какая-то двойная. То ли Бора-Елисеева, то ли Елисеева-Бора. Сара, наверно.

– Эти москвичи нам понапишут. Я ж говорю, вторую Чечню у нас откроют.

Немолодая женщина сказала скрипучим голосом:

– Эх, посадила бы я и президента, и парламентариев на баржу, отбуксировала в море и кормила бы одной соленой хамсой, воды не давала, пока не договорятся.

Появились депутаты Верховного Совета во главе с Цукановым. Подошли к дверям и потребовали, чтобы их впустили.

– Не велено, – грубо отвечали ребята Воротникова.

– Вы хоть понимаете, в какое дело вас впутали? – спра-

шивали депутаты.

Парни делали зверские лица:

– А ну, быстро отошли!

У главного входа появился прокурор республики и потребовал, чтобы его пропустили. Но боевики Воротникова говорили, что выполняют приказ:

– Никого не велено пускать.

– Вы хоть понимаете, что являетесь активными боевиками незаконного вооруженного формирования и участниками конституционного переворота? – спросил прокурор.

– А нам по фигу. Быстро отошел!

Прокурор сказал Цуканову:

– Они просто провоцируют массовые беспорядки. Не удивлюсь, если Киев завтра же введет у нас прямое президентское правление.

– Момент как нельзя более подходящий, – согласился Цуканов. – Только у меня в голове не укладывается, как Носков мог пойти на такой шаг. Тут может быть только одно объяснение – он заручился поддержкой Киева. Этот момент надо срочно прояснить. Можно мне от вас позвонить?

Здание прокуратуры находилось напротив Белого дома. Прокурор провел спикера в свой кабинет.

Цуканов набрал прямой телефон президенту Украины.

Спикер вышел из здания прокуратуры с озадаченным видом. Его тут же окружили депутаты. Посыпались вопросы и предложения.

– Нужно немедленно разблокировать здание и арестовать Носкова, – подал идею Мозуляк.

– погоди, – остановил его Цуканов. – Я только что говорил с Кучмой. Я спросил его, знает ли он, что вытворяет Носков, и понял, что знает. Я спросил, мог ли Носков заручиться его поддержкой. Кучма сказал, что Носков звонил ему накануне и жаловался на парламент. Тогда я прямо спросил, на чьей он стороне сейчас. Леонид Данилович сказал, что он поддержит тех, кто соблюдает конституцию Украины.

Мозуляк усмехнулся в усы:

– Хитер бобер.

Депутаты возобновили сессию в здании прокуратуры. Многие вспомнили, что приезжавший накануне в Крым президент Кучма встречался с Носковым и они о чем-то долго говорили с глазу на глаз.

– Мы должны принять решение, исходя из того, что хитрый Кучма, зная, что Носков склонен к силовым решениям, подтолкнул его к перевороту, – сказал Мозуляк. – Но это не значит, что Кучма за Носкова. Просто он хочет убрать его нашими руками. Так что бояться нечего, нужно разоружить охрану и арестовать Носкова.

Цуканов сказал, что у него есть сообщение, и вышел на трибуну:

– Подчиненная Киеву милиция перекрыла Керченскую переправу, а также трассы, ведущие на север в сторону России, взяла под контроль аэропорты и вокзалы... Теперь о

действиях сторонников Носкова. На охрану телевизионного центра прибыли ялтинские казаки с бультерьерами. А на первом этаже Белого дома боевики Воротникова подтаскивают к дверям на первом этаже мебель, готовятся к обороне. И еще: молодчики УНСО в количестве 23 человек прибыли из Западной Украины с заданием водрузить на здании Верховного Совета жовто-блакитный флаг.

Цуканов отодвинул микрофон и предложил депутатам продолжить прения с учетом только что полученной информации.

– Чем быстрее мы покончим с заговорщиками своими силами, тем будет лучше, – сказал Мозуляк.

Это мнение было поддержано большинством парламентариев.

Цуканову принесли новое сообщение, и он зачитал:

– УНСО, или украинская национальная самооборона, распространила ультимативное заявление: если в течение суток крымчане не возьмут под контроль здание Верховного Совета и не разоружат охрану президента Носкова, УНСО проведет эту операцию своими силами.

В последнее время Яшин как бы выпал из придворной жизни. Носков его к себе не звал: то ли забыл о нем в происходящей круговерти, то ли намеренно уклонялся от разговора, который мог быть ему неприятен. Яшин уже подумывал об отъезде. И уехал бы, только больно уж интересно закручивались события. Когда еще доведется понаблюдать что-то

подобное?

Вместе с депутатами Яшин прошел в здание прокуратуры и сидел теперь в заднем ряду, слушал прения. К нему подошел Вадик.

– С вами хочет поговорить Виктор Павлович.

Цуканов поручил вести сессию Мозуляку, а сам ждал Яшина в кабинете прокурора. Они поздоровались и сели за приставным столиком.

– Что скажете, Андрей Васильевич?

Цуканов любил задавать обтекаемые вопросы, как бы предоставляя собеседнику самому решать, что для него главнее.

Яшин пожал плечами:

– А что говорить? Русская идея рассыпается на глазах. Крым лет на семьдесят пять отходит от России. И этот процесс историки свяжут с именами: Хрущев, Ельцин, Кравчук, Кучма, Носков и Цуканов.

Спикер с силой сцепил пальцы рук, стали видны побелевшие костяшки.

– Считаете, лет на семьдесят пять?

– Ну, может, чуть больше или чуть меньше.

– Тут главное другое: значит, не навсегда?

– Естественно. От такой громады, как Россия ни один краешек не может отвалиться навсегда. Закон тяготения.

– Значит, все происходящее сегодня, это что?

– Историческая проверка на политическую вшивость. По-

литики, Виктор Павлович, бывают нормальные, то есть настоящие, и бывают вшивые. Вот сейчас время вшивых политиков, вы уж извините.

– И все-таки, почему – на семьдесят-то пять лет?

– А потому, что и следующее поколение не выдвинет нормальных политиков. Нация придет в себя минимум через два поколения. А полную силу страна, я имею в виду Россию, обретет только при жизни третьего поколения, если считать от сегодняшнего дня.

Цуканов усмехнулся:

– Невысокого вы мнения о нашем народе.

– Наш народ станет нормальным, когда в каждой пятой семье будут воспитывать будущего президента.

– Хорошая мысль, – отметил Цуканов. – Ну, а теперь о деле. У меня к вам предложение, Андрей Васильевич. Хотите что-то сделать для Крыма сейчас, в настоящий момент?

– Сходить парламентаром к Носкову?

– Как вы угадали?

Яшин усмехнулся.

– А зачем еще я мог понадобиться?

Парни Воротникова беспрепятственно пропустили Яшина в Белый дом и тут же провели к Носкову.

Президент был бледен. Пожав Яшину руку, предложил сесть и вздохнул:

– Вот такие у нас дела.

– Иначе было нельзя? – спросил Яшин.

Носков тяжело вздохнул.

– Это было неизбежно. Я и Цуканов... Мы давно шли к этому с двух сторон. А потом они начали загонять меня в угол.

– Кто “они”? – спросил Яшин.

– Хамелеон Цуканов и те, на кого он опирается.

“А ты? Ты разве не хамелеон? – подумал Яшин. – Для тебя русская идея была, судя по всему, всего лишь удобной упаковкой, чтобы привлечь на свою сторону народ. И народ купился. Народ, как женщина, всегда хочет верить, даже если его уже обманули много раз”.

– Я защищаю данный мне народом мандат, только и всего, – продолжал Носков. – И уверен, что народ меня поддержит. Вот увидишь, мой вариант конституции будет принят большинством голосов.

– Дохлый номер. До референдума шесть месяцев. Ты столько не продержишься, – жестко констатировал Яшин.

Носков взглянул на него настороженно, почти враждебно:

– Пришел давить на психику?

– А кто еще скажет тебе правду, Олег? Цуканов предлагает вернуться к положению, существовавшему до того момента, когда парламент урезал твои полномочия.

Носков удивленно вскинул брови.

– Это он тебя прислал?

– Я согласился, потому что это предложение тебя не унижает. Никого не унижает. Надо решать споры политически-

ми средствами, Олег. В противном случае всегда будет третий радующийся. И ты знаешь, в каком городе этот радующийся живет.

– Знаю, – неожиданно согласился Носков. – Но я не могу иначе. Я презираю всех этих новых голодных. Ты говоришь, споры... Мы имеем дело с мафиозниками и законодателями из категории новых голодных. Какие могут быть с ними споры? Одних стрелять надо, других сажать, а я только не пускаю к месту работы.

“Потрясающе! – подумал Яшин. – Какие слова! И какие дела-делишки. Ведь он не мог не знать, чем занимается полковник Воротников и целая сотня его головорезов. И все разговоры журналистов, что президент Носков не разбирается в людях – пустая, прекраснородушная болтовня. Во всех он разбирается”.

– Что тебе советует Шелепугин? – спросил Яшин, догадываясь, что за всеми тайными действиями Нокова и Воротникова стоит именно этот человек.

– Сидеть и ждать.

– Сидеть насмерть?

Носков метнул в сторону Яшина неприязненный взгляд и промолчал.

– Тебе обещают какую-то поддержку? – зашел с другой стороны Яшин.

– Должны приехать казаки с Дона.

– Казаки не приедут, Олег. Перекрыты все трассы, поезда

тоже наверняка контролируются. А в Крыму тебе не на кого опереться. Цуканов просил передать: он созвонился со всеми главами исполнительной власти и заручился их поддержкой. И Сарычев со своими министрами – не опора. Наверняка уже пакуют чемоданы. И народ тебе не поднять, даже если бросишь клич. Пойми, я пришел сюда исключительно из желания помочь тебе выпутаться. Потерять так много и так быстро... Боюсь, что скоро будут говорить о феномене Носкова.

– Пусть говорят что угодно. Главное, чтобы Украина не переиграла Россию.

– Разве? Украина переиграет, когда рассыплется русская идея в Крыму, что и происходит в настоящий момент.

– Давай закончим этот бессмысленный разговор, – отмахнулся Носков. – Ты считаешь, что все кончено, а я считаю, что все впереди.

“Ну, да, – подумал Яшин, – впереди, лет через семьдесят пять”.

Цуканов встретил Яшина новостями. Московские министры во главе с Сарычевым заказали билеты на московский рейс. А дружинники, сторонники парламента, кулаками прогнали боевиков Воротникова с телецентра, и те не решились стрелять. Теперь парламент контролирует эфир, а Носков по сути сам себя запер в Белом доме.

– Пора домой, – сказал Яшин, – ничего интересного уже не будет.

– Как знать, Андрей Васильевич, как знать, – весело отвечал Цуканов.

Глава 62

Максим Брагин страдал авиафобией, но раз в год, преодолевая животный страх и тошноту, летал вместе с Риткой и сыном в Куршевель, знаменитый зимний курорт на границе Франции и Швейцарии.

От аэропорта в Женеве до Куршевеля еще 140 километров. Это расстояние приходилось преодолевать на вертолете, от одного вида которого Брагина пробирала дрожь.

Но красоты Куршевеля искупали все страдания. Темно-синий воздух, голубоватый снег, тени огромных сосен, теплый желтый свет, льющийся из окон отелей и ресторанов, свистящий ход горных лыж ...

Сюда слетались почти исключительно постоянные клиенты, которым заранее рассылались приглашения. В их число Брагин попал не сразу. В первый приезд он умудрился выставить у дверей своего шале охрану, а здесь это не принято. В довершение конфуза обнаружилось, что сынок разрисовал стены шале фломастером. Чтобы замять скандал, пришлось выложить кучу денег и в результате сократить срок пребывания. Номер стоил около 5,5 тысяч долларов в сутки. Это было дороговато даже для Брагина, бравшего с собой не меньше 100 тысяч “зеленых”.

Зато он мог на равных общаться с именитыми гостями. Здесь, в Куршевеле, было не принято во время знакомства

называть свои должности. Лучшей рекомендацией был сам факт того, что человек сюда приглашен и может позволить себе немного посорить деньгами.

Особенно интересовали Брагина знакомства с российскими министрами и депутатами Госдумы. Фотографиями, где он стоял рядом с ними в обнимку, были увешаны все стены его кабинета в центральном офисе и комнаты в особняке. Каждый, кто видел эти снимки, проникался верой во всемогущество Максима Петровича.

Многие приезжали сюда с любовницами, но Брагин никогда этого не делал. Он до сих пор не был расписан с Риткой, отшучиваясь, что брак природой не предусмотрен. Но, несмотря на частые измены, был по-своему ей предан. В немалой степени этому способствовала способность Журавской выглядеть, как леди. Никому, кто знакомился с ней в Куршевеле, и в голову не приходило, что еще четыре года назад эта женщина с изящными чувственными ноздрями и шикарной копной черных волос участвовала в конкурсе красоты в женской колонии ЖХ-385/2.

– Я так рада, – сказала Ритка и сладко потянулась.

Было утро, они с Максимом еще нежились в постели.

– Я рада, что у тебя все наладилось с Женькой, – продолжала Ритка. – У нас вообще все получается, тьфу-тьфу. Ты теперь политик. Правда, сессию пропускаешь, сачкуешь. Но кто тебе хоть слово скажет? Ты теперь лицо неприкосновенное. Втянешься постепенно, наведешь порядок в этом дол-

баном парламенте. Каких только козлов и балаболок там нет. А ты человек слова и дела.

Максим слушал и удивлялся самому себе. Ему не хочется оборвать Ритку на полуслове. Он не требует прекратить это кудахтанье, слушает спокойно. Что происходит? С ним определенно что-то происходит.

Ритка была довольна, что Максим слушает расслабленно. Теперь она могла сказать самое главное.

– Знаешь, у нас, по-моему, будет девочка. Если ты, конечно, захочешь.

Максим не возражал.

– Ну и ладно. Девка так девка. Вчетвером веселее будет.

Ритка благодарно прошептала:

– Максик, по-моему, я давно тебе не говорила одну вещь. Я очень боюсь тебя потерять. Это значит, я очень тебя люблю.

– Я тоже тебя люблю, – сказал Максим.

Ритка приложила его руку к груди, ей стало трудно дышать. Она никогда не слышала от Брагина ничего подобного.

– Давай обвенчаемся, – сказала Ритка. – Это так красиво.

– Можно, – благодушно согласился Максим.

Он взял пульт и включил телевизор. Шла программа Евровидения. Показывали президента Кучму, он что-то говорил по-украински, разводя руками. Потом пошла картинка из Симферополя. Показали боевиков Воротникова, не пускавших в Белый дом парламентариев, митингующих зевак,

бравых казаков с ногайками, едва сдерживающих на поводках злобных бультерьеров. Диктор комментировал по-французски, но и без перевода можно было ясно, что в Крыму происходят из ряда вон выходящие события.

Максим тут же набрал по мобильнику телефон Зуева.

– Конечно, лучше было бы, если б ты вернулся – сказал Женька. – Мало ли как все может повернуться.

Зуев давал понять, что структура Брагина, а это минимум двести стволов, может понадобиться.

Максим рывком поднялся с кровати.

– Собирайся, летим обратно.

Ритка ни о чем не спрашивала. Она не имела привычки задавать лишние вопросы.

Все телефоны Брагина и Зуева давно уже прослушивались сотрудниками Безпеки. Узнав, что “папа” возвращается в Симферополь, Дзюба тут же доложил об этом Лисовскому. И заодно сообщил, что пароход с 59 тоннами автоматных патронов бросил якорь на рейде Феодосии. Связанные воедино эти два факта говорили о том, что в Крыму кто-то готовится к большой пальбе. А кто это может быть, если не два дружка, Брагин и Зуев?

– Ваши предположения? – больше для проформы спросил Лисовский, зная заранее, что на уме у Дзюбы.

На высшем уровне ведомства уже было принято решение: в преддверии полного лишения Носкова президентских полномочий нейтрализовать в Крыму все сколько-нибудь круп-

ные группировки. Главарей под любым предлогом упрятать за решетку, провести обыски, изъять из тайников оружие. Оперативные наработки позволяли провести этим мероприятиям молниеносно, в течение считанных часов. В отношении Брагина и особенно Зуева решение было более жестким, а на словах – более обтекаемым. “Дальнейшее участие указанных фигурантов в политической жизни Крыма крайне нежелательно”. Это был, по сути, приговор. Не оговаривались только сроки приведения в исполнение этого приговора.

Дзюба ответил, не раздумывая:

– По-моему, нужно использовать момент. Мои люди готовы провести акцию в отношении “папы” прямо в аэропорту. Более удобного случая в ближайшее время может не быть.

“Ну и черт с ним, с этим “папой”. Пусть Дзюба грохнет его, – подумал Лисовский. – Может, отведет душу и успокоится. А Зуев поймет, с кем имеет дело и угомонится?” Лисовскому было жаль Зуева. Размышляя над его похождениями, он думал: нам бы такого парня. У него даже возникло предположение, что Зуев не мог просто так безобразничать в странах Западной Европы. Не исключено, что на каком-то этапе его кто-то вел: то ли СВР, то ли ГРУ. Но московские агенты Безопаски так ничего и не установили. В любом случае Лисовский решил, что сделает все возможное, чтобы Зуев уцелел.

Полковник, по праву считавший себя белой костью КГБ, продолжал по инерции болеть за интересы России, сознавая

отделение Украины как величайшее помрачение политических умов.

“У нас была цель, – думал Лисовский, поглядывая на Дзюбу, – мы служили не политбюро КПСС и даже не идеологии, а государству, которое одним только фактом своего существования не давало распоясаться крутым ребятам с Запада. А чему служат такие хлопцы, как этот подполковник? На чем самоутверждаются они? На идее самостийности? Но эта идея держится на отторжении всего русского и борьбе против всего русского в угоду крутым ребятам с Запада. Не мелкогато и не подловато ли?”

– Что дает наблюдение за пароходом? – спросил полковник.

– Команда на берегу. На судне только охрана.

– Вы уверены, что патроны именно там?

– Сто процентов. Информация многократно перепроверена. На пароходу есть наши люди. Не известно только, кто будет получать груз.

– Не спугните получателя, – сказал Лисовский. А в отношении “папы” действуйте по обстановке, но смотрите, чтобы никаких случайностей.

Он имел в виду случайные жертвы среди других пассажиров, которые будут находиться во время акции у здания аэропорта.

Охрана встретила Брагина и его семью в зале VIP-персон. Ждать багажа не стали, сразу пошли к стоянке автомашин.

Шаффы-охранники плотно заслоняли со всех сторон. А если бы они вдруг легли от пуль нападавших, в кармане у Максима был пистолет “Кларк”. Брагин свободно пронесил этот ствол, изготовленный из композитных материалов, через все металлоискатели. А если бы у него нашли этот пистолет, то не обнаружили бы на нем, обработанном специальным составом, ни одного отпечатка пальцев.

Накануне Дзюба сказал Лисовскому, что никто из сотрудников не хочет марать руки о “папу”. Смертельно скользкое это дело. Рано или поздно информация о том, кто убил, обязательно будет выгодно продана браткам Брагина. И вообще не пристало службе безопасности устраивать мокруху своими руками. “Правильно делают, что отказываются, – поддержал Лисовский. – Достаточно других вариантов. Неужели этот “папа” ни с кем ничего не делил? Неужели ему никто дорогу не перешел? Ищите исполнителя на стороне, подполковник”. И Дзюба нашел бывшего спецназовца, воевавшего в Абхазии.

...Охранники заслоняли Максима со всех сторон, но они не могли уберечь от выстрела сверху. Пуля была почти беззвучно выпущена с крыши здания и попала “папе” в глаз. Стрелявший из винтовки “Барс” киллер попадал на тренировках с километрового расстояния в голову мишени. А здесь не было и ста метров. Но он, целившись точно в лоб, чуть-чуть промахнулся.

Рана была ужасная. Один ее вид не оставлял никаких на-

дежд. Вместо глаза зияла большая кровавая дыра. Пулей была разворочена и затылочная кость. Охранники попытались тащить Брагина к машине, но Ритка остановила их. Ее охватила истерика.

– Я знаю, кто это сделал! – вопила она. – Падла, я залью твой Севастополь кровью. Ты от меня не уйдешь!

Только что, на пути в Симферополь Максим рассказал ей о похождениях Женьки. И, в частности, о том, что “тигры” Аркана имели привычку сводить счеты со своими врагами выстрелом в глаз. На кого она могла теперь думать? Только на Зуева.

Узнав об убийстве Брагина из срочных теленовостей, Зуев пришел в ярость. Он не сомневался, что это работа спецслужбы. Только чьей? Само место покушения указывало на то, что все было сделано теми, кто считал себя на этой земле хозяином. Сделав спокойно свое дело, киллер тут же растворился среди сотен пассажиров. Ищи-свищи.

Зуев позвонил Журавской. Говорил сочувственные слова – Ритка молчала. Женька думал, что она плачет, а она просто скрипела зубами. Она была уверена, что Зуев свел счеты не только с Максимом, но и с ней – за Ленку Лаврову и Женю, ее дочь.

Верховный Совет Крыма лишил Носкова всех президентских полномочий. Министр внутренних дел генерал Валебный приехал в Белый дом в сопровождении взвода милиционеров и обратился к боевикам Воротникова с призывом

сдать оружие. В этом случае, обещал он, против них не будет никакого уголовного преследования. Ребята посоветовались и сдали свои пушки. Полковника Воротникова в этот момент в Белом доме уже не было. Он успел заблаговременно исчезнуть.

Когда генерал Валебный вошел к Носкову, тот сидел в комнате отдыха и полоскал рот. От нервного расстройства у него снова разболелись зубы.

– Сдайте оружие, Олег Степанович, – потребовал министр.

Носков выдвинул ящик письменного стола и выложил “макарова”.

– У вас должен быть еще один пистолет, – напомнил Валебный.

Носков несколько секунд раздумывал, потом достал из-за пояса еще один “макаров”.

– А теперь автомат, – сказал генерал.

Носков кивнул в сторону сейфа. Дверца несгораемого шкафа была не заперта. Сопровождавший Валебного милиционер достал из сейфа “калашников”.

– Серьезно вы подготовились, – заметил Валебный. – Придется оформить протокол. Как юрист, вы не хуже меня знаете, что полагается за незаконное хранение огнестрельного оружия.

– Оформляйте, – равнодушно бросил Носков. – Но не забывайте, что я все еще президент.

Генерал усмехнулся:

– Президент чего? По-моему, вы остались президентом только этого кабинета.

– Еще не вечер, – пробормотал Носков. – Сейчас мои сотрудники готовят обращение к генеральному секретарю ООН, к генеральному секретарю ОБСЕ.

Валербный повернулся к сопровождавшим его милиционерам:

– Вырубить телефоны спецсвязи. Отключить все обычные телефоны. Запереть в гараже все автомобили бывшего президента.

– Не творите беззакония, генерал, я пока что действующий президент, – повысил голос Носков.

– Не вам говорить мне о беззаконии, – процедил в ответ министр. – И добавил уже в дверях, прежде чем уйти. – К сожалению, велено вас не трогать, шестой этаж пока в вашем распоряжении. Велено не мешать вам медленно отходить в небытие. Смотрите только, как бы на почве антисанитарии зараза какая не завелась. Ну а если заведется, у нас в СИЗО прожарка всегда наготове.

– Он сядет здесь, за этим столиком. А вы сядете здесь и здесь.

Журавская показывала своим ребятам, с каких позиций они будут расстреливать Зуева. Ребята знали, что шансов уцелеть у них мало. А если чудом уцелеют, то милиция рано или поздно их достанет. Слишком много будет свидетелей.

Ритке в эти дни полагалось бы думать о малолетнем сыне, о будущем втором ребенке. Но в ней, вот загадка природы, неожиданно снова проснулась разбойница. “У меня нерв оголился!” – в исступлении орала она.

В какой-то момент она заставила себя успокоиться, позволила Зуеву и спросила убитым голосом:

– Тебя ждать?

– Конечно, приеду – какой разговор?

– Один приедешь? – спросила Ритка. Ей хотелось, чтобы Зуев взял с собой Женю. Она хотела укокошить их обоих. Тогда бы ее душа успокоилась.

– Могу, и не один, – сказал Зуев, хотя на самом деле не собирался брать с собой Женю.

Слух о том, что Брагина убил его старый дружок Зуев, уже всю гулял по Крыму.

– Нельзя тебе ехать на похороны, – строго-настрого предупреждал сына Кузьмин.

– Наоборот, обязательно надо ехать, – возражал Женька.

Он был по-своему прав. Не поехать – означало только подтвердить беспочвенные подозрения.

Поминки проходили в кафе. Народу было много. Собрались представители всех группировок. Зуеву отвели почетное место, посадили рядом с Риткой. А потом предоставили слово.

– Макс был мой школьный друг, – сказал Женька. – Потом мы вместе учились в мореходке, мечтали проплыть по

всем морям и океанам. Но жизнь сложилась иначе. Мы делали ошибки, но мы и расплачивались за них. Наши отношения подвергались серьезным испытаниям, но мы всегда верили, что мужская дружба – это единственное, во что еще можно верить. У Макса было большое будущее. Он много сделал для людей и сделал бы еще. Для этого у него были все данные. Но кому-то он стал неуютен, как, возможно, стану неуютен и я. Кому-то мы мешали, и я догадываюсь, кому именно...

– А мы не догадываемся, – неожиданно прервал Зуева сидящий за соседним столиком парень, – Мы точно знаем, кто убил Максима Петровича.

С этими словами парень вынул из внутреннего кармана тэтэшник. У Зуева было мгновение, чтобы упасть на пол или хотя бы пригнуться, но он стоял неподвижно, с удивленным выражением лица. И парень начал всаживать в него одну пулю за другой. Женька всплеснул руками и рухнул на стол. Двое его охранников, сидевших рядом, выхватили свои стволы, но были в упор расстреляны другими ребятами Брагина. Беспорядочная пальба началась у входа в кафе. Там убивали остальных охранников Зуева. Это было форменное побоище.

Ритка сидела неподвижно, с мертвым взглядом. Потом взяла Женьку за вьющиеся волосы, приподняла его голову над столом. Она думала, что ему конец. Но жизнь еще билась в нем.

– За что? – прохрипел он.

Глаза у Ритки ожили. Она схватила голову Женьки обеими руками и закричала:

– Что ты сказал? Повтори!

– Как ты могла? Я ни в чем не виноват. Это не я, – прохрипел Женька.

Глаза его, удивленные и детские, после этих слов застыли, а на губах появилось странное выражение. Казалось, он улыбался.

– Женя, подожди, – жарко зашепала Ритка. – Подожди, куда же ты?

Но все было кончено.

– А-а-а! – истерично завывла Ритка, – А-а-а! А-а-а!

Стрельба стихла, и теперь все смотрели на нее. А она орала, как умалишенная:

– А-А-а! А-а-а! А-а-а!

Носков сидел в своем кабинете. Он был небрит. На краях воротника и манжет виднелись темные полоски. Не догадался запастись маленькими ножницами, и теперь ему приходилось обрезать ногти бритвенным лезвием. У него была прежняя прическа – зачес слева направо. И его по-прежнему мучили большие зубы.

Четверо самых преданных сотрудников покинули его в разные сроки. Теперь осталась только Кира Стежкина. Она вошла в кабинет и, не говоря ни слова, включила телевизор, российский первый канал. На экране появилась Галина Нос-

кова. Она беседовала с телеведущим Доренко, объясняла, с какой целью приехала в Москву:

– Я боюсь за жизнь моего внука, моей дочери, наконец, моего мужа. Я приехала просить политического убежища в России. В конце концов, мы все пострадали за русскую идею. Это должно быть как-то оценено.

– Дрянь! Дура!

Носков выключил телевизор и подошел к окну.

– Все, Олег Павлович, я уйду, – сказала Кира. – Поздравляю. Вы хотели вернуться в Россию, и вы вернетесь. Правда, без крымчан, но это мелочи.

Президент даже головы не повернул. Он смотрел вниз, где стояли две старушки, держа в руках картонный плакатик со словами “Держись, Олег, мы верим в тебя!”

Но его внимание привлекли не старушки. Чуть поодаль, на скамейке сидела Алла. Нет, зрение не изменяло Носкову, это была она. И она смотрела, подняв голову, прямо на него. Президент помахал ей, но она не отвечала. Тогда он надел пиджак и спустился вниз. Время было нерабочее, поздний вечер, и редкие остававшиеся в Белом доме чиновники провожали его удивленно-насмешливыми взглядами.

Когда он вышел, Аллы уже не было. Она догадалась, что он решил спуститься, и ушла. Ушла не далеко, и смотрела со стороны, как президент вертит головой, отыскивая ее взглядом. Ее душили слезы, и она говорила себе, поглаживая руками большой живот: успокойся, мне нельзя волноваться,

нельзя!

Носков подошел к старушкам. Одна из них была Лаврова.

– Спасибо вам, – сказал Носков.

– Держитесь, – сказала Клавдия Ивановна. – Может быть, еще не все потеряно.

– Да нет, пожалуй, все, – послышался тонкий тенорок.

Это был судья Поляков. Он внимательно, чуть насмешливо оглядел Носкова и сказал:

– Теперь нас начнут отуречивать. Знаете, как это делали турки? Выкалывали глаза Христу на иконах и фресках. У нас, конечно, до этого не дойдет, но тоже натерпимся издевательств. А как иначе сделать Крым нерусским? Никак не получится. С чем и поздравляю, избавитель вы наш! – ответив издевательский поклон, закончил старик.

Президент готов был ответить резкостью, но у него задержался глаз. Этот нервный тик изводил его всю последнюю неделю. «Тебе надо показаться невропатологу», – сказала ему на прощанье Зульфия-ханум.

«Будь все проклято! Будь все трижды проклято!» – выругался Носков и пошел обратно в Белый дом.

Он неожиданно ощутил голод. Но в холодильнике были одни прохладительные напитки. Еду обычно приносила Кира. Как же он теперь будет кормиться, когда секретарша ушла? Носков еще со времен избирательной кампании боялся отравления. Не случайно постоянно перебивался грецкими орехами.

Его внимание привлек какой-то сверток, лежавший на журнальном столике. Носков развернул. Это были татарские пирожки – эчпочмек. Что за чертовщина? Откуда они взялись? Неужели здесь побывала Зульфия? У нее были свои ключи. Но почему не дождалась?

Зазвонил телефон. В трубке звучал знакомый голос. Советница с усмешкой спрашивала, как гулялось президенту.

– Что ж не дождалась? – упрекнул Носков. – Я выходил всего на минуту.

– Видела я, к кому ты выходил! – мстительно воскликнула Зульфия. – Приятного аппетита! – и положила трубку.

Носков принялся за эчпочмеки. Жевал, ничем не запивая. Зачем? Из пирожков сочился потрясающе вкусный бульон. И заново переживал прогулку. Черт! Когда имеешь много женщин всегда так – за одной гонишься, другую упускаешь. А тут еще этот старик. Возомнил себя гласом народа, судом истории. Нашел крайнего! Причем тут он, Носков, если судьбу Крыма давно решили Кравчук с Ельциным? Он только пытался сделать невозможное. Ну, не получилось. Почему же весь позор неудачи теперь навешивают на него? Чего ради он один должен отдуваться? А тут еще, явно без участия Яшина, писаки и телевизионщики доставали пресловутым феноменом Носкова. Да, были шансы. Да, шансы упущены. Да, наверно, ничье президентство не было таким коротким. Ну и что? Застрелиться ему, что ли?

«А почему, нет? – неожиданно ответил себе Носков. – Как

мне раньше это в голову не пришло? Самый простой выход из дерьмового положения. Пук – и все кончено».

Президент засунул руку под кожаную обивку кресла и нащупал подаренный Шелепугиным маленький браунинг. Дожевал эчпочмек, передернул ствол и взвел курок. Курок был тугой, сильный. Это хорошо, меньше вероятности осечки. Да, он сделает это, у него хватит характера. Он не станет политическим трупом, а умрет достойно. И пусть перед судом истории предстанут те, кто его травят, кто смешивает его с грязью. Пусть одни ответят, а другие пожалеют.

Он был готов сделать самое решительное в своей жизни движение. Но ему захотелось с кем-нибудь попрощаться. Хоть с кем-нибудь на этой земле, в этом мире. Он набрал телефон Аллы.

– Слушаю, – сказала Алла.

Носков молчал. Теперь у него не только дергался глаз. В горле стоял спазм.

– Говорите, я слушаю, – голос у Аллы стал тревожным.

Носков положил трубку. «Будем считать, попрощались». И поднес браунинг к виску. «Одни ответят, а другие пожалеют», – снова сказал он себе, чувствуя, что эта мысль поможет ему нажать курок. Но силы в пальце не было. Черт! Неужели он не сможет? Этого он от себя никак не ожидал. Что же получается? Значит, он не так силен, как привык себя считать. Не может быть!

Преодолевая судорогу в пальце, Носков нажал на курок.

Но выстрела не последовало. Тяжело дыша, он вынул обойму. Обойма была полна патронов. В чем же дело? Осечка? Он передернул затвор, поднес браунинг к виску и нажал на курок еще раз. Снова осечка. Трясущимися руками он вынул из патронов пули. Пороха под ними не было. Кто-то высыпал порох из патронов. Кто? О браунинге знали трое: Шелепугин, Воротников и Федулов... Попробуй, угадай кто именно. Да так ли это важно. Главное, что он, стреляный воробей, и здесь лоханулся.

Президент лег на диван и укрылся пледом. У него начался легкий озноб. Нервы. Это пройдет. Надо немного поспать, и все пройдет. Ему снился судья Поляков. Старик пенял, грозя узловатым пальцем: «Женщину предал, русскую идею предал, себя предал!» Носков проснулся в холодном поту. Озноб не проходил. Напротив, становился сильнее. Лоб горел, поднималась температура.

Утром президента начали мучить приступы удушья. Во второй половине дня к нему вошли, открыв своими ключами все двери, люди в белых халатах с марлевыми повязками на лицах. Они ни о чем не спрашивали, будто им было все ясно. Тогда и Носкову все стало ясно: он отравлен.

Его увезли из Белого дома на машине «скорой помощи». Прессе было сказано, что у президента дифтерия...

После лечения он был отправлен в Москву. Его сопровождал Дзюба. Подполковник тянул пиво одну бутылку за другой. Он мог теперь расслабиться. Операция «Вулкан» про-

ведена успешно, и он мысленно поздравлял себя с третьей большой звездочкой.